Авессалом Подводный

ВОЗВРАЩЕННЫЙ ОККУЛЬТИЗМ

I

ИЛИ ПОВЕСТЬ О ТОНКОЙ СЕМЕРКЕ

Авессалом Подводный

Возвращенный оккультизм,

или

Повесть о тонкой семерке

I

Воронеж 1993.

ББК 86.391
П44

Подводный А.

П44 Возвращенный оккультизм, или Повесть о тонкой семерке, I. — Воронеж: НПО „МОДЭК", 1993. — 208 с.

Много ли в человеке зла, и всегда ли и как именно следует с ним бороться? Какова тонкая структура человека и что такое эволюционные уровни его тел? Ответ на эти и многие другие вопросы книга даст как читателю, искушенному в самопознании, так и новичку в этих вопросах.

Издательство НПО „МОДЭК".
394000, г.Воронеж, а/я 179.

Сдано в печать 24.03.93 г. Формат 84×102/32. Бумага офсетная №1.
Усл. печ. л. 10,94. Тираж 30.000. Заказ 4594.

Отпечатано с компьютерного набора в издательско-полиграфической фирме „Воронеж", пр. Революции, 39

При оформлении книги использованы рисунки Каменской Е.В.

ISBN 5-87224-020-1 (т. 1)
ISBN 5-87224-019-8

Содержание

Онтология, или Небо слишком высоко

В этой книге автор описывает некоторый способ видения мира, как плотного, так и тонкого, но главный акцент стоит на их взаимодействии, и в некотором смысле перед читателем лежит практический учебник, а автор, тем самым, выступает в роли практического учителя. Вместе с тем, отвечая за свою добросовестность в описании предлагаемого способа видения мира и взаимодействия с ним, автор ни в коей мере не настаивает ни на единственности, ни на исключительности в каком бы то ни было смысле этого способа видения — читатель, может, разумеется, выбирать себе философию, религию, гадание и колдовство по своему вкусу; но, с другой стороны, выбор человеком точки зрения на мир — совсем не безразличная для мира и вовсе не безопасная для человека вещь, и поэтому, излагая свой вариант видения, автор постоянно говорит о правильном, или этичном, поведении в различных ситуациях, имея в виду не столько моральный облик читателя (который, безусловно, важен для автора), сколько меры защиты и безопасности, позволяющие избегать неприятных, а главное, неожиданных побочных эффектов. Полной безопасности автор, безусловно, гарантировать не может: «Любое целенаправленное действие содержит в себе элемент риска» (Р. Шекли).

Эта книга рассчитана на читателя, которого не нужно убеждать в существовании тонкого мира и его существенном влиянии на плотный; с другой стороны, от читателя не предполагается умений читать мысли, двигать предметы, раздвигать ткани, летать по воздуху или хотя бы видеть ауру людей и предметов — одной из целей автора является демонстрация того факта, что читатель *уже*, т.е. и без специальной подго-

товки, является магом и интуитивно пользуется законами тонкого мира и различными способами воздействия на плотный через тонкий (что, видимо, и является определением магии). Иногда то, что человек реально делает, совсем не совпадает с тем, что он об этом думает.

***

Фундаментальными для всей книги понятиями, смысл которых будет постепенно раскрываться ниже, служат эгрегор, инвольтация и точка сборки.

Введению в понятие *эгрегора* посвящена книга А. Тихомирова «Общественное подсознание»; там же рассмотрены некоторые социальные эгрегоры, и автор отчасти будет на нее опираться. В общем эгрегор можно представить себе как некоторый единый развивающийся объект в тонком мире, соответствующий той или иной группе людей или, иногда, просто некоторой идее; так, говорят об эгрегорах религий, государств, семьи, профессиональных и т.д. *Инвольтацией* называется информационно-энергетический поток (и канал, по которому идет этот поток), идущий от эгрегора к человеку или к другому эгрегору; это понятие — одно из основных в «Розе мира» Даниила Андреева, где в зооморфном виде описаны также многие государственные эгрегоры (уицраоры) и их взаимоотношения друг с другом и с земной жизнью.

Понятие *точки сборки* (восприятий) принадлежит Карлосу Кастенеде и означает фиксацию способа видения мира человеком. Сам Кастенеде описывает точку сборки как особую точку интенсивной яркости в светящемся яйце (ауре), окружающем человека; при этом изменению положения точки сборки соответствует изменение способа видения мира и картины мира, а при сильном ее смещении человек субъективно оказывается в другом пространстве, а объективно — необъяснимо исчезает в мире, где он только что находился, и столь же необъяснимо возникает в другом. Однако столь сильные сдвиги точки сборки доступны лишь немногим и требуют длительной специальной подготовки; ниже они не обсуждаются. Для нас важно другое: положение точки сборки — символ способа мировосприятия — определяет канал инвольтации человека; другими словами, искусство связи с различными эгрегорами и культура взаимоотношений с ним опирается, как на фундамент, на умение точно выбрать положение точки сборки и удержать ее там в течение требуемого времени.

***

Когда Господь творил Землю, он возложил на нее (и ее обитателей) определенные обязанности или, говоря на оккультном языке, кармическую задачу, и, судя по многим косвенным признакам, непростую. Высокая сила (или сущность), на которую возложена ответственность за выполнение этой задачи, ниже именуется Планетарным Логосом, а соответствующий эгрегор — Планетарным. Можно представлять себе Землю как физическое тело Планетарного Логоса (тогда, например, экологические проблемы осмысляются как духовные), но планетарный уровень находится существенно выше целей (и возможностей) автора, и здесь он останавливается.

Троичность Божества, символически (хотя и по-разному) представленная во многих религиях, на оккультном языке означает существование трех Главных эгрегоров, управляющих земными делами, и инвольтируемых непосредственно Планетарным эгрегором. Эти три эгрегора достаточно абстрактны (высоки), но все же поддаются некоторому описанию, которое во многих случаях дает возможность понять, к какому из них относится деятельность того или иного конкретного эгрегора или человека.

Первый Главный эгрегор (в индуизме ему соответствует Брама — бог-создатель мира, в христианстве — Бог-отец, в астрологии он символизируется Плутоном) имеет ключевое слово *воля*. В своих высших проявлениях это Десница (или Воля) Божья; на социальном уровне это законодательная власть, на индивидуальном — принцип воли в человеке. Черным Учителем по Первому Главному эгрегору является, по Д. Андрееву, Гистург, или Великий Мучитель — первая ипостась планетарного демона Гагтунгра. Главным искушением Первого эгрегора является искушение власти над миром в любой форме.

Второй Главный эгрегор (Вишну — бог-охранитель мира, бог-сын, планета Нептун) имеет ключевое слово *восприятие*. В высших его проявлениях это Божественная любовь, милость, сострадание и благодать Божия; на социальном уровне это народ, или общественное мнение, на индивидуальном — внутренняя жизнь, особенно эмоциональные состояния и аффекты. Черный учитель здесь — Великая Блудница Фокерма, вторая ипостась Гагтунгра. Главные искушения — корыстное искажение реальности (особенно ложь), всевозможные низкие медитации (в том числе алкогольные и наркотические трансы) и сильные эмоциональные состояния.

Третий Главный эгрегор (Шива — бог-разрушитель мира, Бог-святой Дух, планета Уран) имеет ключевое слово *действие.* В высших проявлениях это Перст Божий, чудо, т.е. любое прямое вмешательство Божие в дела земные. На социальном уровне это власть исполнительная, на индивидуальном — практическая деятельность. Черный Учитель — Урпарп, Великий осуществитель демонического плана (проще говоря, Строитель козней) — третья ипостась Гагтунгра. Главным искушением Третьего эгрегора является неразумная активность, энергичные действия с закрытыми глазами (хотя часто и с лучшими намерениями), несущие на самом деле хаос и разрушения, создающие новые кармические узлы, уплотняющие и затемняющие мир.

***

В этом трактате существенную роль играют проблемы этики, время от времени всплывают антропоморфные фигуры, олицетворяющие зло (гораздо реже — добро), и автор ощущает необходимость сказать несколько общих слов на эту тему.

Каждый человек, серьезно занимающийся проблемами этики, а также многие люди, занимающиеся этикой несерьезно, и даже вовсе ею не занимающиеся, в некоторый момент встают перед следующим вопросом: является ли зло лишь отсутствием добра, подобно тому, как тень есть отсутствие света, или (вариант) его низшей ступенью, подобно тому, как невежество и полузнание суть низшие ступени знания, — или же зло является самостоятельной силой, с которой следует бороться как с таковой, поскольку она имеет недвусмысленно противоположные добру цели. Вторая (манихейская) точка зрения имеет немалые основания, хотя первая во многих отношениях более привлекательна и безусловно дает меньше возможностей для злоупотреблений — но последнее обстоятельство не может служит критерием истины.

Собственно говоря, гносеологически или тем более операционально, разницы нет, так как конкретное зло в жизни человека всегда может расцениваться им как черное учительство, т.е. как посланное Богом препятствие, преодолев которое, он подвинется по пути своего развития, и тогда поставленный выше вопрос о природе зла оказывается несущественным. Однако онтологическая постановка вопроса (т.е. как выглядит ситуация глазами Бога, «на самом деле») тоже имеет право на существование, и здесь автор может предложить читателю следующую метафору.

Эволюция любого мира подобна сплаву по порожистой реке, причем рельеф местности определяется кармической задачей мира. Участки плавного течения субъективно переживаются как последовательная эволюция, постепенное очищение, набор духовной высоты, знаний и т.д.; пороги с черными валами, водоворотами, хлопьями пены и отбойной волной у скал — участки появления кармических узлов, тяжелой чистки и прогрессорского, т.е. насильственного и неподготовленного роста — все это переживается как дисгармония и зло. Таким образом, в целом, если смотреть с большой высоты, откуда порогов не видно, все в порядке, в конечном счете эволюция идет, и притом в нужном направлении. Однако с позиции внутреннего наблюдателя, пытающегося сохранить равновесие на утлой лодочке, зло как определенный вихрь или водоворот имеет как бы самостоятельное существование: оно устойчиво и втягивает в свою орбиту все, находящееся в некоторой своей окрестности. При этом прямая борьба с вихрем бесполезна: если навстречу ему пустить другой вихрь (ответить злом на зло), то, встретившись, они создадут еще большую турбулентность. Единственное, что оказывается эффективным, это найти самый центр (уязвимую точку) и ткнуть туда маленькой булавочкой, разомкнув центральное звено. После этого вихрь сам по себе распадается на несколько существенно меньших по величине; а совсем маленький вихрь не имеет достаточных сил для того, чтобы поддерживать свою турбулентность, и постепенно гасится вязкостью воды.

Глава 1

Развитие личности,

или

Искусство жить с самим собой

Любая периодически повторяющаяся последовательность действий человека (как во внешнем, так и во внутреннем мире), переходящая хотя бы в некоторой степени в привычку и автоматизм, формирует у него программу подсознания, управляющую этим автоматизмом и одновременно вызывает к жизни определенную сущность, или фигуру, в тонком мире, возникающую около человека всякий раз, когда включается соответствующая программа подсознания. Кроме того, характерные для общества в целом личные программы подсознания все вместе формируют большие, архетипические тонкие фигуры, которые создают и инвольтируют соответствующие индивидуальные тонкие фигуры отдельных людей. Таким образом, у каждого человека имеется два комплекта тонких сущностей, регулярно около него появляющихся и на него непосредственно влияющих: первый комплект состоит из фигур, созданных им лично, и уникальных, второй — из общесоциальных, наведенных ему социальным эгрегором по каналам, связывающим данного человека с социумом. Однако создание полностью индивидуальной фигуры — большая редкость; чаще всего человек придает лишь некоторые индивидуальные черты расхожему и общедоступному архетипу: «Все счастливые семьи похожи друг на друга» (Л. Толстой).

Ниже рассмотрены семь характерных фигур, осуществляющих равнение общества под одну гребенку; их трансформация к приемлемому виду — необходимая часть процесса выработки индивидуальности и освобождения человека (а потом и общества) от невидимых, но весьма ощутимых пут.

Первые две фигуры инвольтируются Первым эгрегором (воли).

Черный Человек агрессии (управляется Солнцем и Марсом) создается программой подсознания, управляющей жесткой защитой от внешнего мира, а иногда и нападений на свое эго изнутри, например, со стороны программы долга или совести. Обычно он носит черный плащ или строгий костюм, неприветлив и очень неохотно показывает свое лицо и особенно глаза. Обычное их выражение — недоверие и непримиримость.

Сильная фигура *черного человека* бывает у людей, которым часто приходится, что называется, «полагаться на самих себя». В острых ситуациях *черный* выходит вперед и становится между человеком и миром; внешнему наблюдателю бросается в глаза резкая перемена в облике человека: он становится как будто железным, непроницаемым и манипурно-жестким; зато сила, идущая в этот момент через человека, может заставить отступить (внешне) существенно превосходящего его по силе противника.

Чем больше душевных сил и энергии положит человек на создание своего *черного*, тем интенсивнее он медитирует на соответствующих программах своего подсознания (прежде всего это страх и ненависть), и чем чаще он их эксплуатирует, тем сильнее становится фигура *черного*, и здесь обнаруживаются очень неприятные побочные эффекты.

Прежде всего, *черный*, как и прочие тонкие фигуры, создаваемые подсознанием, не становится его марионеткой, но постепенно получает определенную свободу воли и возможность в некоторых пределах вести себя по своему усмотрению.

Более того, постепенно у него оформляется лицо и вместе с ним некоторый характер, иногда довольно склочный и капризный: *черный* может обижаться на человека, ему угрожать, вылезать, когда никто его об этом не просит, а главное, очень склонен к ревности. Как и всякая оформленная сущность, *черный* требует от своего хозяина регулярного питания, а всякая нежная привязанность хозяина (особенно хозяйки) грозит ему утратой внимания, а следовательно, и питания, с уменьшением которого он теряет силу, власть над миром и хозяином и просто величину. Тогда он идет уже на откровенные провокации, выступая вперед и размахивая кулаками просто так, безо всякого внешнего повода, искусственно создавая хозяину угрожающую ситуацию, в которой тот ощутит, каково жить без такого верного и надежного слуги, — а заодно и поссорится с нежелательным «другом». С другой стороны, перекорм *черного* также чреват неприятностями: от избытка энергии он начинает размахивать кулаками и выкрикивать астральные оскорбления (что достигается, например, соответствующим хамским выражением лица или интонациями хозяина), вызывая ответную тонкую, а затем и плотную (т.е. материальную) агрессию среды.

Далее, всякая повышенная защита (и тем более демонстрируемая сила) привлекает внимание соответствующих, а также несколько более крупных по величине, энергетике и агрессивности сущностей, которые, клацая зубами, немедленно вступают в бой с *черным*.

Вокруг человека создается напряжение и возникает в целом более агрессивная среда, так что ему становится страшно, и он вынужден усилить своего *черного*, а иногда и принять другие меры защиты, например, выключать на ночь свет. На известном уровне вооружений обстановка снова нормализуется, но теперь возросший *черный* имеет гораздо большую власть над человеком, и в какой-то момент из не очень послушного слуги становится жестким хозяином и повелителем, особенно обзаведясь (что неизбежно при повышении его энергетики) прямым каналом к архетипическому (т.е. общесоциальному) *черному человеку*, которого можно назвать *Черным Королем*; последний имеет прямую инвольтацию от Гистурга.

Следующий важный момент заключается в искажении восприятия, а точнее, в определенном сдвиге точки сборки человека с активным *черным*. По мере роста *черного* точка сборки сдвигается в область, соответствующую миру повышенной агрессивности. Человек (говоря психологически) как будто все время ждет удара и готов нанести ответный — и

фактически получает удары тогда, когда с общесоциальной точки зрения это совсем не так (например, воспринимает — и действительно слышит — как оскорбления вполне нейтральные ремарки), и, с другой точки стороны, ведет себя фактически (т.е. с точки зрения внешнего наблюдателя) жестко и агрессивно, вовсе этого не замечая и не имея в виду (хотя, конечно, некоторое огорчение, раздражение или неудовольствие в душе ощущая, но, полагая, что оно несущественно, и в любом случае совершенно никому не заметно). Короче говоря, *черный*, выходя вперед (и особенно будучи выше хозяина), создает между миром и человеком черное (в обе стороны) кривое зеркало, причем заметить его довольно трудно.

Уровень силы *черного* можно оценить по его размерам (выше самого человека — значительная агрессивность), уровень его лютости — по количеству и интенсивности красного цвета в одежде и особенно глазах, а уровень власти над человеком и актуальное состояние — по взаимному расположению с ним:

— *черный* стоит на некотором отдалении сзади и невелик ростом — нормальное положение;

— *черный* ростом ниже человека, но стоит спереди и слегка жестикулирует — социально приемлемая агрессия; размахивает кулаками — выход за социальные рамки;

— *черный* стоит сзади человека, выше его ростом и держит руки на его плечах, или, хуже, на горле — частичная замена ролей: тогда человек слушает *черного* вопреки своей воле и (горловое положение) этике (например, периодически неконтролируемые вспышки ярости или квазиэпилептические припадки «истерического» происхождения);

— *черный* целиком поглотил человека, так что лицо последнего просматривается с трудом. Этот человек — марионетка жесткого агрессора и практически лишен своей воли — фанатики, агрессивные асоциальные элементы, периодические посетители психиатрических лечебниц;

— *черный* велик ростом, целиком поглощает человека, так что его плохо видно, и имеет отчетливый канал к *Черному Королю* — совершенно асоциальные личности, маньяки, тотальные сумасшедшие, причем не обязательно — буйные — возможен вариант всепоглощающего ужаса перед миром.

***

Следующая фигура, инвольтируемая Первым эгрегором воли, это *Дракон Личного Самоутверждения* (управляется Юпитером и Плутоном). Как и все остальные тонкие фигуры, описываемые в данной главе, *дракон* является социально

наведенным, т.е. потребность в личном самоутверждении присуща человеку именно как социальному индивиду, но не как духовной сущности («блаженны нищие духом»)

Тем не менее, социум, по крайней мере, в его нынешнем виде, нуждается в том, чтобы его члены обладали честолюбием и стремились к социальному раскрытию своей личности — это альтернативный палке способ заставить человека трудиться на благо общества. Жажда социального признания, стремление к сбору максимального числа знаков любви, внимания и почитания, желание славы — из этих семян, посеянных социальным эгрегором, у человека вырастают программы подсознания, вызывающие к жизни *дракона самоутверждения.*

В развитом виде этот *дракон* трехглавый: первая голова горделиво поднята вверх и величественно-снисходительно смотрит на весь нижележащий мир; вторая голова, наоборот, снизу с восхищением, любовью и преданностью смотрит на первую, а третья вытянута вперед и внимательно озирает окрестности в поисках очередного объекта, способного восхититься и оценить *драконьи* достоинства.

Однако количество голов, размер *дракона* и его взаимное расположение с человеком могут быть очень разными, символизируя особенности подсознания и мировоззрения человека. Приведенные ниже варианты и толкования отнюдь не исчерпывают всего богатства возможных ситуаций и должны рассматриваться читателем лишь как общие указания и иллюстративный материал.

Большой, хорошо откормленный *дракон*, на котором хозяин удобно располагается верхом, означает, что человек раскрыл социуму свою личность и получил полное одобрение — это вариант популярного артиста. Здесь опасность в том, что большой *дракон* очень прожорлив и требует ежедневной доли приношений; если хозяин ему их не обеспечивает, то дракон взбирается на него верхом, и это очень неудобно и тяжело, и человеку приходится полностью подчинить свое поведение желаниям *дракона*, даже ценой выхода за социальные рамки.

Агрессивный *дракон* (любых размеров) часто бывает огнедышащим; по крайней мере, в острые моменты из его ноздрей летят искры и начинает клубиться серый или синий дым, а при сильном возбуждении может показаться и пламя, что указывает на явное нарушение социальных норм и агрессию при самоутверждении; таких людей в обществе не любят, и терпят, только если они представляют для него существенный интерес. Тем не менее, человеку очень трудно сменить форму поведения (агрессивное самоутверждение за чужой счет), поскольку недовольный недокормленный дракон кусает и обжигает его самого.

У человека скромного и особенно страдающего комплексом сильной социальной неполноценности *дракон* будет маленьким, по крайней мере, низким (ниже колен), неуклюжим, худым и на вид безобразно-несчастным; как правило, у него одна голова (поисковая), притом привыкшая к тому, что (немногочисленные) съедобные куски, попадающиеся на ее пути, в последний момент отбирают (например, человек не умеет принимать комплименты: моментально появляется *черный*, и оттеснив *дракона*, затаптывает их в землю). Однако не нужно думать, что маленький *дракон* это укрощенный *дракон*: весьма вероятно, что, лишившись комплекса неполноценности и попав в более благоприятную социальную ситуацию, человек очень быстро его откормит до устрашающих размеров и тут же попадет к нему в рабство.

Культурный вариант *дракона* выглядит так: он размером с собаку, возможно, трехголовый, но бегает на поводке; разумеется об искрах и дыме из ноздрей не может быть и речи, но, тем не менее, дракон сыт, в меру упитан, и хозяин не препятствует ему бегать в пределах поводка и питаться кусками, выпадающими ему извне; однако направление своего движения человек определяет сам, не обращая внимания на восторженные или, наоборот, кислые мины *дракона*.

Архетипической для индивидуального *дракона* фигурой является *Большой Дракон самоутверждения*, инвольтируемый Гистургом. Однако надо сказать, что *Большой Дракон*

внешне представляет собой довольно приличное зрелище, в нашей цивилизации он, так сказать, окультурен — общество одобряет личное самоутверждение в весьма жестких рамках, и извращенным вариантам вида и поведения личного *дракона* человек чаще всего обязан самому себе (это, конечно, относится и к остальным фигурам, описываемым в этой главе, но к *дракону* особенно).

***

Мы переходим к фигурам, относящимся ко Второму Главному эгрегору чувств; соответствующие архетипы инвольтируются Великой Блудницей Фокермой.

Желтый Человек обмана и самообмана (управитель Нептун) создается программами подсознания, систематически искажающими человеку его внешнюю и внутреннюю реальность, или, говоря другими словами, сдвигающими точку сборки в этически неприемлемую область. Конечно, искажения бывают разные, и каждая медитация и вообще любой новый способ видения преломляют мир в сознании и подсознании каждый раз по-своему, но все же есть некоторые позиции точки сборки, которые либо настолько сужают поле видения мира, либо так искажают это видение, что вернувшись в нормальное свое состояние, человек отрицает бывший способ видения, говоря, что ему отвели глаза, что он как-то «случайно не заметил то, что обязательно должен был увидеть», «понимал происходящее совершенно превратно» и т.д.

В принципе, назначение *желтого* — защита психики: в тех случаях, когда эго чувствует, что происходит что-то для него неприятное, оно включает программы подсознания, сужающие восприятие, чтобы неприятное не попало в поле зрения, а если это невозможно, старается подкорректировать точку зрения на происходящее (т.е. положение точки сборки) так, чтобы максимально уменьшить субъективный вред и неприятности на *данный момент*. Эти программы подсознания и создают фигуру *желтого*.

Говоря о *желтом*, важно иметь в виду, что у него всегда есть инвольтации от архетипа — *Желтого Короля* — фигуры, с помощью которой социум в целом отводит себе глаза от своих же актуальных проблем. Поэтому любое взаимодействие с личным *желтым* всегда затрагивает и непосредственно социум, и слишком энергичное раскрытие своих глаз, т.е. прямая борьба со своим *желтым* может привлечь внимание *Желтого Короля*, и тогда он усилит по прямому каналу, помимо воли и сознания человека, инвольтацию *желтого*, который может, например, сдвинуть человеку точку сборки в некоторое очень устойчивое положение, иногда в неожиданном для него направлении, но главное — без возможности оттуда выбраться, и человек, глазами социума, становится слегка «чокнутым», «повредившимся» на собственных идеях, а по существу — догматиком, не способным к восприятию чужих взглядов и мыслей.

Увидеть *желтого* иногда не очень просто — он может предстать, например, в виде желтоватого оттенка воздуха, желтого облачка или тумана, который, впрочем, постепенно конденсируется в гибкую, похожую на мультипликационную фигуру *желтого*, чрезвычайно пластичную и способную быстро вытягиваться в любых направлениях. При интерпретации очень важен рост *желтого*, поскольку он искажает реальность в области, расположенной ниже его глаз (которые обычно имеют несколько неопределенно-лживое выражение, но уловить его, а тем более его взгляд достаточно трудно). Таким образом, если человек хочет обмануть другого, он должен (в тонком мире) стать выше его, а *желтого* выпустить вперед, вырастив его до промежуточного роста, т.е. ниже себя, но выше жертвы своего обмана. Однако при регулярной (особенно корыстной) эксплуатации у *желтого* усиливается прямой канал к *Желтому Королю* (именно по величине этого канала и следует оценивать силу *желтого*, т.к. его размеры непостоянны), в результате чего *желтый* обретает большую свободу и возможность вырасти существенно больше своего хозяина, искажая тем самым его видение мира, а также выставляя его

перед миром в неконтролируемых и невидимых для хозяина искажениях.

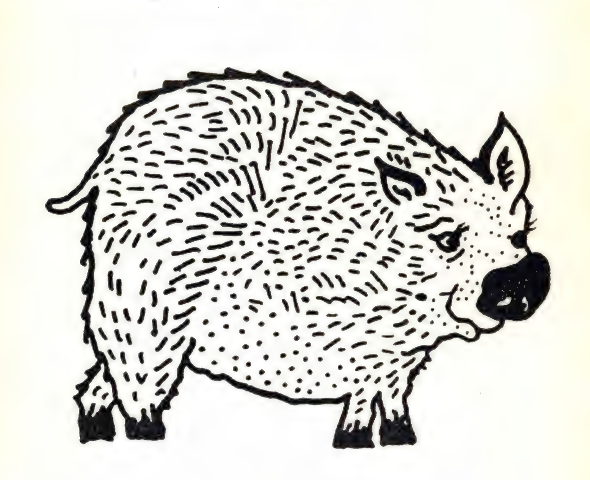
Если человек, выражаясь обыденным языком, окончательно изолгался, происходит качественный скачок в ситуации: *желтый* уже постоянно стоит выше него, так что у человека не остается возможности взглянуть на себя (относительно) честными глазами. (Кстати говоря, то же относится и к обществу в целом: если оно не дает возможности критики себя, его *Желтый Король* становится выше него, и социум задыхается во лжи). Следующая, крайняя фаза подчинения *желтому* выглядит таким образом: *желтый* полностью поглощает человека, и тогда последний практически не может считаться хомо сапиенсом, поскольку способность к критической оценке себя в этом положении отсутствует полностью; чаще всего это сумасшедшие или фанатики, но иногда такие люди становятся народными вождями, заливая свои народы ложью (чаще всего пополам с кровью).

У сравнительно честного человека *желтый*, как правило, невелик, и послушно вырастает в случаях необходимой «лжи во спасение» (обман тяжелобольного и т.п.) и социальных ситуаций, требующих соблюдения этикета (неискренние улыбки, поздравления и т.д.), но все это не очень существенные эффекты, и здесь человек сам инвольтирует своего *желтого*, выращивая его, а затем сокращая обратно. Гораздо опаснее прямая социальная инвольтация *желтого*, т.е. прямое влияние на него *Желтого Короля*, которое включается сразу, как только человек начинает заниматься больными социальными вопросами и проблемами, взгляд на которые *Желтый Король* тщательно охраняет, и неосторожным и неподготовленным агрессорам здесь грозят большие неприятности, вплоть до остракизма, безумия и смерти.

Чрезвычайные сложности и проблемы, возникающие у духовных прозелитов, т.е. у людей, только встающих на духовный путь, также во многом связаны с прямой инвольтацией *желтого Желтым Королем*. Общество в целом категорически не заинтересовано в том, чтобы кто-то видел его изъяны и пороки и занимался его кардинальной чисткой, и потому препятствует духовному росту своих граждан всеми возможными и невозможными способами. Один из самых эффективных приемов по сбиванию прозелита с духовного пути заключается в моментальной инвольтации *желтого*, который вырастает выше хозяина и меняет знаки: добро начинает казаться злом, путь вверх — путем вниз и т.д., и неправильно винить в этом прозелита: не он сам обманывает себя — этим занимается лично *Желтый Король*... и хотя, конечно, без

внутреннего согласия человека в тонкой реальности не происходит ничего, все же для того, чтобы заметить и сократить прямую инвольтацию своего *желтого* со стороны *Желтого Короля* или просто внешней среды, нужен высокий уровень внутреннего внимания — впрочем, при условии надлежащей этики это дело практики.

***

Следующая фигура (управляемая Луной и Ураном) создается программами лунного потребления всех видов — это ***Свинья Эгоизма***. Как и все остальные фигуры, она имеет два канала инвольтации — от самого человека (хозяина) и от архетипической *Большой Свиньи*, создаваемой в соответствии с общесоциальными представлениями о необходимых, естественных и желательных пределах потребления социального индивида; кроме того, *Большая Свинья* имеет прямую инвольтацию от Фокермы.

Индивидуальная *свинья эгоизма* преимущественно формируется самим человеком и конкретной социальной прослойкой, в которой он вращается, и влияние *Большой Свиньи* на личных *свиней* гораздо менее индивидуализировано, чем, например, влияние *Желтого Короля* на фигуры конкретных *желтых*: если *желтые* сильно различаются между собой, то *свиньи* людей из одинаковых социальных прослоек часто очень похожи: кто попроще, предпочитает украинский вариант *свиньи* под девизом: чем больше жира, тем вкуснее, люди же более культурные скорее ориентируются на английский бэкон, стараясь чередовать слои мат- и духпотребностей.

Свинья эгоизма — умное и прекрасно адаптирующееся к нраву своего хозяина животное; по крайней мере, перехитрить его плоские попытки по своему истреблению ей обычно не стоит особого труда. По внешнему виду *свиньи* и ее повадкам можно многое сказать о характере внешней и внутренней жизни ее хозяина; ниже, как обычно, приведены лишь некоторые характерные приметы.

Свинья, похожая на кабана, жилистая и особенно поросшая жесткой черной щетиной, выдает человека с примитивными потребностями, в удовлетворении которых он будет груб, и тонкие энергии его не привлекут.

Наоборот, *свинья* с тонкой розовой кожей, обаятельным пятачком и на фоне куста сирени означает потребности человека галантного, деликатного, склонного порой к восприятию тонких эмоциональных вибраций эстетического и любовного происхождения.

Характер и внешний вид *свиньи* показывает способ отношения к ней своего хозяина.

Так, *свинья* видом дикая, тощая, испуганная, то и дело со всех ног удирающая прочь, а особенно вся в шрамах, синяках и ссадинах показывает человека грубо-аскетического толка, который постоянно борется со своим «низшим», как он считает, началом, откровенно его ненавидя. Такая *свинья* склонна к воровству и порой (с голодухи) пытается проглотить совсем уж несъедобные куски, что на уровне сознания означает совершенно «скотское» поведение, за которое человек себя клянет и презирает, но прекратить его рецидивы не в состоянии.

У человека, потакающего своему эгоизму и лени, но постоянно (или периодически) себя за это осуждающего, *свинья* будет большая, откормленная, но терзаемая крупным оводом (или мелким слепнем), налетающим с частотой и кусающим с интенсивностью, определяемыми мучениями совести своего хозяина.

Размер *свиньи* и ее прожорливость (а также излюбленная пища) символически покажут уровень ее власти над человеком и типы его вожделений. Разумный размер *свиньи* — ниже пояса хозяина; если она вырастает выше него, человек оказывается в ее подчинении, а если *свинья* кладет ему на плечи передние ноги или (финальное поражение) вовсе поглощает его целиком, то человек становится рабом своих желаний (в последней стадии — до невменяемости).

В культурном варианте *свинья* будет размером с собаку, в меру упитана, приятно выглядит и бегает вокруг хозяина на поводке, не выбегая при этом вперед; он, со своей стороны, не препятствует ей в поедании желанной ей пищи.

Наивный человек, взявшийся за работу над собой, склонен натравливать на *свинью* своего *черного*; чаще всего он даже не удирает, а зовет на помощь *желтого* — удары *черного* преимущественно попадают мимо — а человек убежден, что интенсивно духовно растет. В действительности прямое волевое манипулирование описываемыми тонкими фигурами ведет лишь к их усилению, и главная задача человека, вступающего на путь самосознания — разобраться в имеющихся у него фигурах, их взаимоотношениях и постоянно повторяющихся сюжетах их взаимодействий. После этого их размеры уменьшаются до подобающей величины как бы сами собой, а взаимоотношения становятся более гармоничными. Обман и кровь. льющаяся во внутреннем мире, имеют тенденцию к материализации во внешнем. Что же касается работы со своей *свиньей*; очень важно сократить ее канал связи с *Большой Свиньей*, иначе говоря, человек должен решить для себя вопрос: какие мои потребности являются социально наведенными, и что именно из того, что мое общество считает нужным каждому своему члену, на самом деле нужно мне лично? Может оказаться, что совсем немногое, и тогда, после некоторых испытаний и жертв, прямая инвольтация его *свиньи Большой Свиньей* сильно уменьшится, и *свинья* сократится в объеме и аппетите, а личная энергетика человека соответственно возрастет.

***

Мы переходим к фигурам, управляемым Третьим Эгрегором действия, чьи архетипы инвольтируются Великим Строителем Козней Урпарпом.

Серый Человек (управитель Сатурн) соответствует программам подсознания, вызывающим у человека депрессию, скептицизм, сомнение и уныние; *серому человеку* всё равно, любые эмоции, энтузиазм, инициативу и энергетику он поглощает полностью, никак при этом не меняясь (разве что вырастая в размерах, но лишь утверждаясь в своей жизненной позиции, соответствующей положению точки сборки, с которого мир видится наполовину как безжизненная пустыня, а наполовину как зловонное болото).

Серый совершенно не похож на *черного*: насколько первый собран, настолько второй диффузен, плохо оформлен. Скорее, *серый* во многом напоминает *желтого*, и у многих людей они выступают своеобразным тандемом, в форме серо-желтого тумана, клубящегося у ног и периодически поднимающегося выше головы — сущее мучение для психотерапевта.

Серый не агрессивен и никогда не проявляет инициативы — но чутко реагирует на любую энергетику, от самой высокой до самой низкой, стараясь замкнуть ее на себя — а хозяину отдать мертвую шелуху. Как прямой противник, *серый* абсолютно неуязвим и от лобовых атак лишь усиливается: логические аргументы он особенно любит, умея съесть их энергию без остатка и вернуть выжатому насухо врагу окончательно добивающую его фразу: «Ты меня не убедил». Что касается эмоционально-энергетических нападений, то это основной источник его питания, *серый* (видимым образом увеличившись в размере), в заключение скажет: «И все же это меня не вдохновляет».

Серый, не имея на это, строго говоря, никакого основания, подвергает сомнению все на свете, — но такова его жизненная позиция, которая поддерживается прямым каналом от *Серого Короля* — архетипической фигуры, инвольтируемой самим Урпарпом, к которому в конечном счете и идет энергия, поступающая к *серому* из окружающего мира. Единственное, чего *серый* не выносит, от чего он худеет, уменьшаясь в размерах, и просит дополнительной инвольтации *Серого Короля*, — это ситуация его полного игнорирования, духовного, ментального и эмоционального.

Ниже уровня глаз *серого* в области его влияния царят уныние, меланхолия и безнадежность, здесь в высшей степени сомнительно все, кроме одного момента, который зато абсолютно достоверен: скорый тотальный провал любого начинания или проекта; таких слов как надежда, удача и счастье, просто нет.

Серый реализует принцип пессимизма, который является одним из проявлений программы самоуничтожения в человеке. Однако у многих людей эта программа, в принципе актуализирующаяся в конце жизни и предназначенная для облегчения и сокращения предсмертных страданий, получает большое развитие еще в начале жизни, иногда в детстве, иногда в юности, и порой доводит человека до самоубийства (здесь, конечно, не обходится без сильной инвольтации *Серого Короля*).

Нормальное положение *серого* — немного сзади, рост — ниже колена хозяина. При более высоком росте *серый* представляет опасность для тех чакр человека, которые оказываются ниже уровня его глаз — сначала страдает муладхара (уменьшение жизненного тонуса), затем свадхистхана (начинаются сексуальные проблемы и утрачивается вкус к жизни), затем манипура (утрата силы воли); *серый* на высоте хозяина означает тотальную депрессию, особенно если его руки лежат на плечах или (хуже) на голове человека. Полное поглощение *серым* своего хозяина — клинический случай, депрессия на уровне умопомешательства, невозможность ходить и есть, вероятны попытки самоубийства, активного или пассивного — тотальное отчаяние, жить невозможно и не для чего.

Любимая пища *серого* — неудачи человека, позиция: «я же говорил, что ничего не получится, добра не жди»; чаще всего *серый* действует в паре с *желтым*, который бессовестно подтасовывает факты и устанавливает ложные связи, находя следствия несуществующих или несущественных причин, и здесь очень важно разделить эти две фигуры — от одного этого мир сразу светлеет; прямая же борьба здесь, как, впрочем, и с другими тонкими фигурами этой главы, не ведет к успеху.

Распространен вариант, особенно среди слабых людей, когда *серый* отправляется на борьбу со *свиньей эгоизма*. Действительно, мир для *свиньи* становится серым, но она не худеет и не уменьшается ее аппетит — просто у нее делается какой-то несчастный и неухоженный вид. Лучше честно есть (запрещенный себе) шоколад, радуясь этому, чем есть его же со слезами на глазах и похоронным настроением «все равно нет в жизни счастья». В жизни-то как раз оно есть, его нет в прозябании... но автор незаметно переходит к следующей тонкой фигуре, *торопыжке*.

Торопыжка (управитель Меркурий) представляет существо, во всех отношениях противоположное *серому*, но факти-

чески их цели похожи — это прекращение потока энергии и любой конструктивной деятельности человека; социальный архетип *торопыжки* — *Король Торопыга*, — так же, как и *Серый Король*, инвольтируется Урпарпом.

Главная цель *торопыжки* — повышение ритма внутренней жизни и внешней деятельности человека; его девиз: «Скорее, рёбята, а то не успеем», причем что именно не успеем, совершенно не важно, главное — ни на секунду не останавливаться. *Торопыжка* участвует в любой активной деятельности человека, будь то физическая работа, мыслительный процесс, речь; при этом один из важнейших его постулатов — результат должен быть получен немедленно, а иначе действие не эффективно, и надо увеличивать ритм. «Надо» — одно из любимых слов *торопыжки*, а почему и зачем, собственно, «надо», понять не остается времени.

Торопыжка — эффективное средство борьбы Урпарпа с любыми конструктивными усилиями человека. Все, что делается, требует некоторого времени для своего осуществления; чем труднее проект и чем глубже он встроен в реальность, действительно ее преобразуя, тем точнее должно быть согласование ритма исполнения проекта с не зависящим от человека (или почти не зависящим) ритмом жизни Космоса, Земли, больших социальных групп, наконец, просто внешних обстоятельств. Поэтому всякое замедление, равно как и убыстрение работы должно быть согласовано с указанными внешними ритмами, от которых *торопыжка* всячески пытается человека отвлечь. «Твоя работа замедлилась, — тараторит он, — и в любом случае идет недостаточно быстро — скорее пошевели-

вайся, крути все колеса, шестерни и барабаны, или, еще лучше, переключайся на что-нибудь новенькое, например, тебе необходимо срочно...» — и *торопыжка* предложит хозяину еще минимум пять совершено неотложных дел.

Как и все остальные тонкие фигуры, торопыжка имеет два канала инвольтации — от самого человека и от *Короля Торопыги* — общество не любит пассивных граждан, общество любит активных граждан... однако Урпарп, с помощью *Короля Торопыги*, стремится превратить эту активность в хаотическую или направленно разрушающую силу. Вот как это происходит.

Каждый человек в определенные минуты жизни бывает снедаем некоторым беспокойством. Например, его тянет развлечься, но не просто так, а чтобы что-то такое мелькало перед глазами, например, покрутиться в чертовом колесе, поглазеть на футбол или почитать детективчик с лихо закрученным сюжетом. «Ты очень устал от однообразия жизни», тянет за руку своего хозяина *торопыжка* размером ему по пояс. Если *торопыжка* выше пояса, с ним уже трудно бороться, а поскольку реально он не дает делать ничего (в том числе и отдыхать), то жизнь человека уже в большой степени становится борьбой с суетой и «текучкой», которую среднего размера *торопыжка* умеет организовать так, что свободного времени не остается вовсе.

Торопыжка ростом с хозяина означает уже состояние, ведущее к болезням — психическим и соматическим, поскольку человек, с одной стороны, не отдыхает уже никогда, а с другой — не может доделать ни одного своего дела и практически никогда не выполняет обещаний, хотя давать их склонен во множестве, — и поэтому от внешнего мира получает не поддержку, а наоборот, лишь волну разочарования, серости и несбывшихся надежд.

Нормальный размер *торопыжки*, не мешающего человеку в его главных делах — ниже колена, но по мере того, как увеличивается энергетика хозяина, бороться с *торопыжкой* становится все труднее — последний получает прямую инвольтацию от *Короля Торопыги*, и человек обнаруживает, что, с одной стороны, у него внутри без каких-либо видимых причин резко возрастает напряжение и появляется навязчивое стремление сделать всю работу, додумать все мысли, разрешить все проблемы как можно скорее — ведь вся наша жизнь — игра случайностей, и неизвестно, как повернется завтра... С другой стороны, помимо чисто иррационального увеличения (хотя как сказать — кто может поручиться, что я доживу до завтра?) внутреннего напряжения, возросший за

счет прямой инвольтации *торопыжка* создает своему хозяину и хаотическое метание мысли, и возрастающее давление внешних обстоятельств, которое словно нарочно складывается так, чтобы не дать человеку осуществить свои замыслы. Поэтому обычные житейские советы типа «А ты организуйся, успокойся, затормозись, сосредоточь свои усилия на главном, не отвлекайся на мелочи, но веди стратегическую линию несмотря ни на что» и т.п. хороши лишь для человека со слабой энергетикой, чей *торопыжка* инвольтируется преимущественно им самим, и действительно, если он последует всем этим советам, он, вероятно, существенно сократит своего *торопыжку*, — если, конечно, не будет при этом удушен *серым*; однако для того, чтобы сократить *торопыжку*, непосредственно инвольтируемого *Королем Торопыгой*, нужно вступить в прямое сражение с последним, и это уже совершенно другой сюжет. Человек, который хочет сделать что-то действительно общественно нужное и важное, должен быть готов к схватке с Гагтунгром: в одной, а иногда во всех его ипостасях сразу.

***

И, наконец, последняя, седьмая тонкая фигура, управляемая Венерой и Хироном, самая, вероятно, сложная для понимания и управления. Это ***Змей***, или, если судить по роли, которую он чаще всего берет на себя, циник и комик. Его архетип инвольтируется Фокермой и ведет свое происхождение от библейского пресмыкающегося; ниже он именуется *Большой Змей*.

Основное оружие *змея* это ирония, которая используется им двояко: во-первых, для профанации любых серьезных и возвышенных устремлений человека (насмешка над идеалами), и, во-вторых, для отведения глаз хозяина от грозящих ему опасностей, которые *змей* также изображает как несерьезные, не давая человеку их оценить и соответственно подготовиться. Основное качество образов, которое создает *змей*, это неуместность, что часто производит комический эффект, снимая напряжение и понижая концентрацию внимания: задача *змея* заключается в том, чтобы человек махнул рукой и перестал воспринимать как серьезные самые ответственные для него ситуации. Основной принцип, который *змей* всячески навязывает хозяину, это: «Авось, пронесет», а основной метод — перенесение любой ситуации на арену в цирке, где штанга клоуна-тяжеловеса оказывается надувной, так же, впрочем, как и его неимоверные мускулы.

Обычно *змей* принимает форму змеи или змеи с четырьмя лапками, своего рода стройный бронтозаврик, который может ползать, бегать и ходить на задних лапах, имитируя человека. При этом он одевается согласно обыгрываемому им сюжету и использует различные аксессуары. Какое бы серьезное дело ни замыслил человек, змей тут же изобразит пародию на него, и при этом выражение его морды будет настолько забавным, что трудно удержаться от улыбки. Физик садится за стол писать формулы — *змей* тут же расположится рядом за партой, одетый в профессорский халат и шапочку и начнет с преувеличенно-серьезным видом перелистывать биографию А. Эйнштейна; пианист сядет за фортепиано, *змей* схватит палочку и заиграет «чижика-пыжика» на ксилофоне и т.д.

Если, однако, эти уловки не помогают, то *змей* может перейти и к прямому воздействию на хозяина, например, обвиться вокруг его ног и буквально не пустить туда, куда, по мнению *змея*, человеку ходить не следует. Если *змей* в вертикальном положении (т.е. стоя на хвосте) может подняться до плеч хозяина, то он может при случае обвиться и вокруг рук, что чревато частичной блокировкой их движений — в самом прямом смысле этих слов. Вот, например, типичный сюжет из жизни начинающего пианиста — ученика музыкальной школы. Все время подготовки к экзамену — месяц — *змей* выделывал самые разнообразные штуки на полу и на рояле, отвлекая юного музыканта от сосредоточенного изучения концерта; изображал его самого, юного Бетховена и всех педагогов в самых неожиданных и несерьезных видах и т.д. Во время концерта, когда мальчик про него забыл, *змей* плотно обвился вокруг его рук и практически сорвал игру, после чего

незаметно соскользнул на пол, и вечером утешал своего хозяина, бодро марширую в матросской бескозырке с развевающимися по ветру ленточками под звуки популярного шлягера

„Не надо печалиться — вся жизнь впереди,
Вся жизнь впереди — надейся и жди“,

делая вид, что к срыву на экзамене он, *змей*, не имеет ну абсолютно никакого отношения, да и вообще, что было, то прошло, чего теперь-то расстраиваться?

Змей размером с хозяина (и выше) не будет демонстрировать свой рост; он притвориться маленьким, добродушным, доброжелательным; может с показной любовью смотреть человеку в глаза и проявлять инициативу исключительно с целью его развлечь и утешить, и может оказаться в этом весьма изобретательным — но в результате все конструктивные планы человека будут расстроены. Разумеется, человек может направлять внимание и энергию своего *змея* во внешний мир, мороча голову окружающим, но чем крупнее и сильнее змей, тем большее внимание оказывает он на самого человека, всегда умея незаметно застать его врасплох.

Бороться со *змеем* трудно; и чем выше энергетический и особенно духовный уровень человека, тем сильнее прямая инвольтация его *змея* от *Большого Змея*, и тем труднее становится его укрощать. *Змей* — мастер профанации: духовность он представит душевностью, а душевность — милой незначительностью, мудрость обернет случайным совпадением, ум — удачной хитростью и т.д. Он великий фрейдист в худшем смысле слова, и культура для него — неудачная сублимация грубого сексуального потока, а секс — это и есть он, *змей*; посмотрите на него, как он вытягивается во весь рост, потом сворачивается в обольстительное колечко, и в заключение представляет — один! — коллективный секс, пылко свиваясь кольцами и пронизывая самого себя самыми немыслимыми способами; правда, все равно получается не столько сексуально, сколько смешно.

***

Описанные выше семь тонких фигур (для краткости они вместе ниже именуются тонкой семеркой, а их архетипы — королевской семеркой) играют в жизни человека определенную отрицательную роль, и хотя иногда они имеют довольно симпатичную, на первый взгляд, наружность, более пристальное наблюдение обнажает их недвусмысленно демоническое происхождение. Каждая из этих фигур требует от человека определенного питания, и каждая из них, являясь,

таким образом, специфическим вампиром, полученную от человека энергию либо передает по прямому каналу своему архетипу, т.е., в конечном счете, Гагтунгру, либо использует для увеличения смуты и хаоса во внешней и внутренней жизни человека. Прямая борьба с тонкой семеркой (как своей, так и чужой) невозможна: человек может медитативно, на короткое время сильного сосредоточения, сократить в размере любую из фигур, но как только он отвлекается, подсознание быстро восстанавливает исходное состояние всей тонкой семерки. С другой стороны, тонкая семерка это набор черных учителей, непосредственно препятствующих раскрытию чакр человека и его духовному росту, поэтому косвенная борьба с ними это один из возможных путей эволюционного развития человека, а *косвенная* борьба с королевской семеркой — важное направление духовной эволюции социума.

Распределение черного учительства тонкой семерки по чакрам таково:

Сахасрара — дракон самоутверждения препятствует связи человека с Богом и любым религиозным медитациям, т.е. совершает подмену высшего «я» низшим.

Аджна — свинья эгоизма сужает видение человека и ограничивает его высшую волю, сосредотачивая его внимание и интересы исключительно на эго.

Вишудха — торопыжка старается не дать человеку возможности завершить любое начинание, конструкцию; *торопыжка* разрушает любые формы.

Анахата — желтый человек совершает подмену высшей любви и Божественной защиты ложью, т.е. низшими типами искажения реальности, открывая доступ в нее низшим энергиям (инвольтация Гагтунгра).

Манипура — черный человек стремится направить энергию хозяина по очень ограниченному спектру грубых проявлений, узурпировать его волю и подчинить ее *Черному Королю* и в конечном счете Гистургу.

Свадхистхана — змей активно профанирует энергетику свадхистханы, превращая секс в похоть, и лишает человека отдыха, чувства тепла, радости и полноты восприятия жизни своими циничными насмешками и убивающей всякую жизнь иронией.

Муладхара — серый человек стремится лишить хозяина всякой жизненной силы, т.е. фактически изнурить до смерти.

Каковы же косвенные методы управления тонкой семеркой? Главный из них это беспристрастное наблюдение за ее

жизнью, в результате которого человек осознает различные низшие подпрограммы своего подсознания, вызывающие к жизни тонкую семерку и управляющие ее поведением, которое чаще всего оказывается очень и очень непростым, ибо члены этого коллектива энергичны, упрямы и своенравны. После того, как программа подсознания обнаружена сознанием, ее последующая трансформация к приемлемому виду существенно облегчается, а когда это происходит, человек меняется, подсознание сокращает инвольтацию тонкой семерки, и она несколько утихомиривается и цивилизуется — если, конечно, не усиливается ее инвольтация Королевской семеркой, но и в этом случае жизнь тонкой семерки меняется.

Огромное количество неприятностей и бед внутренней (и, разумеется, внешней) жизни человека связано с его низкой культурой обращения с самим собой, что приводит к совершенно варварским отношениям между членами тонкой семерки, которые сказываются и на самом человеке часто совершенно неожиданным для него образом.

По-видимому, работу со своей тонкой семеркой лучше всего начинать с ее дифференциации, т.е. разделения ее на отдельные фигуры. Дело в том, что у многих людей подсознание устроено так, что некоторые программы, например, эгоистического потребления и самообмана, склеены вместе. Это может получиться вследствие того, что в данном случае человек считает неэтичным получать удовольствия эгоистического порядка, и когда реально их-таки получает, сам перед собой обязательно притворяется, что ровным счетом ничего для него приятного не происходит. Тогда его *свинья* (она, кстати говоря, вовсе не обязательно будет тощей, но, вероятно, окажется волосатой и хищной) будет как бы склеена с *желтым*, например, будет иметь отчетливую желтую ауру, и понадобится некоторое напряжение, чтобы эту ауру сконденсировать в определенную фигуру, и тогда можно будет увидеть несколько странное зрелище: *желтый* сидит на *свинье* верхом, но ниже пояса как бы в нее врос. Другой распространенный вариант — совмещение в одном животном *свиньи* и *дракона самоутверждения* — такой человек самоутверждается как-то особенно неприятно, словно ужиная комплиментами. Воспитанный и ухоженный *дракон самоутверждения* — это гордое и часто брезгливое животное, которое чуждается как *желтого*, так и всеядной *свиньи* (бывают, впрочем, и капризные *свиньи*). Несчастный, забитый человек может обладать синтезом *свиньи—торопыжки*, суетливым животным, хватающим на ходу каждый попавшийся кусок и глотающим его не жуя и не ощущая вкуса. Кошмар психоаналитика — это *жел-*

тый змей, а *черный торопыжка* — весомая причина для разводов, ибо жить с его хозяином в качестве супруга — сущая пытка. Возможны и тройные гибриды, например, *серо-черный дракон*, но пусть лучше читатель понаблюдает сам за окружающей его тонкой фауной, а автор тем временем перейдет к следующей фазе работы с тонкой семеркой.

Скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается. Гораздо легче сказать, что тонкие фигуры должны быть раздифференцированы, чем реально перестроить свое подсознание в соответствии с этим указанием — такая перестройка может занять несколько лет — но и результаты не замедлят сказаться, и одним из них будет чрезвычайное прояснение и структуризация внутренней, и, соответственно, внешней жизни — теперь ситуаций, когда человек чувствует, что делает что-то не то или не так (или вовсе не делает), но понять, что происходит и, тем более, исправить положение, решительно не в состоянии, — таких ситуаций становится гораздо меньше, и они классифицируются по семи основным типам, соответствующим тонким фигурам.

Каждый раз, когда тонкая фигура становится выше своего хозяина, она не только обретает над ним большую власть, но становится и ощутимым проводником воли и энергии Гагтунгра в соответствующей его ипостаси.

Например, *дракон самоутверждения*, вырастая выше человека, делается не только сильным и прожорливым и обладающим властью заставить своего хозяина отправиться в интересном для *дракона* направлении — кроме этого, через *Большого Дракона* в тонкую реальность вокруг человека начинает транслироваться злая воля Гистурга, т.е. реальность адских пространств. Воздух темнеет, атмосфера становится жестче, напряженнее, мрачнее, появляются тонкие стервятники и всевозможная фауна и флора из низших слоев тонкого мира — астральные пиявки, грязные ментальные смерчи (которые вызывают острое ментальное беспокойство) и т.д. Аналогично, большой *желтый* включает прямую трансляцию Желтого Короля и мира Фокермы, где царствует обман и все плывет в искажениях, постоянно меняющихся в своем безобразии формах. И даже если увеличение тонкой фигуры происходит медитативно, пусть на несколько секунд, результаты прямой трансляции Гагтунгра в область тонкого мира, окружающую человека, будут ощущаться им и его ближайшим окружением еще несколько дней. Если же какая-то из тонких фигур регулярно, и, тем более, постоянно выше своего хозяина (который в подобных случаях обычно бывает порабощен соответствующей фигурой, т.е. находится внутри нее), то та-

кой человек является постоянным источником дьявольской инвольтации, и рядом с ним трудно долго оставаться рядом; власть имущие пользуются иногда услугами таких людей, но и они, несмотря на свою сильную социальную защиту, не любят долго находиться рядом с подобным околдованным.

Однако околдование (т.е. поглощение) своей тонкой фигурой это все же крайнее, вообще говоря, не типичное состояние, которое должно рассматриваться как патология или тяжелая болезнь тонкого тела; помощь в этом случае возможна, но она должна оказываться квалифицированным воздействием, а сам человек, как правило, уже не может и даже не очень хочет ничего изменить, так как его низкая воля практически порабощена тонкой фигурой. Гораздо легче сокращать размеры и энергетику тонкой семерки, пока она еще относительно скромных размеров. Здесь возможны самые различные пути, но все они требуют одного: честной внутренней работы, осознания низших программ и перестройки своего подсознания Не останавливаясь подробнее на теме индивидуального укрощения тонких фигур, автор может предложить набор из семи жизненных позиций, постепенно осваиваясь и утверждаясь в которых, читатель может существенно сократить свою инвольтацию тонкой семерки:

Билль о правах
и
актуальных возможностях

Я, такой, какой я есть в настоящий момент, имею право и фактически могу то, чему следуют пункты:

1. Предстать перед Богом и держать перед Ним ответ за свою жизнь (антитезис *дракону*);
2. Видеть мир глазами высшего «я» (антитезис *свинье)*;
3. Успешно завершить свои дела (антитезис *торопыжке*);
4. Честно смотреть на самого себя и выдержать удар истинного мнения обо мне внешнего мира (антитезис *желтому*);
5. Защитить себя и свое окружение от внутренних и внешних врагов (антитезис *черному*);
6. Жить на том уровне, на котором нахожусь, не скатываясь то и дело в глубокие ямы (а если это когда и случится, то с Божьей помощью выбраться оттуда) (антитезис *змею*);
7. Жить (антитезис *серому*).

***

Итак, первое направление работы с тонкой семеркой это ее тщательная дифференциация, с тем, чтобы тонкие фигуры разделились сначала в принципе, как идеи, а затем перестали склеиваться даже медитативно, в самых острых и экстремальных ситуациях; второе направление это сокращение их инвольтации со стороны хозяина путем утверждения человека в конструктивных жизненных позициях. Третье направление работы с тонкими фигурами это повышение их культуры и культуры их взаимоотношений друг с другом и с хозяином.

В идеале тонкая семерка должна как можно меньше вредить, но для этого недостаточно одного лишь желания человека; в действительности он постоянно входит в контакт с тонкими фигурами и вынуждает их взаимодействовать друг с другом, в результате чего в этом своеобразно подчиненном ему коллективе возникают определенные отношения и устанавливаются регулярно повторяющиеся устойчивые сюжеты, сопровождающие человека по всей его жизни. Чем выше уровень внутренней культуры человека, тем более цивилизованные лица (и морды) у его тонкой семерки, и тем пристойнее манеры и отношения в этом коллективе; наоборот, острые клыки, жесткие взгляды, непримиримость, подавление одних членов семерки другими, групповые конфронтации и войны свидетельствуют о значительных дисгармоничностях в подсознании, а часто и сознании человека. В этом случае чрезвычайно важно разобраться в структуре взаимоотношения между тонкими фигурами и хотя бы частично их окультурить, смягчить антагонизмы, ликвидировать самые кричащие несправедливости, угнетение и рабство. При нормализации отношений в тонкой семерке сами тонкие фигуры видимым образом хорошеют в эстетическом плане и часто убывают по величине и аппетиту, а у самого человека резко снижается уровень внутреннего напряжения. Особое внимание следует обратить на устойчивые сюжеты, постоянно повторяющиеся сцены и последовательности действий тонкой семерки, сопровождающие жизнь человека. Эти сюжеты соответствуют устойчивым стереотипам восприятия внешнего мира, их интериоризации и перераспределению полученной извне энергии, и часто служат главным тормозом внутреннего развития. Поэтому поиск самых устойчивых сюжетов, разыгрываемых тонкой семеркой и порабощающих волю человека, и прекращение их инвольтации со стороны хозяина — очень важное и эффективное направление внутренней работы.

Совершенно невозможно описать хотя бы основные типы взаимоотношений в тонкой семерке и сюжеты, в ней разыгрывающиеся; поэтому автор приводит ниже лишь несколько

примеров, призывая читателя к самостоятельным наблюдениям.

Тонкая семерка с одиночным лидером-деспотом. Таким лидером может быть любая фигура, чаще всего это *дракон*, *свинья* или *черный*; при этом лидер имеет обычно процветающий вид и велик относительно остальных фигур, а последние более унылы и часто лишаются лидером свойственной им пищи; при этом иногда вспыхивает бунт, шестеро угнетаемых бросаются на лидера и основательно его треплют, но потом появляется хозяин, и восстанавливается исходное положение.

Обратная ситуация, тоже довольно распространенная, это *групповое притеснение жертвы*, в качестве которой может выступать любая из тонких фигур. Подобная ситуация возникает, например, когда человек берется решительно искоренять какой-либо свой порок, скажем, гордыню; тогда *дракон самоутверждения* получает статус «персона нон грата», лишается практически всякого питания и безжалостно притесняется всеми остальными тонкими фигурами, резко уменьшается в размерах, чахнет и едва ковыляет по иссохшей каменистой почве. Подобная ситуация, однако, чревата отмашкой в противоположную сторону, поскольку, решительно сокращая инвольтацию *дракону* и вообще его притесняя, человек вынуждает своего *дракона* обратиться за помощью к архетипу, *Большому Дракону*, и между ними устанавливается сильный канал прямой связи, и как только представляется возможность — медитативно или постоянно, *дракон* вырастает с неестественной быстротой и тут же начинает притеснять остальные фигуры. Так, самые лютые диктаторы вырастают из людей, подвергавшихся сильнейшим унижениям.

Чаще, однако, жертве на помощь приходит *желтый*, и под его лучами она кажется остальным маленькой и чахлой, хотя реально это вовсе не так; разумеется, за подобные услуги приходится платить, и *желтый* получает от жертвы дополнительное питание, увеличиваясь в размерах и силе. Интересное развитие событий возникает при попытке человека искоренить в себе лживость, когда в роли жертвы оказывается сам *желтый*; тогда человек лишается его защиты и обычно призывает на помощь *черного*, давая ему максимальную инвольтацию, позиция: «Я груб, зато честен», которая, однако, неприемлема для внутренне культурного человека, и, кроме того, такое положение неустойчиво, поскольку *желтый* всегда ускользнет от *черного*, и, незаметно вытянувшись над ним,

отведет ему глаза нужным себе образом, и «грубая честность» превратится в грубую ложь.

Другой вариант распределения ролей в грубой семерке — система двух альтернативных лидеров, разделяющих власть во времени, т.е. одними ситуациями управляет первая тонкая фигура, другими — вторая. Типичный пример — разделение власти между *свиньей* и *торопыжкой*, характерное для людей с благополучной судьбой. Каждая ситуация воспринимается с точки зрения *свиньи*, и если соблазнительной для нее пищи не оказывается, *свинья* уходит на задний план, предоставляя инициативу *торопыжке*, который возрастает в величине, быстро несется туда-сюда, находит съедобный для *свиньи* кусок и сокращается в размерах, отдавая управление ситуацией обратно *свинье*, которая с чувством и не торопясь этот кусок поедает.

Распространен также вариант распределения ролей «диктатор» и его «любимчик». У диктатора имеется основной канал инвольтации хозяина, но некоторую существенную часть своей энергии и внешних благ диктатор отдает своему любимчику, игнорируя всех остальных. Пример: тотальный зануда, временами, однако, склонный к самоутверждению за счет других (скажем, любимая фраза: «Я же говорил, что ничего хорошего из ваших планов не получится»). Здесь лидер — диктатор — *серый*, а в любимчиках у него *дракон* — социально очень неприятный вариант поведения, и, чего окружающие чаще всего не видят, крайне мучительный для самого человека, ибо, кроме всего прочего, при лидерстве *серого* у человека обычна резкая нехватка жизненных сил, и приходится вымирать как бронтозавру или постоянно из последних сил вампирничать.

Помимо устойчивого распределения ролей, существуют различные периодически повторяющиеся сюжеты взаимоотношений в тонкой семерке, например, моментальное возвышение и последующее быстрое падение жертвы, или, наоборот, медитативное падение диктатора. Однако даже непродолжительные замены декораций и колебания в размерах и ролях тонких фигур могут оказаться очень важными, так как в их жизни за короткое время могут происходить кардинальные и устойчивые изменения. Иногда можно, например, видеть такую на первый взгляд парадоксальную картину: *дракон* в роли жертвы, не получает по-видимости никакого питания, не имеет существенной инвольтации ни от хозяина, ни от *Большого Дракона* и, тем не менее, велик, красив, хорошо упитан и очень доволен собой. Внимательное

наблюдение показывает, однако, что время от времени буквально на секунду происходит полное изменение обстановки: канал инвольтации от хозяина полностью переключается на *дракона*, и последний за эту секунду получает такой объем энергии, что увеличивается вдвое и потом медленно незаметно худеет до следующей инвольтации (конечно, непосредственно перед ней кожа его несколько обвисает, а глаза тускнеют, но это еще нужно увидеть). Понятно, каково (например) поведение этого человека: как правило, он очень скромен и склонен к самоуничижению, но аккуратно запоминает все промахи, оплошности, неудачи и неадекватности окружающих, и в один момент пропускает в себя одну-единственную, но очень энергичную мысль: «А насколько я выше их всех, ведь я не сделал ни одной из этих ошибок!», и питания от этого соображения вполне хватает *дракону* на месяц.

Для того, чтобы научиться сознательно контролировать подобные краткие медитативные переключения личной инвольтации, достаточно осознать положения точки сборки, активизирующие тонкие фигуры. Вообще управление (сознательное и подсознательное) каждым конкретным членом тонкой семерки осуществляется при соответствующем положении точки сборки; можно, таким образом, говорить о положениях, точнее, областях точки сборки, соответствующих *дракону*, *свинье*, *торопыжке* и т.д. На обычном языке это означает, что усиление инвольтации *дракона* происходит, когда человек смотрит на мир с позиции самоутверждения (мы скажем, что в этот момент точка сборки находится в области самоутверждения, или области *дракона*); усиление инвольтации *свиньи* (и ее медитативный рост) происходит, когда человек настраивается на эгоцентрическое потребление (точка сборки находится в *области свиньи*) и т.д. Вообще внутренняя культура человека определяется тем, насколько ему известна география его внутреннего мира, что на языке настоящего трактата может быть проинтерпретировано как география возможных положений его точки сборки. Понимание себя это, в первую очередь, умение понять, где находится точка сборки, а владение собой это способность перевести и удержать ее в нужном положении.

Человек, внутренне бескультурный, вообще практически не дифференцирует положения точки сборки, и он движется в определенных пределах, повинуясь его подсознанию и вне сознательного контроля. По мере того, как повышается понимание себя, пространство положений точки сборки постепенно осознается и разделяется сознанием на крупные области (например, *область восприятия внешнего мира* и *область*

активного воздействия на внешний мир): параллельно растет и умение удерживать точку сборки в пределах этих областей. При этом развитие идет в двух направлениях: с одной стороны, расширяется пространство возможных положений точки сборки, а с другой — карты уже известных областей становятся все более крупномасштабными, и человек учится устойчивому удержанию точки сборки на небольших фрагментах, что означает высокую концентрацию внимания и способность стабильно удерживать сильные энергетические потоки.

Волевое движение точки сборки осуществляется концентрацией внимания — и только; никакие дополнительные энергетические усилия здесь не нужны. Однако точная фиксация положения точки сборки оказывается возможна только тогда, когда человек в достаточной мере представляет себе карту соответствующей области: чем крупнее масштаб, тем точнее фиксация. Поэтому для того, чтобы научиться дифференцировать тонкие фигуры, достаточно разобраться в состояниях своего внутреннего внимания, эти фигуры активизирующих, что довольно просто: каждый человек способен отличить свое состояние настройки на самоутверждение за счет других (*область дракона*) от состояния настройки на профанирующее высмеивание мира (*область змея*). Сложность заключается в том, что эти области пересекаются, но ни одна не содержит другую, и поэтому в принципе возможны четыре варианта положения точки сборки, качественно отличающиеся друг от друга:

1. Точка сборки находится вне *области дракона* и вне *области змея* — тогда не инвольтируется ни одно животное.
2. Точка сборки находится в *области дракона*, но вне *области змея* — тогда инвольтируется *дракон*, но не *змей*.
3. Точка сборки находится в *области змея*, но не в *области дракона* — тогда, наоборот, инвольтируется *змей*, но не *дракон*.
4. Точка сборки находится в пересечении *области дракона* с *областью змея* — тогда инвольтируются обе, но, в зависимости от конкретного положения точки сборки, в разной степени.

А теперь читатель может перейти от абстракции к созерцанию и представить себе свои внутренние состояния при указанных положениях точки сборки, а заодно посмотреть на поведение при этом своего зверинца.

Поскольку всего тонких фигур семь, а не две, то в принципе возможных областей их инвольтации не четыре, а чут

больше, читатель легко может сообразить, что их $2^7=128$ штук, но, конечно, не во все реально попадает точка сборки. С другой стороны, каждому сюжету, разыгрываемому тонкой семеркой, соответствует определенная траектория движения точки сборки, т.е. определенная последовательность переключений внутреннего внимания с одной тонкой фигуры на другую, или, точнее, с одного подмножества тонких фигур на другое, и соответствующая последовательность перемен инвольтаций. Научившись отслеживать скачки точки сборки, что совсем не трудно при условии знания географии соответствующей области, можно легко понять ключевые переключения инвольтаций тонких фигур в любом сюжете и перестроить его желаемым человеку образом. При этом нужно только понимать, что каждый устойчивый сюжет имеет свою инерцию, и если его попытаться просто разрушить, то на его месте просто создастся новый, очень похожий на предыдущий, поэтому хороший режиссер постарается сделать минимальные изменения в уже отработанном сюжете, заставив, тем не менее, действующих лиц вести себя в соответствии с его планами.

Вообще перед тем, как начинать работу над собой, следует тщательно изучить наиболее типичные имеющиеся у себя сюжеты поведения тонкой семерки и иметь в виду большую ее адаптивность к давлению извне и умение нейтрализовать любое прямое вмешательство максимум в два хода. Вот два типичных примера.

Человек говорит себе: «Я слишком привязан к удобствам. Надо расти над собой, истребляя чрезмерный эгоизм. Отныне встаю каждый день на час раньше, в 6 утра, и вечером час занимаюсь самообразованием, учу иностранный язык». Ровно в 6 часов утра следующего дня яростный звонок будильника инвольтирует *черного*, который здоровенной суковатой дубиной прогоняет сладко нежащуюся в кровати *свинью*, и она, визжа, убегает прочь, а человек, проклиная все на свете, начинает трудовой день. Вечером *свинья* инвольтируется обратно, *черный* убывает до обычных размеров, и под легкий желтоватый свет торшера донельзя усталый (и сонный) человек разрешает себе, так и быть, посмотреть телевизор. Торжествующая (хотя и слегка исхудавшая) *свинья* ставит будильник на обычные 7 часов, и следующий день ничем не отличается от вчерашнего.

А вот другой случай: человек говорит себе: я с собой нечестен, слишком много лгу себе и другим. Отныне буду говорить себе и миру только правду. *Желтый* убывает ниже колена;

однако тут же поднимает голову *змей*, одетый в академическую мантию и с «Пролегоменами» И. Канта подмышкой, и спрашивает: «А как же с вежливостью и прочими социальными манерами? А кому можно верить, что такое правда и где *критерии*, которым можно полностью доверять? А? За свое ли дело ты взялся, дружок, если лучшие философы и святые (истово крестится и бьет поклон) до сих пор не могут разобраться, что правда, а что нет; а впрочем, давай, полный вперед, Бог в помощь, если Он, конечно, существует». За время этой речи *змея желтый* подрастает до исходной величины, и даже становится чуть больше обычного, а человек принимает (как ему кажется) очень мудрое решение: «Что мне, больше всех надо? Все врут, и я буду».

Глава 2

Жизнь в окружающей среде,

или

Этика как техника безопасности

В этой главе речь пойдет о поведении человека во внешней среде, но автору прежде всего нужно условиться о терминологии. Далее различаются высокие и низкие слои тонкого мира, эгрегоры и энергетические потоки; однако «низкий» в этом контексте не значит «плохой», а скорее означает близость к материальному миру; соответственно, высокий означает не качество, а, так сказать, уровень абстракции и удаления от материального плана. Понятие «плохой» чаще ассоциируется с завихрениями и сильными перепадами энергетического потока и несоответствием уровней — профанацией, когда высокий энергетический поток заменяется низким, и идеализацией, когда происходит неадекватная низкая замена. Эпитет «хороший» обычно означает плавные потоки и адекватность замысла исполнению.

Вообще тонкий мир находится в постоянном движении в гораздо большей степени, чем плотный (материальный). С одной стороны, в нем идут постоянные трансформации в каждом слое, с другой стороны — непрерывно происходит обмен между информацией и энергией в слоях различных уровней, т.е. более высоких и более низких. При этом непосредственно видение, как и передача информации, на несколько слоев вниз и вверх затруднена, требует специальных усилий со стороны эгрегоров и часто идет со значительными искажениями информации и деформацией соответствующих участков низких слоев, подобно эффекту прямого попадания молнии.

***

Каждый человек в течение своей жизни бывает связан со многими эгрегорами, в том числе и высокими. Однако, чем выше эгрегор, тем труднее прямая связь с ним, и поэтому чаще всего высокие эгрегоры для установления связи пользуются услугами более низких, так что человек слышит высокую весть достаточно отчетливо, но, к сожалению, далеко не всегда может ее правильно оценить, так что (естественно) относит ее происхождение к промежуточному эгрегору, хотя, вероятно, и почувствует некоторое несоответствие уровня вибраций полученного сообщения с обычным для промежуточного эгрегора. Например, сообщение жены о том, что она уходит навсегда, естественно, будет воспринято мужем как трагическое известие семейного эгрегора и, так оно и есть. Однако, иногда в этом сообщении прозвучит особая нота, по которой человек может угадать, что вслед за трауром по гибели семейного эгрегора его ждет новый этап духовного развития и освобождение от многих тяжелых оков (с ним, может быть, не связанных).

Вообще духовное развитие и судьбу человека определяет (в общих чертах) его кармический эгрегор, который, однако, редко выходит на прямую связь с человеком. Этот эгрегор определяет контуры жизненного пути, отправляя человека служить различным более низким эгрегорам, каждый раз со вполне определенной программой служения. Когда эта программа выполнена, или не выполнена, но время, отпущенное на ее выполнение, кончилось, человек получает за эту программу, соответственно, зачет или незачет, и кармический эгрегор переводит его в следующий эгрегор.

Такова общая картина, которая осложняется тем, что в каждый период своей жизни человек служит не одному, а всегда нескольким средним и низким эгрегорам (разумеется, в основном они выбираются ему кармическим эгрегором), и должен строить взаимоотношения с ними, исходя из конкретных условий своего существования в них. При этом кармический эгрегор редко помогает человеку в его конкретных ситуациях и выборах, полагаясь в основном на его инициативу и понимание местных условий. И хотя иногда, в особо ответственных ситуациях он все же включается и отчетливо транслирует свою волю человеку, тем не менее, следует максимально подробно изучить конкретные условия, в которые поместила его судьба, и научиться вести себя в них наиболее адекватным образом, создавая минимальное количество энергетических вихрей, сбоев и кармических узлов. Для это-

го нужно не только тонко изучить этику и требования каждого эгрегора, которому человек служит, но и стать истинным дипломатом, поскольку требования его эгрегоров часто по-видимости несовместимы. Попытке познакомить читателя с такой дипломатией, или просто введению в этот предмет и посвящена настоящая глава.

***

Подключение человека к эгрегору осуществляется сдвигом точки сборки в соответствующую этому эгрегору область. Другими словами, каждому эгрегору соответствует некоторый набор положений точки сборки, и если она оказывается в одном из этих положений, человек ощущает свою связь с данным эгрегором, в частности, его влияние на себя. Содержательно такие положения точки сборки могут быть описаны как состояния служения соответствующему эгрегору, или состояния, когда человек смотрит на мир глазами этого эгрегора.

При этом важно понимать, что положение точки сборки управляется сознанием человека, его подсознанием и, вообще говоря, всеми эгрегорами, с которыми человек в данный момент связан, поэтому при попытках сознательного волевого управления движением точки сборки возможны различные трудности, сбои и попадания совсем не в те области, куда человек хотел бы ее поместить.

Так, ухаживая за привлекательной молодой женщиной, человек может неожиданно для себя начать смотреть на нее глазами своей жены, и его пыл сильно поубавится — это в опасную для семейного эгрегора минуту последний сдвинул пылкому кавалеру точку сборки в более трезвую область. Если молодая особа не особенно заинтересована, она оставит все как есть, и контакт скорее всего кончится; если же у нее в данном случае есть некоторая сверхзадача, она, заметив охлаждение, постарается передвинуть точку сборки кавалера обратно, для чего ей придется (хотя бы и на расстоянии от семьи, но для тонкого мира расстояния плотного не столь существенны) вступить в сражение с семейным эгрегором своего кавалера, и если оно будет выиграно, то в семейном эгрегоре появится дыра, а молодая женщина возьмет на себя, вместе с возвращенным обожанием, часть кармы семейного эгрегора своего поклонника.

Второе замечание заключается в том, что обычно сдвиг точки сборки — довольно заметное переключение способа мировосприятия, и человек не замечает его только потому, что не привык отслеживать такие вещи, не придавая им осо-

бого значения, хотя в действительности, как автор надеется дальше показать, это и есть самая важная задача сознательного внимания, и человек, который постоянно боковым зрением следит за тем, в области какого эгрегора лежит сейчас его точка сборки, т.е. какому эгрегору он сейчас служит и чьими глазами он смотрит на мир — этот человек очень быстро начинает разбираться в том, какова картина тонкого мира вокруг него, какие процессы там происходят и как они материализуются в плотном плане; на высоком уровне это означает дары ясновидения и пророчества, на среднем — просто гораздо более осмысленное и культурное поведение на всех планах.

Итак, по щучьему велению, по моему хотению, моя точка сборки пришла в область некоторого эгрегора. Это означает, что я «на проводе», или как говорят оккультисты, на (информационно-энергетическом) канале. Этот канал может проводить энергию и информацию как от человека к эгрегору, так и из эгрегора к человеку, и эти два состояния канала очень важно не путать. Другими словами, можно сказать, что вся область положений точки сборки, соответствующая эгрегору, делится на две подобласти: первая объединяет положения точки сборки, соответствующие потоку из эгрегора к человеку, вторая — потоку от человека в эгрегор. Вообще говоря, существует и третья подобласть, положение точки сборки в которой соответствует одновременному течению по каналу информации и энергии в обоих направлениях, но для обычного человека это трудно, и у него, если нужна двусторонняя коммуникация, точка сборки прыгает из первой области во вторую и обратно.

Поведение человека, служащего данному эгрегору, в среде может быть уподоблено (автор просит у читателя прощения за некоторую грубость образа, но так понятнее) функционированию робота с дистанционным управлением из центра, роль которого играет эгрегор.

Вот человек оказался в незнакомом месте и не знает, куда ему идти и что делать дальше. Его подсознание переводит точку сборки во вторую подобласть (передача информации эгрегору), и эгрегор через канал связи получает от человека информацию о том, что он во внешнем мире видит, слышит и т.д. Через некоторое время эгрегор, восприняв эту информацию, сочтет, например, ее недостаточной для выбора дальнейших действий; тогда он передвинет точку сборки в первую подобласть (передача от эгрегора к человеку) и передаст сигнал: поверни голову направо. Субъективно, во время переда-

чи информации эгрегору человеку смотреть интересно (интерес — знак включенного внимания эгрегора), потом интерес пропадает (точка сборки ушла из подобласти восприятия эгрегора), а затем человек ощущает некоторое беспокойство, как бы давление извне или изнутри, которое материализуется в желании повернуть голову направо, но как только голова поворачивается, давление исчезает. Человеку снова становится интересно (опять точка сборки во второй подобласти, эгрегор просматривает мир глазами человека), затем интерес пропадает, снова возникает импульс перемены внимания и т.д. В зависимости от конкретных обстоятельств, эгрегор может акцентировать восприятие человека любыми органами чувств: зрением, слухом, обонянием, осязанием или вкусом. Другими словами, у человека может неожиданно обостриться слух, и все его внимание сосредоточится на окружающих звуках, потом он принюхается и т.д., пока эгрегор не получит достаточно информации и, переводя точку сборки в первую подобласть, не отдаст четкую команду: «Держи курс вон на ту кралечку в голубом комбинезоне».

Однако только самые низкие эгрегоры (в последнем примере — эгоический) дают столь императивные и жесткие указания. Чем выше эгрегор, тем в большей степени его воля носит характер общих рекомендаций, которые человек применяет по своему усмотрению, руководствуясь, как говорится, их духом, а не буквой. Вообще, по характеру воздействия эгрегора на человека, так же, впрочем, как и по характеру внимания, которое требует от человека эгрегор, можно судить об уровне этого эгрегора. Чем жестче, императивнее и конкретнее указания эгрегора, чем конкретнее характер информации, которая его интересует, чем пристальнее и жестче внимание, которое он включает у человека по отношению к внешнему миру, тем ниже эгрегор или, во всяком случае, та его часть, что в данный момент находится на связи с человеком. Кроме того, важным признаком уровня эгрегора является величина скачка точки сборки от подобласти восприятия эгрегором человека к подобласти восприятия человеком эгрегора. Чем больше этот скачок и чем реже он происходит, тем ниже уровень эгрегора и тем грубее его взаимодействие с человеком и миром. Низкий эгрегор это тяжелый собеседник, который долго и мощно говорит, потом видимым образом с трудом переключается и так же тяжело слушает, причем слышит только грубые и громкие звуки и воспринимает лишь простейшие понятия; тонкости ему непонятны и для него не существуют. Соответственно, и его собственные указания даются лапидарно и авторитарно, возражений он не слышит,

просто потому, что переход к восприятию для него — трудная задача, соответствующая большому скачку точки сборки человека.

Связь с низким эгрегором похожа на акустическое переговорное устройство, работающее в каждый данный момент в одну сторону; связь с более высоким напоминает телеграфную, затем телефонную... а далее идет беспроволочный телеграф (то, что называется радио), и это качественно иной способ взаимодействия, о котором следует сказать подробнее, однако вначале автор хочет предложить читателю *принцип* двойственности в аспекте связи человека с эгрегором.

Вообще принцип двойственности утверждает, что внешняя и внутренняя жизнь человека в каком-то смысле идентичны, точнее, что каждая из них является символическим отображением другой. Чем выше уровень человека, тем яснее он видит этот символизм и тем точнее оптимальное соотношение внутренних и внешних усилий; сложность заключается в том, что этот символизм, т.е. правила, которые позволяют поставить объектам и событиям внешнего мира объекты и события внутреннего, несколько отличаются у разных людей, и каждый человек должен искать эти связи в какой-то мере самостоятельно (хотя, конечно, есть и общие для всех правила).

В полном соответствии с принципом двойственности эгрегор, связываясь с человеком по (тонкому) информационно-энергетическому каналу, т.е. являясь частью внутренней жизни человека, организует связь с ним и во внешнем мире, причем для низких эгрегоров соответствие этих двух видов связи настолько очевидно, что это соответствие имеет символический, а не материальный характер. Например, трещины в семейном эгрегоре, напряжение и неблагополучие в семье сказывается во всем, и человек чувствует их, как говорится, всей кожей, так что заброшенный вид детей, их болезни и скандалы с супругом без существенного повода вполне естественно складываются человеком в общую картину, в которой его внутренние ощущения и внешние события вполне согласованы друг с другом. Аналогично, чувство своей неадекватности на работе и административные взыскания тоже составляют непротиворечивый образ. Однако семейный и (как правило) рабочий эгрегоры довольно низки, их канал связи с человеком очень силен, и потому внешние события, создаваемые этими эгрегорами, очевидны по их значению для человека (в соответствующей этим эгрегорам части его внутреннего мира). Однако, чем выше эгрегор, тем тоньше его связь с человеком и тем явственнее проступает символический ха-

рактер его внешних проявлений. Слово «символический» в последнем предложении означает событие (или объект), которое человек воспринимает не его «прямому», т.е. общесоциальному, смыслу, а как гораздо более значительное и, чаще всего, как мощный информационно-энергетический источник.

В качестве примера посмотрим на компанию, состоящую из интересной девушки и двух молодых людей, один из которых — безумно влюбленный в нее романтик, а второй — сексуально заинтересованный в ней бездельник. Вот они встречаются в социально одобренном месте и здороваются. Девушка мило улыбается обоим молодым людям и адресует каждому стандартное приветствие. Во внутренней реальности первого молодого человека установлен (он, возможно, этого до конца не осознает) контакт с высоким эгрегором женского начала, и этот эгрегор, пользуясь минимальным символом (социально-нейтральное приветствие девушки), погружает молодого человека в сильнейший, хотя и очень тонкий, энергетический поток — его качают волны мировой женственности, и ничего более из внешнего мира ему просто не нужно. Если бы он был влюблен в девушку не безумно, а просто сильно, это означало бы его связь с более низким эгрегором, инвольтируемым Женским Началом, и тогда ему для достижения адекватных его состоянию переживаний понадобился бы знак внимания, чуть-чуть превышающий социально-нейтральную норму (например, слегка затянувшийся первый взгляд или легкое смущение девушки) — но и переживания его были бы более низкого, хотя тоже романтического порядка, и в них участвовали бы отдельные элементы материального плана — цвет одежды девушки, общий контур прически и т.п. Наконец, для второго молодого человека адекватным его внутреннему состоянию будет недвусмысленный выход за социально-нейтральные рамки приветствия со стороны девушки (например, поцелуй или объятие), и любое менее материально-пылкое ее проявление будет символом того, что эгрегор второго молодого человека, инвольтируемый Фокермой, не в состоянии адекватно отыграть ситуацию (последнее, впрочем, очевидно второму молодому человеку, так как он ведом низким эгрегором, который давно уже по каналу передал ему сильное сомнение в успехе). Взаимодействие с этим юношей не представляет сложностей и для девушки; тут, как говорится, все ясно; что же до первого молодого человека, то взаимодействие с ним для нее необычайно сложно, так как должно идти на тончайших символах, и чуть что легко обрывается, поскольку социально неприемлемо (соц-

иум недоумевает — что, собственно, происходит, и безжалостно профанирует любые высокие медитации).

Теперь мы вернемся к различию видов связи человека с эгрегорами в зависимости от их уровня. Здесь можно проследить следующие закономерности. Низкие эгрегоры дают отчетливые и сильные внутренние аффекты типа императивных желаний и состояний (острый голод — физический или сексуальный, страх, резкая зависть, тоска, смертельная скука и т.д.); при этом сеансы связи с эгрегором и внешние события-символы разделены незначительным временным интервалом (в пределах нескольких дней), так что связь соответствующих внутренних и внешних событий очевидна (сегодня поругался с женой — назавтра отвратительное настроение и хочется уйти из семьи).

Связь с более высоким эгрегором осуществляется через внутренние состояния, которые человек идентифицирует как выделенные из основного жизненного потока (например, поход в театр или выборы в местные органы власти), и соответствующие внешние события — символы уже нагружены для него индивидуальным, т.е. отличным от общесоциального, акцентом. В жизни человека может быть всего несколько моментов отчетливой связи с высоким эгрегором (например, минуты особого творческого вдохновения или любви); такие переживания запоминаются надолго, но весьма характерно, что в памяти обязательно остаются некоторые особенно яркие материальные моменты, объекты или внешние события, к которым почему-то накрепко привязаны воспоминания — эти внешние моменты как раз и суть символические материальные проявления связи с высоким эгрегором.

Однако сильные медитативные вылеты, хотя и играют в жизни человека важную (некоторым кажется — центральную) роль, все же не исчерпывают его жизни, а главное — не являются предметом этой главы (читателю предлагается подождать до главы 8 — или броситься прямо туда, к великому ущербу для автора). Здесь же мы обсуждаем обычную жизнь человека в среде, когда не происходит ничего, особо выдающегося из ряда вон.

В жизни обывателя связь с высоким эгрегором — явление скорее исключительное; однако любой человек, либо наделенный талантом от природы, либо систематически работающий в одном направлении в течение некоторого времени, набирает энергетический потенциал — и это не остается незамеченным: человек привлекает к себе пристальное внимание высокого эгрегора, и последний начинает определенную деятельность, цель которой — подключить человека к

своим программам. Служение высокому эгрегору во многих отношениях отличается от служения низким и средним, здесь есть свои сложности, проблемы, преимущества и искушения, совершенно непонятные людям, обладающим среднесоциальной энергетикой и служащим низким или средним эгрегорам, и когда человек впервые попадает в ситуацию *постоянной* связи с высоким эгрегором, он часто совершенно теряет почву под ногами, потому что теперь у его жизни совершенно другие законы. Дать подробное описание этики такого служения — задача, за которую автор не берется; его цель значительно скромнее — описать некоторые характерные эффекты и сложности, возникающие в жизни человека, пытающегося служить высокому эгрегору на сильных энергетических потоках, или, другими словами, всей своей жизнью.

Первое ощущение, которое испытывает человек, включаясь в высокий эгрегор не медитативно, а постоянно, это двусмысленность происходящего. У него невольно возникает чувство, что то, что происходит вокруг него, имеет, помимо общесоциального, еще и какое-то другое, непонятное, но не менее важное значение. Поток событий теряет свою обычную для слабых энергетических потоков хаотичность, т.е. события идут не просто так, а словно подчиняясь некоторому невидимому, но отчетливому плану. Жить становится интереснее, происходит много «случайных» совпадений, настолько много, что начинает казаться, будто это никакие не случайности, а определенные знаки, которые несомненно что-то значат, и очень хочется понять, что именно. Постепенно человек замечает, что интенсивность энергетического поля вокруг него непостоянна: иногда она несколько выше, и тогда у него буквально все получается, удача и счастливые «случайности» работают безусловно на него, а иногда поток ослабляется, и тогда возможны срывы, особенно в трудных делах, и лучше подождать, пока поток не усилится обратно. Кроме того, человек обнаруживает, что поток не только украшает его собственную жизнь, но и может служить инструментом манипулирования другими людьми, которые смотрят на него как на лицо, обладающее «силой» (сильная личность — скажет социум, и ошибется — здесь ощущается сила эгрегора, а не человека) и источником безусловной привлекательности в общении — с ним хочется дружить, так как и сам частично попадаешь под энергетику потока, и почему-то очень трудно противопоставить ему свою волю.

Для жизни в сильном энергетическом потоке характерны два обстоятельства, тесно связанные друг с другом — возрастание связности внешнего мира, в частности, постоянное

ощущение, что судьба все время посылает различные знаки: предостерегающие, поощряющие, информирующие и т.д. и, с другой стороны — активизация внутренней жизни: у человека внутри обнаруживается целый невидимый мир существ, обладающих голосами, а главное, мнениями по поводу всего, происходящего во внешнем мире, причем с непривычки человеку может оказаться довольно трудно понять, какой же из звучащих голосов — его собственный (в каком-то смысле, и в каком именно?). Скажем прямо, что семь этих голосов уже хорошо известны читателю — они принадлежат членам тонкой семерки. Дело в том, что при усилении энергетики человека подрастают и его тонкие фигуры, оформляясь и обретая индивидуальные черты, часто сильно расходящиеся с характером хозяина — и в то же время обретая право голоса во внутреннем мире, становясь тем самым постоянно действующим искушением.

Дальнейшее развитие событий сильно зависит от того, насколько правильно понимает человек происходящее с ним, свои задачи и свою ответственность, и насколько он сумеет справиться с возникающими у него искушениями, а эти искушения несравнимы с искушениями человека, служащего низкому или среднему эгрегору. В зависимости от всего этого, а также от некоторых внешних причин, человек либо научится постоянно удерживать сильный поток, и тогда эгрегор возьмет его, после известного испытательного срока, на постоянную службу, обеспечив, разумеется, соответствующими формами жизни в социуме и плотном мире, либо после нескольких срывов инвольтация (энергетический поток) высокого эгрегора кончится, что будет означать, что человек не выдержал испытания или попал в поле действия эгрегора по его периферии и был оттуда вынут своей кармой, не предусматривающей длительного служения этому эгрегору — но внутренние ощущения недвусмысленно укажут человеку, какой из двух последних вариантов был реализован, поскольку в первом (невыдержанный экзамен) у него надолго останется ощущение горечи и потери чего-то очень важного и желанного, а во втором — ощущение катания на американских горах, которое (эмоционально) быстро забудется.

Каково же правильное поведение в потоке, для чего даны эти странные и непонятные символы? Первое заблуждение, от которого следует отказаться, это представление о том, что поток дан человеку для его удовольствия и свободного манипулирования внешним миром. Это вовсе не так; поток и несколько измененная реальность даны человеку для того, чтобы ему было удобнее осуществлять программы эгрегора, этот

поток включившего. Поток же и сдвигает точку сборки человека в область, соответствующую служению этому эгрегору, и человеку не следует думать, что он может сделать это сам (впрочем, *этого* он, как правило, и не думает). Система знаков, отзывающихся в сознании человека как символы, это не что иное как флажки, по которым человек должен идти, если он хочет действительно служить эгрегору, т.е. вести себя по его этике. При этом плата за верное служение высокому эгрегору это само по себе бытие человека в состоянии с сильным потоком, который упорядочивает мир и делает его законы более осмысленными и видимыми (правильнее сказать, что высокий эгрегор так сдвигает точку сборки человека, что тот попадает в мир с описанными свойствами). Вообще знаки это не что иное как особый мягкий способ управления поведением человека, которым пользуются достаточно высокие эгрегоры. Низкие и средние эгрегоры транслируют свою волю прямо и жестко: «Иди туда и делай то, а иначе хуже будет», причем их часто не интересует, находится ли предлагаемое действие в пределах возможности человека. (Вообще, чем ниже эгрегор, тем уже сфера его влияния на жизнь человека, но тем резче обозначена его власть над человеком в этой сфере; высокий эгрегор, наоборот, никогда не бывает императивным, он всегда просит, и то лишь в форме намека, никогда не угрожает, тщательно готовит человека к выполнению своих поручений и влияет на всю его жизнь без исключения). Высокий эгрегор настолько деликатен, что все его указания и просьбы зашифрованы в виде символов, по поводу которых человек чувствует, что они что-то значат, но что именно, ему не совсем очевидно, хотя, если подумать, то можно, конечно, догадаться... а если прямо спросить у эгрегора: «Что значит этот символ?» — то эгрегор ответит прямо, но тогда, конечно, ответственность человека за невыполнение просьбы или указания возрастает.

Высокий эгрегор долгое время держит человека на испытательном режиме в роли чистого наблюдателя, другими словами, эгрегор смотрит через этого человека на внешний мир — и только; от человека требуется лишь присутствие там, куда его посылает эгрегор, и определенный уровень внутреннего спокойствия и бесстрастности, чтобы быть достаточно прозрачным для эгрегора: чем выше внутренний ритм человека, чем он более личностно включен, взволнован и предубежден, тем хуже видит через него высокий эгрегор, а на каком-то уровне внутренней суеты (эмоциональной и ментальной) эгрегор перестает видеть что-либо вовсе. Таким образом, для выполнения воли эгрегора человеку нужно быть в нужном

месте (об этом заботиться сам эгрегор, организуя человеку внешнюю жизнь, а в трудных случаях посылая специальные знаки, которые человек при желании легко расшифровывает) и смотреть в нужном направлении, будучи в достаточно спокойно-безразличном состоянии. Всю остальную работу эгрегор берет на себя, и человек вполне может вести себя естественно, оставаясь в социальных рамках... трудности возникают именно в удержании нужного направления внимания и низкого уровня внутреннего ритма. И даже когда человек прошел испытательный срок и находится в состоянии постоянного служения (об этом смотри также ниже в гл.3), эгрегор все равно через него преимущественно смотрит.

Воздействие же на мир через человека производится редко и обычно для него незаметно: в этом случае некоторые обычные слова или действия человека оказываются проводниками необычно высокой энергии, но человеку об этом заботиться не нужно.

Таким образом, единственная сложность и задача сознания человека при служении высокому эгрегору — аккуратно читать знаки, по возможности им следовать, но главное — удерживать правильное положение точки сборки, при котором эгрегор через человека видит то, что эгрегору интересно, и притом с максимальной разрешающей способностью.

Какие же препятствия возникают при попытке человека следовать этим правилам? Это прежде всего резкое увеличение общей нагрузки — человек неожиданно понимает, что служение высокому эгрегору требует от него необычно высокого уровня постоянного внимания как к внешнему, так и к внутреннему миру, но с этим в принципе есть возможность справиться — до тех пор, пока человек следует общей этике и конкретным указаниям эгрегора; настоящие трудности и неприятности возникают при их нарушении; они подобны проблемам, возникавшим у Ивана-дурака, как только он переставал буквально выполнять указания конька-горбунка. Аналогичные неприятности возникают и у человека, волей судьбы неожиданно для себя попадающего в сильный поток высоких эгрегоров без специальной подготовки; некоторые возможные при этом эффекты описаны ниже, в надежде автора на то, что читатель, когда с ними столкнется, быстро поймет, откуда дует ветер.

Основная опасность, которая угрожает человеку, связанному с высоким эгрегором, это соскальзывание к более низким, а они, по некоторым причинам, всегда в этом заинтересованы. Дело в том, что чем более высокому эгрегору служит человек, тем более тонкую работу он может совершать и тем

сильнее его индивидуальный канал (к кармическому эгрегору); поставить же мощный индивидуальный канал себе на службу для любого эгрегора означает большое усиление. Как основное средство переключения человека на служение себе более низкие эгрегоры используют более низкие, и, тем самым, более ощутимые для человека энергии, которые они ему предлагают — это называется соблазном. Однако здесь важно понимать, что в роли соблазна при высоком служении выступают такие энергетические потоки, которые вовсе не являются таковыми при служении более низким эгрегорам, и дать здесь точное описание и определение соблазна автор не в состоянии — все зависит от конкретных условий. Существует, однако, простое этическое правило, которое в состоянии дать человеку защиту от соблазна соскальзывания вниз; это правило заключается в искреннем доверии к своей судьбе, ведомой высоким эгрегором. Иначе говоря, высокий эгрегор (если он действительно постоянно ведет человека) сам заботится о его жизни, в частности, о всех его потребностях, включая самые прозаические, и человеку, если на то нет специальных указаний высокого эгрегора, не нужно заботиться ни о чем, кроме одного: не направлять энергию этого эгрегора личной волей, а особенно, полагаясь при этом на «свое» видение и усмотрение. Некоторое самонаблюдение легко может помочь человеку разобраться в том, когда он использует свою личную энергию, а когда манипулирует энергией канала, и второй тип действий никогда не является этичным по отношению к высокому эгрегору и противоречит самой концепции служения. С другой стороны, импульсы перейти на личное управление энергией канала, мотивированные самым разным образом, у человека обязательно возникнут, и как только он им подчинится, произойдет соскальзывание точки сборки в область уже совсем другого эгрегора, часто гораздо более низкого, но никогда не более высокого. (Вообще подъем служения вверх происходит помимо воли человека, в его волевой области находится лишь спуск вниз; другое дело, что честное служение на любом уровне ведет к повышению уровня личной энергетики и расширению сознания, вследствие чего человек привлекает внимание более высокого эгрегора).

Откуда же идут соблазны и какими они бывают? Дать полное описание здесь невозможно, но, как правило, для того, чтобы сдвинуть точку сборки человека с позиций высокого эгрегора, используется прием искусственной (т.е. происходящей помимо воли и сознания человека) инвольтации одной или нескольких из семи тонких фигур; каких именно, может зависеть от того, какому главному эгрегору из трех служит

человек: понятно, что подъем энергетики и уровня служения человека не остается незамеченным Гагтунгром, и он с помощью того или иного члена Королевской семерки инвольтирует соответствующую фигуру, обретающую большую власть над человеком. При этом очень существенно, что эффекты инвольтации тонких фигур в условиях сильного энергетического потока резко отличаются от их действий на обычного человека, живущего на низком или среднем уровне служения. Мы разберем эти эффекты последовательно, но читатель не должен забывать, что возможна сильная инвольтация Гагтунгром не одной, а сразу нескольких тонких фигур, что приводит к большим дополнительным сложностям в жизни человека.

Крупный дракон.

В один прекрасный день человек слышит внутри себя голос, который говорит ему с огромной внутренней силой и убедительностью примерно следующее: «Ты велик. Ты должен понять, что по-настоящему на Земле некому сравниться с тобой по уму, силе, красоте и значительности. Ты — гений, но совершенно недооценен знакомыми и вообще современниками, и никакая слава не окажется достойной тебя». В эту минуту инвольтированный Большим Драконом *дракон* самоутверждения существенно выше хозяина, и просто так отмахнуться от него невозможно, он давит на человека, причем совершенно императивно, и сопротивляться ему особенно сложно по двум причинам: во-первых, голос *дракона* идет изнутри, как голос интуитивной истины, или, по крайней мере, изо всех сил пытается на нее походить, а во-вторых, для подобных утверждений у *дракона* есть некоторые основания, поскольку, обладая высокой энергетикой, человек, как правило, действительно во многих (или хотя бы в некоторых) отношениях стоит выше среднесоциального уровня и что-то может, чего не может никто, и, с другой стороны, кто знает свои истинные возможности и пределы? Конечно, здравый смысл подсказывает человеку, что все эти его ощущения несколько преждевременны, но сила давления *дракона* огромна, и многие ей уступают, проникаясь, хотя бы частично, ощущением собственной исключительности и величия. В этот момент *дракон* залезает человеку на плечи и становится огромным паразитом, питаясь его энергией и энергией высокого эгрегора, который тут же это замечает и переводит человека на более низкий тип служения или вовсе отключается от него. В то же время есть очень простой критерий, позволяющий

оккультно грамотному человеку понять, что слова этого внутреннего голоса — ложь: высокий эгрегор никогда бы не стал высказываться столь жестко и непримиримо.

Вообще шкала похвал эгрегоров выглядит следующим образом. Самые низкие эгрегоры дают восторженные донельзя похвалы и грубые положительные энергии. Средние эгрегоры ставят отметки и хвалят, употребляя примерно те же эпитеты, которыми награждают школьные учителя своих учеников. Высокие эгрегоры дают общую положительную оценку (что-то вроде «неплохо» или «хорошо»), и наконец, самые высокие эгрегоры вообще не хвалят (и не ругают), а обозначают лишь окончание программы действий человека, т.е. как бы ставят за нее «зачет», но сопровождают его очень высокими энергетическими вибрациями, которые снимают, казалось бы, безнадежные внутренние зажимы и переводят человека на более высокий энергетический уровень существования.

Однако искушение велико, и если человек хотя бы частично верит *дракону*, последний обретает над ним власть, несравнимую с властью *дракона* над человеком со средней энергетикой. Сначала человек мечется, повинуясь уже воле голодного *дракона*, а не своего высокого эгрегора, а потом постепенно вовсе теряет высокое служение и фактически из последних сил кормит огромного паразита, целиком подчиняясь его воле — мания величия, хотя иногда частично социально адаптированная, т.е. человек может быть более или менее социально адекватен, но очень неприятен в общении и фактически имеет дело только с теми, кто безоговорочно подчинен аппетиту его *дракона*.

Крупная свинья.

«Тебе не кажется, что ты в последнее время много работал, — звучит внутри человека мягко укоряющий голос. — Тебе нужно отдохнуть, развлечься... может быть, просто полежать или съесть что-нибудь вкусное, не думая ни о чем». — И, действительно, думает далее человек, как ему кажется, сам, — сколько можно вертеться как белка в колесе, не зная ни отдыха, ни срока, беспокоясь все о других да о других. ПОРА ПОДУМАТЬ О СЕБЕ.

Последняя интонация звучит уже совсем не уговором — фактически это приказ, поскольку *свинья эгоизма* сейчас вдвое крупнее своего хозяина. В этот момент чувства долга, признания, обязательность и прочие качества, не дающие человеку остановиться в своей работе, отчетливо отступают на второй план, гонимые острым чувством обиды, которую от-

лично можно разглядеть на морде *свиньи*: она и в самом деле смертельно обижена на хозяина, который столько времени держал ее в черном теле (что для *свиньи* хуже, чем просто метафора).

И если человек решает хотя бы ненадолго пойти на поводу у *свиньи*, а у него этот соблазн несравненно сильнее, чем у среднего человека — ведь он действительно что-то собой представляет, много в жизни потрудился и сделал для человечества — так вот, если этот человек идет на поводу *свиньи*, то она просто переключает на себя канал в высокий эгрегор, отчего, разумеется, сразу резко прибавляет в весе и размере (а также аппетите). На казенном языке подобные действия человека именуются «злоупотреблением служебным положением в личных целях». И реакция высокого эгрегора, в отличие от светских властей, бывает моментальной, хотя сам человек может ее долго не замечать: высокий эгрегор переводит его на значительно более низкую и жесткую программу служения, поскольку метать бисер (т.е. свои высокие вибрации) *свинье* не склонен. Тем не менее, канал инвольтации сразу не обрывается, и постепенно *свинья* приобретает тотальную власть над человеком. Этим обстоятельством, как, впрочем, и поглощением человека любой из семи тонких фигур, немедленно пользуется Гагтунгр, передавая управление человеком в один из своих эгрегоров, для которых характерно очень жесткое управление, и человек становится фактически марионеткой черных сил, полностью лишаясь свободы воли. Внешне это всегда выглядит как поглощение тонкого тела человека той или иной тонкой фигурой, непосредственно или опосредованно инвольтируемой Гагтунгром (это может быть одна из фигур тонкой семерки, или их какой-нибудь синтез, или другая тонкая сущность — признаком демонического рабства является то, что эта фигура полностью поглощает тонкое тело человека и замыкает на себя все его индивидуальные каналы инвольтации).

Находясь под властью *свиньи* (будучи ею поглощен), человек является не только фантастическим эгоистом — он становится в полном смысле рабом своих желаний; они настолько сильны, что он совершенно даже не в состоянии подумать о том, чтобы их ограничить или не исполнить. Неприятность заключается в том, что его личные «эгоистические» желания поступают от «*свиньи*», а последняя в данном случае имеет активный прямой канал инвольтации от Большой Свиньи, через которую человеком полновластно управляет Фокерма, имея возможность возбудить в человеке любое желание, и удовлетворить его, когда и как сочтет необходимым, разуме-

ется, за соответствующую плату: сильный энергетический потенциал, который первоначально был у человека, и соответственно, относительно высокий уровень реализационной власти постепенно тратятся на *свинью*, т.е. переходят к Гагтунгру. В результате, в зависимости от обстоятельств, либо человек переходит на службу к Гагтунгру, попадая под его жесткое управление, но балансируя при этом свои отношения со *свиньей*, либо его энергетический уровень резко падает, *свинья* неизбежно худеет, и остается невнятное нечто с большим запасом воспоминаний: «Гулял я когда-то...»

Если, общаясь с сильным человеком, сожранным своим *драконом*, нужно постоянно ему льстить, и на этих условиях можно иногда выстроить с ним отношения (конечно, надо при этом перестать удивляться его несколько странной потребности в постоянных восхвалениях), то общение с человеком, сожранным *свиньей*, возможно лишь при постоянной подкормке животного; оно, впрочем, не особенно капризно и почти всеядно; нужно только привыкнуть к какому-то неестественному эгоцентризму и эгоизму этого человека, заинтересованного только в своих делах и удовольствиях — настолько, что это переходит все социальные рамки. Но важно понимать, что такой сверхъестественный эгоизм — знак прямой демонической инвольтации, а не просто неприятная черта человека, и с ним следует быть очень осторожным — строго говоря, он социально опасен (например, когда дело не касается его самого, он легко может проявить преступное равнодушие или халатность, результатом которых являются человеческие жертвы — читатель, конечно, понимает, *кто* водит его рукой и невниманием).

Крупный торопыжка.

«Ну что ты все сидишь? Неужели непонятно, что работать за тебя некому, а стоит только замешкаться, так сразу обойдут, и останешься у разбитого корыта несолоно хлебавши — это после стольких-то лет каторжных трудов и усилий — все пойдет коту под хвост». Крупный *торопыжка* часто возникает при приближении работы к ее окончанию, когда ее темп уже налажен, а внутренний ритм человека достаточно низок, и Гагтунгру обязательно нужно его поднять, чтобы человек *сам* разрушил все, что сделал. Часто в таких случаях самым эффективным путем оказывается прямая инвольтация Урпарпом *торопыжки*. Давление крупного *торопыжки* на человека таково, что у него буквально голова начинает идти кругом. И действительно, сроки горят, смежники подводят,

комплектующие детали тают на глазах, план горит по всем показателям — и полное впечатление (его создает *торопыжка*), что никому до этого нет дела, и единственное, что остается делать — бежать, ругаться, кричать, а главное — все делать самому и сразу. Но не только в программах созидания — велика дезорганизующая роль *торопыжки* и в программах обучения. В ночь перед экзаменом принцип «выучить значит понять» *торопыжка* заменяет принципом «выучить значит вызубрить» — и отключает память, а за полчаса до экзамена бодро советует — «перед смертью не надышишься» — и удаляется восвояси, оставляя студента в полном изнеможении и с недоваренной кашей обрывков знаний в голове.

Искушение крупного *торопыжки* для человека, служащего высокому эгрегору, чрезвычайно опасно. Во-первых, как только повышается внутренний ритм человека, эгрегор перестает через него что-либо видеть, и потому отключается от его ситуации, а во-вторых, высокий эгрегор всегда действует сам, и всякое прямое волевое действие человека, *не* санкционированное эгрегором, разрушает его планы, и чем активнее действует человек под руководством *торопыжки* (о чем легко судить по уровню внутреннего ритма), тем быстрее он губит планы высокого эгрегора. Сидя за рулем бульдозера, не нужно поддаваться искушению схватить лопату и в бешеном темпе *самому* раскидать гору щебенки.

Если же человек поддается давлению крупного *торопыжки*, (это, кстати, распространенное явление в обществе с атеистически-материалистическим положением точки сборки и господствующим убеждением, что человек — венец природы), то он фактически сам разрушает свою связь с высоким эгрегором и быстро тратит свой энергетический потенциал на увеличение мирового хаоса. Если он в этом преуспевает, Урпарп может дать еще более сильную инвольтацию *торопыжке*, и тот поглотит человека целиком. Тогда получается одно из страшных орудий Урпарпа — мощный деятель, имитирующий участие в эволюционном развитии, а фактически энергично ему препятствующий, причем не только на материальном, но и на тонком плане. Сильный человек, поглощенный *торопыжкой*, часто, сам того не ведая, разрушает тонкие структуры в любом месте, где бы он ни находился, перехватывает и путает информационно-энергетические каналы и т.п. На бытовом уровне восприятия это крупный баламут, с которым (чувствует мудрый человек) лучше по возможности не иметь никакого дела, потому что, даже если он и выполнит обещанное (что само по себе маловероятно), то в конце концов все равно из этого выйдут одни неприятности, которые

придется потом долго расхлебывать. В наиболее тяжелых случаях *торопыжка* поднимает человеку внутренний ритм настолько, что он перестает адекватно воспринимать социальную реальность и оказывается в психиатрической больнице с выразительным, но бессмысленным диагнозом типа маниакально-депрессивного психоза.

Крупный желтый.

Здесь мы переходим в область положений точки сборки, описываемую с большим трудом, поскольку иллюзорных миров очень много; однако в данном случае человек подвергается искушению отправиться в путешествие в мир, так сказать, злостно-иллюзорный, по возвращению из которого он склонен сожалеть о происходившем с ним и вокруг него — путешествие к Фокерме в конечном счете всегда оказывается грязным и лживым.

Самый обычный вариант проявления крупного *желтого* у человека в сильном энергетическом потоке — это внезапно возникающее назойливое желание отключиться, забыться и снять напряжение, для каковых целей обычно употребляются спиртные напитки или наркотики. Но крупный *желтый* не удовлетворяется «разумной» (т.е. социально приемлемой) дозой — ему нужна длительная медитация, запой, по возможности с переменой обычных мест обитания и кругов общения и окончательным погружением на «дно» в каком-либо притоне.

Однако классический запой, столь блестяще исследованный в мировой литературе, что у автора нет необходимости в подробном его описании, отнюдь не исчерпывает искушений и возможностей сильного *желтого*. Главные ощущения, которые он вызывает у человека, это нереальность собственного существования и потеря контакта и взаимопонимания с окружающим миром. Человеку кажется (и это быстро подтверждается эмпирически), что любые его попытки установить связь с внешним миром обречены на провал и только усугубляют пропасть непонимания. При этом собственная реальность вовсе не кажется человеку иллюзорной, и, строго говоря, каждое положение точки сборки, даже кратковременно достижимое, имеет одинаковое право на существование, как и мир, соответствующий этому ее положению; другое дело, что течение кармы или, в другой терминологии, воля высоких эгрегоров требует временами изменения положения точки сборки, и человек, перейдя в другой мир, например, из безбожной хаотической реальности атеиста-научника в гораздо

более упорядоченную религиозную, думает о себе: «И как же я раньше заблуждался!», или даже так: «Какой же я раньше был глупый, и как сейчас поумнел!», хотя происшедшая перемена коснулась не только его сознания, но и мира, его окружающего, в целом; атеисты же остались у себя, в своей реальности, где Маркс как был, так и является идолом, а экономика фетишем, при полнейшем отсутствии «бога» где бы то ни было, кроме голов полубезумных фанатиков, именующих себя «верующими».

Возвращаясь, однако, к теме, следует отметить основную черту реальности, в которую приглашает человека крупный *желтый*: она отделена от внешнего мира невидимой, но непреодолимой преградой, и *желтый* уговаривает человека: «Да плюнь ты на этот глупый, нисколько тебя не понимающий, да и не нуждающийся в тебе мир; пойдем поглубже в уготованную нам с тобой реальность, где ждут тебя неведомые страны и необыкновенные переживания». Если человек найдет в себе силы спросить: «А уготованную — кем?», то ответ прозвучит недвусмысленно: «Фокермой», и тогда у него есть шанс остаться на поверхности. Если же он поддастся искушению, то уйдет в пучину искаженных миров, где царствуют законы лжи, профанации, порока и самообмана.

Для человека, поглощенного крупным *желтым*, есть два пути — безумие в самых различных формах, т.е. путешествие по искаженным мирам Фокермы без возможности выбраться оттуда, или (второй путь) стать марионеткой Желтого Короля, вполне социализированной личностью, постоянно искажающей реальность вокруг себя. Существуют энергетически очень сильные марионетки такого рода, которые пробиваются в крупные начальники, политики и т.д., совершенно виртуозно умеющие немногими словами и жестами создать человеку иллюзию дружбы, даже любви, как бы обещания поддержки и помощи..., а когда через некоторое время желтый туман рассеивается, одураченный человек думает: а что же я так радовался, раскрылся и дал на все согласие, когда мне по существу ничего не обещали?

Вокруг человека, съеденного *желтым*, и с сильным каналом Желтого Короля, стоит характерное (с непривычки довольно неприятное) облако двусмысленности и липкого обмана. Он часто опаздывает (характернейший признак служения Желтому Королю), не выполняет обещаний — но при этом по совершенно объективным причинам — и долго оправдывается, причем как-то так, что полностью вымазывает жертву своей липко-желтой аурой; его слова часто двусмысленны, и он умеет ловить на этом других (это называется экивоками),

говоря впоследствии: «Но вы совершенно неправильно меня поняли!» Другая характерная черта такого человека — умение возбудить по отношению к себе чувство жалости и комплекс вины, заставляя людей бесплатно работать на себя, а в заключение сказать (видом, но не словами): «Но я же их ни о чем не просил, а потому ничем и не обязан».

В любовных отношениях марионетка Желтого Короля это шоколадная конфета, состоящая только из блестящей обертки, или содержащая внутри стальной крючок... однако отложим эту тему на некоторое время. Вообще это мастер психологических игр всех видов, умеющий поставить в ложное положение кого угодно, и выйти сухим из любой воды. Характерным для такого человека являются совершенно изумительные по своей силе и искренности непоследовательность и безответственность — кажется, что чувства долга и совести у него нет вовсе — и действительно, таким образом работает защита канала Желтого Короля, быстро перемещая точку сборки человека так, что реальность его прошлого не имеет (почти) никакого отношения к реальности его настоящего; выражаясь эпическим языком, у этого человека (и в его окрестности) рвется связь времен.

Крупный черный.

Когда Гистург чувствует, что энергетика человека высокого служения перешла опасный для Гистурга рубеж, он проецирует свое чувство тревоги на человека, инвольтируя его *черного*. Мгновенно выросший *черный* говорит своему хозяину: «Будем защищаться. Опасность близка, вооруженные рати близятся к тебе со всех четырех сторон, а также с воздуха, из-под земли и из астрала». Действительно, кто может гарантировать человеку, а особенно атеисту, безопасность в нашем беспокойном и ненадежном мире? Точка сборки перемещается в область тревоги и Повышенной Опасности. Вон идет человек — почему у него такое угрюмо-мрачное выражение лица? а этот куда торопится? а этот так и норовит зайти вместе со мной в лифт и явно не из нашего дома... что ему от меня надо?!! Уровень тревоги возрастает до такой степени, что в качестве защиты появляются навязчивые действия: человек постоянно проверяет, на месте ли его бумажник, документы, ключи от квартиры. Непрерывно идут зловещие предупреждающие знаки, которые и вправду работают, но пока почему-то не в полную силу: например, встреченная на улице карета «скорой помощи» оказывается символом не госпитализации человека или членов его семьи (каковая мысль немедленно приходит ему в голову), а всего лишь рассказа сослуживца о

сердечном приступе его тещи, но это ничего не значит, поскольку завтра (и даже сегодня вечером) может случиться ЧТО УГОДНО.

Если человек поддается на провокации взрослого *черного*, т.е. дает чувству страха захватить себя и начинает тем или иным методом вооружаться или защищаться от предполагаемой внешней агрессии, то его точка сборки смещается в область страха, а сам он попадает в один из миров с повышенной агрессивностью, где его приготовления оказываются вполне своевременными. Если человек покупает браунинг, он попадает в перестрелку; если он создает себе непроницаемую астральную защиту, в нее тут же начинают лететь астральные колья и снаряды; если он начинает строго контролировать жену, она незамедлительно и преступно расцветает и частенько пребывает в возбужденном состоянии без видимого повода, исключая только в высшей степени подозрительные телефонные звонки.

Человек, поддавшийся атакам сильного *черного* и сожранный им, может оказаться в ужасном положении — его точка сборки переместится в позицию, соответствующую миру тотальной агрессии и страха — это уже мания преследования, иногда в сочетании с сильным комплексом вины пред миром за свою агрессивность — Гистург проецирует на человека ответственность за свои деяния, человек ощущает себя в ответе за мировое зло. Обратный вариант безумия это мания власти над черными силами, которые кажутся человеку послушными слугами.

Второй вариант победы крупного *черного* над человеком это также его поглощение, с сохранением социального статуса, но передачей управления его воли непосредственно Черному Королю или одному из жестких эгрегоров, им инвольтируемых. Такой человек — всегда фанатик, обладающий большой силой и мощной энергетикой с жесткими вибрациями, управление которой, правда, ему не принадлежит, хотя у окружающих, вероятно, и возникнет такая иллюзия. В эту категорию попадают почти все профессиональные спортсмены — и, конечно, их тренеры и менеджеры. (Вообще вся система профессионального спорта, в том виде, как она сложилась к концу XX столетия, относится к ведомству Гистурга, с некоторой инвольтацией Фокермы).

Еще ниже стоят асоциальные рабы Черного Короля — наемные и маниакальные убийцы, вообще вся система уголовного мира (здесь, впрочем, также ощущается влияние Фокермы) и, кстати говоря, их жертвы. В целом неконтролируемый рост *черного* и повышение его агрессивности может означать, что жизнь человека в опасности.

Крупный змей.

Служение высокому эгрегору — дело серьезное и возвышенное; здесь уместен жанр трагедии, но уж никак не комедии и тем более фарса… читатель действительно так думает? Значит, он не сталкивался с искушениями крупного *змея*, инвольтированного Большим Змеем и способного превратить в хохму все, что угодно.

— «Так ты, дружок, полагаешь, что занят чем-то серьезным и важным, общественно или, на худой конец, космически-полезным? А ты бы взглянул на свое копошение Глазами Вечности, а потом рассказал об этом любимой девушке, и она широко распахнет свои прекрасные глаза и не менее прекрасные коленки, ха-ха, и тогда-то ты и увидишь истинную цену своей деятельности — ныне, присно и во веки веков» — тут змей, уже не в силах выдерживать патетический тон, теряет отчасти вертикальное состояние и плюхается на землю в виде обычной змеи, колыхаясь от смеха всеми своими изгибами.

Мастер профанации, демагог, циник и садист, *змей* старается быть добродушным, но когда это не удается, нисколько не смущается — ведь он старается для своего хозяина, открывает ему глаза на истинное положение вещей, и если оно иногда колется — что ж, такова правда жизни, и лучше вытерпеть ее сейчас, чем жить в розовой иллюзии. Любимая игра *змея* — передергивание, т.е. резкое нарушение акцентов, как эмоциональных, так и ментальных. Его задача — сбить человека с трудно достижимого равновесия точки сборки, находящейся в положении видения мира глазами высокого эгрегора, и крупный *змей* — виртуоз этого искусства. Если не помогают снежки, он спускает снежную лавину.

Начинающий христианин возвращается, в самом благостном настроении, из церкви, после исповеди и причастия. Кто встречает его дома, радостно улыбаясь и раскачиваясь на кончике хвоста, с маленьким золотым крестиком на шее? «Здравствуй, вставший на Путь Истинный, — радостно восклицает *змей*, а вот и я, твой главный враг, пришел с тобой бороться! Ну, кто кого?» И *змей*, обвив человека вокруг ног и рук, заглядывает ему в глаза и начинает искушать.

Главная цель *змея* — добиться, чтобы человек воспринял его всерьез, что фактически означает изменение положения точки сборки человека и прерывание связи с высоким эгрегором. Но если маленького *змея* еще можно как-то проигнорировать, то с крупным это не удается, потому что он действительно разрушает медитации, профанирует энергетические потоки и искажает ментальную картину мира. «Вот ты гово-

ришь, Бог есть, — ерничает *змей*, и от одного его вида человеку уже настолько тошно, что вся его вера съеживается и уходит так далеко, что и не поймешь, есть она или вовсе нет, — а как же он меня, гада, до сих пор терпит, и мою злокозненность не истребляет? Что же получается, я Его сильнее?» Подобная мысль для духовного прозелита нестерпима, и он обращается в полное уныние и отчаяние, и даже следы бывшей благостности, приходившей после посещения церкви, куда-то бесследно исчезают.

Если человек не имеет достаточно терпения, веры в свое дело и чувства долга перед высоким эгрегором, который только и может сократить размер крупного *змея* (сам человек этого сделать не в силах), то он вступает в сражение со *змеем* и бывает им постепенно съеден. Как всегда, в этом случае возможны два варианта: либо человек теряет свою волю и становится служителем Большого Змея, но остается в рамках социума, либо практически полностью теряет свою энергию и превращается в тихого циника, который «знает всему цену», но основной его удел — апатия, поскольку все его энергетические каналы отобраны Большим Змеем и переданы Фокерме. Наоборот, служитель Большого Змея это крупный и энергичный циник и профанатор, умеющий сдвигать окружающим точку сборки так, что они действительно теряют почву под ногами, т.е. связь со своими ведущими эгрегорами, особенно (относительно) высокими, и вся их жизнь и деятельность получает профанированный смысл. До известной степени триумфом Большого Змея было распространение вульгарного фрейдизма, сводящего все движущие силы и проблемы человека к сексуальным, при недостаточной разработке самим Фрейдом концепции сублимации; и введение в конце его жизни дополнительного фундаментального инстинкта смерти (в нашей терминологии — фигуры *серого*) не смогло вывести фрейдизм из-под власти Гагтунгра — читатель, конечно, понимает, почему.

Крупный серый.

Какой же эволюционный работник не любит быстрой езды, да еще в хорошую погоду, под ярким солнцем и по твердой земле? Не все, однако, коту масленица, случается и великий пост. Откуда ни возьмись, появляется хмарь, из неба вместо благодати начинает капать мелкий холодный дождик, а дорога непостижимо быстро раскисает и превращается в хлюпающее болото. Каждый шаг дается с огромным трудом, а тяжесть на плечах возрастает, кажется, втрое. Великое Уныние пра-

вит человеком, и главная его цель — стать Великим Отчаянием. Так манифестирует себя инвольтированный *серый*, и для человека, привыкшего жить в сильном энергетическом потоке, со счастливым ощущением смысла жизни своей и власти над миром, подобные состояния, когда то и другое теряются по-видимости навсегда, чрезвычайно тягостны. Основная цель *серого* заключается в том, чтобы съесть всю энергию человека, а в случае, когда у него есть устойчивые энергетические каналы — замкнуть их на себя. Это получается само собой, как только человек начинает волевым образом бороться с *серым*, убеждая себя словами или делами, что не все потеряно, болото можно высушить, тучи разогнать и т.д. Но дело в том, что это болото не простое, а заколдованное и бездонное, великое порождение Урпарпа — оно может поглотить любое количество энергии, не изменившись никак и не выдав во внешний мир никакой реакции, а серые тучи над головой человека — испытание его терпения, точнее, бескорыстности его служения высокому эгрегору, который только и может их разогнать. Поэтому любой волевой и силовой протест в этой ситуации ведет только к ее ухудшению и уменьшению личной энергии человека.

Большой *серый*, появляясь, буквально валит человека с ног, поскольку полностью лишает жизнь смысла и красок — остается одна лишь тяжелая и монотонная работа, непонятно, во имя чего, ибо идеалы потускнели, цели недостижимы (сил очевидно не хватит), и остается только чувство долга, но и сам этот долг быстро теряет смысл — для чего и для кого нужно все происходящее, совершенно непонятно. Важное качество крупного *серого* это умение создать человеку иллюзию, что так, как обстоит дело сейчас, будет всегда — если не хуже, и прорваться через такую иллюзию необычайно трудно. Знаки и тихий внутренний голос говорят, что происходящее временно, и его царствие — обман, но уж слишком оно реально и всевластно... человеку, воспитанному в доверии к «объективной» реальности, трудно поверить в чудо, а тем более, в грядущее чудо.

Если *серый* съедает человека целиком, вместе со всеми его каналами, получается тихий депрессивный пессимист, который еле-еле находит в себе силы просто влачить существование; часто такие люди становятся робкими неблагодарными вампирами; смотреть на них жалко, но чувствуется, что радикально помочь им невозможно, по крайней мере, пока они сами этого отчетливо не захотят, а последнее для них совершенно нетипично.

Очень интересную (издалека) картину представляет человек, съеденный *серым* и состоящий на марионеточной службе Серого Короля. Он сеет вокруг себя чувства безнадежности и бессмысленности существования и любой деятельности, и при случае может довольно энергично вступить в спор с энтузиастом и весьма убедительно доказать ему, что все его идеи ложны, а проекты бессмысленны и обратятся в тлен в ближайшее время, оставив его самого без сил в роли выжатого лимона, сок которого выпьют разные гады, только и торжествующие в этом ужасном мире. Победив энтузиаста и превратив его в жалкое подобие человеческого существа, человек видимым образом оживляется и приобретает сытый вид, но упаси вас Бог сказать ему это — безнаказанным вы не уйдете. Марионетки Серого Короля активны и прилипчивы, и правильная защита от них — дело очень непростое; в какой-то мере эта тема раскрывается ниже.

***

Борьба с личными тонкими фигурами косвенно отличается от борьбы с крупными тонкими фигурами, прямо инвольтированными Королевской семеркой; во втором случае человек вступает в сражение уже не только с самим собой, но и с низшими программами общества в целом, т.е. собственно с Королевской семеркой и, в конечном счете, с Гагтунгром. Правда, в этой ситуации ему отчасти помогает ведущий человека высокий эгрегор и возросшая личная энергетика, но все же главную роль играет его сознание, т.е. уровень понимания происходящего. Если человек, как говорится, подготовлен, и его эволюционное развитие шло постепенно и не оставило пропусков, то никаких специальных методов борьбы с тонкой семеркой, кроме ее игнорирования, ему не нужно; его канал в высокий эгрегор устойчив, вера непоколебима, и эгрегор сам в нужный момент сократит инвольтацию тонкой семерки Гагтунгром до необходимых размеров. Реально, однако, эволюционное развитие идет скачками, в результате чего уровень устойчивости канала связи с высоким эгрегором невелик, а сила власти над человеком крупных тонких фигур оказывается значительной, и они порой сдвигают точку сборки человека с позиции высокого служения. Это, однако, еще вовсе не означает победы Гагтунгра, и при правильном поведении (внешнем и внутреннем) человек часто в состоянии вернуть точку сборки в исходное положение и восстановить устойчивую связь со своим высоким эгрегором. Некоторые приемы борьбы с крупными тонкими фигурами представлены ниже;

разумеется, это неполный перечень; его цель — дать импульс для дальнейших изысканий читателя.

Некоторые общие соображения.

Борьбу с тонкими фигурами нельзя вести, полностью воспринимая их всерьез как полноценных врагов, способных уничтожить человека; но в то же время к ним нельзя относиться легкомысленно и считать, что победа может быть одержана легко; на самом деле все враждебные тонкие сущности если не порождены, то сцеплены с определенными низкими программами подсознания человека, и для победы (кстати говоря, всегда временной) над ними обязательна внутренняя, а иногда и внешняя жертва со стороны человека, который навсегда прощается с некоторой низшей, но очень своей частью «я».

Далее, борьбу с тонкими фигурами никогда нельзя вести прямо, так как это означает сдвиг точки сборки в их область, где они всегда сильнее. Самое правильное отношение к ним как к досадным помехам, несколько замедляющим основное движение человека; если помехи возрастают выше определенного уровня, необходимы меры по их устранению, но движение вперед в это время остается основным занятием человека, хотя, естественно, может замедлиться. Итак, на тонкую семерку следует внимательно смотреть *боковым* зрением и бороться с ней всегда *косвенными* методами.

При правильном поведении человека, искусно избегающего соблазнов, обмана, искушений и т.п. тонкие фигуры не только уменьшаются в размерах; они обретают более культурный вид и, соответственно, меняется их обращение с человеком, что чрезвычайно украшает его жизнь: грубые соблазны и искушения прекращаются, заменяясь тонкими, и это сказывается буквально на всей картине внешнего и внутреннего мира, которая существенно облагораживается. Это — критерий правильного поведения в целом; однако существуют и локальные признаки выигранных сражений, из которых главный — достижение человеком контакта с высоким эгрегором, с одной стороны, и, как говорили в средние века, посрамление дьявола, с другой. На языке этого трактата, последнее обстоятельство проявляется в *недоуменном* выражении лица или морды тонкой фигуры, которое как бы говорит: «Ну что же ты не поддаешься соблазну, который я так тщательно подготавливал? Что же мне, заново стараться?» И после этого, действительно, тонкая атмосфера делается чище, и следующий соблазн готовится более тонко и тща-

тельно, что безусловно может рассматриваться человеком как локальная победа над Гагтунгром, или, в другой терминологии, над своим низшим «я».

Важным условием правильного поведения в ситуациях атаки со стороны тонкой семерки является вежливость обращения. Никогда не следует отвергать соблазн как таковой, да еще с гордым видом (последнее часто означает, что его вместо *свиньи* съест *дракон*), глядя противнику прямо в глаза — это уже означает прямую схватку, в которой человек выиграть, как читатель уже хорошо запомнил, не может. Гораздо лучше, тоньше и эффективнее найти как бы весомый предлог, под которым и отказаться, ни в коем случае не объявляя свой отказ принципиальным — уж если фантазия совсем отказывает, можно объяснить его капризом настроения, хотя это и не слишком убедительно. Другими словами, нужно суметь минимальными средствами обвести тонкую фигуру вокруг пальца, косвенно убедив ее в том, что предлагаемые ею искушения недостаточно обольстительны или внушительны, и пусть она еще подумает и поработает — но всего этого ни в коем случае нельзя говорить или демонстрировать прямо, иначе человек рискует попасть под прямой удар архетипической фигуры (т.е. соответствующего Короля).

Прямым знаком крупной победы над тонкой фигурой является сильное ослабление ее внутреннего влияния в сочетании с ее же экстериоризацией, т.е. воплощением во внешнем мире; пока экстериоризации не произошло, человек может быть уверен в том, что враг не побежден, а лишь затаился. В качестве примера рассмотрим человека, который только что одержал крупную победу над своим *драконом* самоутверждения и выработал в себе сильную программу смирения. Посрамленный *дракон* выбирает себе жертву где-то около нашего героя, и вселяется в одного из его близких, например, хорошего друга. И человек, который только что понял и в полной (как ему кажется) мере оценил всю злотворность гордыни, неожиданно видит, что его друг просто переполнен высокомерием и чванством, которые выливаются из него при всяком неосторожном движении. Теперь человек имеет полную возможность рассмотреть *дракона* со стороны, т.е. на примере своего друга, и это будет для человека не самым приятным зрелищем, особенно если он увидит в друге общие с собой бывшим черты поведения. Что в это время происходит в тонком мире? Сокращенный, маленький *дракончик* нашего героя с горечью, тоской и завистью смотрит на своего пышного собрата и жаждет получить от него инвольтацию, что немедленно произойдет, как только в голову человека придет и

в ней останется такая, например, мысль: «Подумать страшно, что я был похожим на него, и как хорошо, что теперь я совсем другой». Если же человек в самом деле выработал должное смирение, то он гонит подобные мысли, и через некоторое (иногда довольно большое) время неестественное цветение или буйство экстериоризованного *дракона* кончается, что свидетельствует об окончании второй (внешней) фазы борьбы человека с *драконом*; в следующий раз схватка будет происходить уже на ином уровне.

После этих предварительных замечаний автор переходит к обсуждению возможных (разумеется, не единственных) антитезисов, применимых при сильной инвольтации тонких фигур их архетипами, когда их власть над человеком, живущем в сильном энергетическом потоке, возрастает настолько, что игнорировать их уже невозможно, в частности, потому, что прерывается связь с высоким, повышается внутренний ритм, и точка сборки уходит в нежелательные области.

Антитезис крупному дракону.

Прежде всего, своего *дракона*, как, впрочем, и прочие тонкие фигуры, следует исподволь приучать к правилам вежливости, в частности, к такому: перед тем, как войти — стучите. С другой стороны, самому человеку в этом случае следует самому открывать дверь, когда стук длится определенное время, и впускать тонкую фигуру в свое сознание, не дожидаясь, когда доведенная до отчаяния и существенно инвольтированная своим архетипом, она ворвется туда, снеся дверь с петель.

Основное средство укрощения тонких сущностей это разотождествление с ними; но особенно существенным является разотождествление с *драконом*, ибо пока человек не скажет ему со всей возможной твердостью: «Ты — это не я», *дракон* не уменьшится ни в силе, ни в размерах. В то же время отличить голос крупного *дракона* от голоса высокого эгрегора очень легко, и хотя говорят они в чем-то похожие вещи, но по существу разница огромна, да и лексика и интонационный строй также сильно отличаются.

Высокий эгрегор дает человеку *спокойное* ощущение, иногда совершенно отчетливое, *причастности* к большим и важным эволюционным программам, в то время как крупный *дракон* буквально кричит, что человек единолично их *ведет*, т.е. является главным. Высокий эгрегор акцентирует у человека чувство *ответственности* за свои дела и необходимость постоянного интенсивного внимания к происходящему

вокруг, *дракон* же апеллирует к чувству *личной важности* и *значимости* человека и ставит вопрос так, что мир должен адаптироваться к любым его капризам и мельчайшим волеизъявлениям, в которых (по мнению *дракона*) человек должен быть совершенно свободен.

Поэтому довольно эффективным способом укрощения *дракона* является смещение его точки сборки в положение, соответствующее высокому служению. *Дракона*, даже очень сильного, легко уговорить, что не стоит заниматься мелочами и несущественными капризами, и что *ответственность*, безусловно, является продолжением чувства собственного достоинства... словом, читатель наверняка сумеет плавно переместить точку сборки *дракона* в положение высокого служения (после чего тот быстро уменьшится в размерах) — при условии, что внутренне полностью разотождествится с *драконом* и будет рассматривать его как откровенного и сильного прямого врага; любой другой взгляд на него чреват самообманом и поражением.

Антитезис крупной свинье эгоизма.

В отличие от *дракона*, *свинью*, независимо от ее размеров и поведения, никогда не следует рассматривать как прямого врага; с ней всегда нужно искать компромиссы, тактично и ласково уговаривая, иногда *слегка* обманывая, но постоянно присматривая за ее внешним видом и настроением, которые должны быть приличными.

Основная особенность крупной *свиньи* — несоответствие аппетита желудку, т.е. необычайно завидущие глаза при в общем-то нормальных потребностях. Другими словами, крупная *свинья* вызывает у человека очень острые и обширные, часто практически трудно- (или не-)исполнимые желания, — но резкие фрустрации, отчаяние, депрессию и прочие сильные эмоции, сбивающие положение точки сборки, человек испытывает лишь тогда, когда резко говорит себе: «нет», т.е. натравливает на *свинью* сильного *черного*, чтобы тот прогнал ее с глаз долой, поглубже в подсознание, из глубин которого в сознание будет слабо доноситься ее жалобный, но очень выразительный скулеж. Гораздо более культурными окажутся дипломатические переговоры и разумные подачки, получив которые, голодная *свинья* слегка заморит червячка — и, к собственному удивлению, обнаружит, что ее голод почти исчез, а завидущие глаза сияют уже далеко не так сладострастно. Однако здесь очень важна правильная психологическая подготовка *свиньи*: в контактах с ней человек должен про-

явить уважение и сочувствие к главному факту *свиной* реальности: постоянному и всепоглощающему аппетиту, и выразить готовность, по мере сил и возможностей, пойти навстречу — насколько это сейчас, при низких учетных ставках и неважной оборачиваемости оборотных средств, реально; при этом, конечно, следует избегать грубых обманов и очевидно невыполненных обещаний... впрочем, *свинья* довольно незлобивое и покладистое животное, если только обращаться с ней по-человечески.

Антитезис крупному торопыжке.

Это очень непростой момент, поскольку в данном случае человеку нужно проявить не что-нибудь, а истинное смирение, сказав себе (т.е. *торопыжке*): все, что угодно Богу, произойдет и без того, чтобы я увеличивал свой внутренний ритм. Народная мудрость в данном случае очень оживляется и дарит нас такими алмазами как, например, «Поспешишь — людей насмешишь» или «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь», а также «Семь раз отмерь — один раз отрежь» (кстати говоря, два зайца, стремительно разбегающиеся в разные стороны — хороший символ *торопыжки*). Однако в случае сильного *торопыжки* народная мудрость не срабатывает, и вполне понятно, почему: во всех трех пословицах идет аргументация на уровне материального мира, в то время как эффективный антитезис крупному *торопыжке* возможен только путем перевода его точки сборки в (умеренно) горние сферы. Здесь очень важно понять следующее: высокий эгрегор не рассчитывает ни на ум, ни на смекалку, ни на проворство, ни на изворотливость, ни на скорость реакции человека. Ему нужно лишь одно: соответствующее Ему положение точки сборки и низкий внутренний ритм человека, что в совокупности дает эгрегору возможность видеть через человека материальный мир и транслировать через него свою волю, которая, однако, никогда не выражается в конкретных делах — трансляция высокого эгрегора это, скорее, некоторая аура тонких вибраций, облако возвышенного чувства и мысли, сопутствующее этим делам. Другой вопрос, что не всякое практическое деяние можно окружить таким облаком, но это уже иная тема, ожидающая своего развития в гл. 6.

Антитезис крупному желтому.

«Вообще я больше двух рюмок не пью; но, выпив две рюмки, я становлюсь другим человеком, и этот человек пьет

МНООГО!» Как видно, проблема непроста и к исследованиям роли огуречного рассола в синдроме похмелья не сводится.

Здесь нужна подготовка. Тема, практически не затронутая в развитии человечества — культура самообмана. Понятно, что без самообмана жить нельзя, это основной метод защиты, и умеренные сдвиги точки сборки («две рюмки») вполне допустимы; вопрос заключается в том, где следует остановиться.

Ответ может быть найден в анализе внешней жизни. Дело в том, что снизить активность *желтого* во внутреннем мире, вообще отследить его влияние там часто довольно сложно, особенно для человека с не очень высокой внутренней честностью, которая представляет собой редкий дар или вырабатывается очень медленно и с огромным трудом.

К счастью (или к несчастью, как посмотреть), *желтый* никогда не удовлетворяется внутренней активностью и обязательно в равной мере влезает во внешнюю жизнь человека, и здесь его можно легко схватить за руку. Антитезис столь же наивен, сколь эффективен: не создавайте ложных положений; не лгите; не опаздывайте; выполняйте обещания буквально и вовремя; говорите ясно и старайтесь точно слышать и запоминать слова, к вам обращенные; уважайте чужие реальности и положения точки сборки, не сводя их к собственным.

Если человек начинает следовать этим указаниям, он обнаруживает, что это ему почему-то ужасно трудно, словно какая-то сила буквально заставляет нарушать эти простейшие правила. читатель, конечно, понимает, что это за сила, но здесь важно строго соблюдать следующее: на *желтого* не следует (кроме специальных медитаций) смотреть прямо; наоборот, нужно его по-видимости игнорировать, «просто» выполняя свои очевидные обязательства перед миром и собой. Результат проявится, в первую очередь, во внутренней жизни: у человека раскроется сердце, и он станет гораздо лучше видеть и понимать себя и других. Автор полагает, что безответственность и алкоголизм имеют сходное происхождение — однако во втором случае фигура *желтого* часто смешивается с *черным*.

Антитезис крупному черному.

Неопределенность будущего — объективный фактор, но спекулировать на нем не следует. Тем не менее, власть крупного *черного* над человеком в очень большой степени обусловлена именно этой спекуляцией. Однако страх перед буду-

щим еще не является, сам по себе, достаточной причиной для начала гонки вооружений, особенно в области низших энергий. Основной метод борьбы с *черным* — его игнорирование, т.е. укрепление точки сборки в положении покорности воле высокого эгрегора, который сам позаботится о безопасности человека. Здесь ключевым моментом является разотождествление с фигурой *черного* и восприятие его как отчетливого врага, заставляющего человека поднять свой внутренний ритм, отключиться от высокого эгрегора и приняться за создание системы обороны, принципиально не способной защитить от нападения предполагаемого противника. Более того, истина здесь заключается в том, что система обороны, которую создает крупный *черный*, как раз и привлекает к себе агрессию среды, и человек оказывается на поле боя — внутреннего, а в крайних случаях и внешнего — когда отчетливо видно, что *черный* нужен. Высокий эгрегор создает защиту принципиально иного рода — человек просто не попадает в ситуации прямой атаки низших сил, поэтому у него нет и потребности в низшей защите, но зато от него требуется постоянный контроль внимания, удерживающий точку сборки в состоянии настройки на свой эгрегор. При этом зачастую человеку не совсем понятно, чем в данный момент интересуется высокий эгрегор и почему он требует от человека повышенного внимания и сосредоточения в, казалось бы, совсем не ответственных ситуациях — а истина заключается в том, что высокий эгрегор видит гораздо дальше человека и отводит опасности задолго до того, как они станут очевидными (или просто заметными) для человека, но для этого ему нужно *постоянно* хорошо видеть окружающую человека плотную реальность.

При правильном поведении высокое служение дает гораздо больший уровень безопасности, чем низкое, при любом способе обороны, хотя глазами обычного человека высокое служение, с точки зрения безопасности, есть последовательность счастливых случайностей, позволяющих человеку ускользнуть из лап хищных зверей, пробежав по самому краю пропасти — но в реальности самого человека высокого служения эти звери ручные, а пропасть имеет глубину пятьдесят сантиметров, т.е. опасности символические, хотя и их нужно тщательно учитывать.

Антитезис крупному змею.

Антитезис крупному змею — это утверждение верности своему высокому эгрегору через внутреннее отстаивание его системы ценностей. *Змей* любого размера очень не любит ни-

чего предлагать, его дело — насмешка и профанация под видом раскрытия глаз человека на истину. Однако истина не существует в области низких вибраций — там она профанируется и гибнет, превращаясь в ложь. Поэтому, разотождествившись со *змеем*, человек может ему просто сказать: «Все твои инсинуации не имеют отношения к существу дел, так как идут на значительно сниженном уровне»; другими словами, *змей* всегда говорит *не то*, или *не о том*. Однако сила *змея*, особенно крупного, заключается, во-первых, в его ловкой идентификации с человеком (например, так называемый «здоровый скептицизм»), а во-вторых, в его якобы защитной роли по отношению к человеку: ведь если ты сам себя спрофанируешь, то другой этого не сделает... эта логика *змея* хорошо известна и описывается поговоркой «наказал мужик бабу — ушел в солдаты». И не последнюю роль играет способность змея любой величины моментально (на момент наблюдения) резко сокращаться в размерах, принимая вид маленького, добродушного улыбающегося ужика, преданно ползущего у самых ног хозяина точь-в-точь как верный пес.

Антитезис крупному серому.

«Коль мысли черные к тебе придут — откупори шампанского бутылку, иль перечти „Женитьбу Фигаро“», — А.С. Пушкин в качестве антитезиса *серому* рекомендует *желтого* и *торопыжку*, но в случае сильной инвольтации Серого Короля ни то, ни другое не помогает. Опускающиеся сверху уныние и безнадежность кажутся непреодолимыми, сил нет и взять их неоткуда, тяжести представляются неподъемными, а радости и удовольствия полностью теряют вкус. Однако эта ситуация — лишь начало, так сказать, психическая атака Серого Короля: его цель — полностью переключить все каналы человека на себя и съесть его энергетику полностью, а до этого еще далеко. Под серым небом и моросящим дождем, в грязи и слякоти вполне можно жить и работать, и это совершенно не устраивает Серого Короля. Его цель — поднять внутренний ритм человека, заставить его взбунтоваться против своих условий и судьбы, затем подавить этот бунт и перевести уныние в отчаяние, т.е. состояние с зияющей дырой в энергетическом каркасе, к которой *серый* тут же подключается как вампир, после чего энергетический уровень человека существенно понижается, а *серый*, соответственно, вырастает еще больше.

Естественный антитезис крупному *серому* ясен — смирение как готовность работать в тех условиях и на той энергети-

ке, которые посылает высокий эгрегор; тогда происходит разотождествление с *серым*, и он оформляется как враг, этому отчетливо мешающий. Сложность заключается в том, что большинство людей не доверяет себе и воспринимает понижение энергетического уровня как опалу со стороны высокого эгрегора; кроме того, на помощь *серому* часто приходят *желтый*, *змей* и *черный*, и человек должен принять бой с ними в условиях превосходства *серого*, т.е. при внешнем унынии и видимой беспросветности всех обстоятельств — что ж, в любом случае в распоряжении человека остаются внутренние источники силы и мудрости, которые сильнее Королевской семерки, и единственные два условия, которые должны быть выполнены, чтобы открыть эти источники, суть низкий внутренний ритм и чистота помыслов.

***

Защиту человека обеспечивает ведущий его эгрегор, и нужно привыкнуть ему доверять (недоверие означает передачу программ защиты низшему из всех эгрегоров — эгоистическому, когда человек может рассчитывать только на свои зубы и кулаки). Чем выше эгрегор, тем больше он требует от человека внимания и тем более широкую и косвенную защиту дает. Сложности, хаос и всевозможные неприятности возникают у человека, пытающегося служить сразу нескольким эгрегорам, особенно при выраженном желании урвать всюду кусок пожирнее. У разных эгрегоров разная этика, разные системы знаков предостерегающих, указывающих и поощряющих, и человеку нелегко с этим разобраться; внутри у него царит хаос, а во внешней жизни — полная неразбериха, точка сборки блуждает самым непредсказуемым образом, и человек практически не отслеживает ее движения, т.е. не в состоянии сказать, в какой момент какому эгрегору он служит. В этом случае он живет, полностью подчиняясь танцу своей тонкой семерки, которая сама выясняет отношения внутри себя, оформляет несколько (один-два, реже три) типичных сюжетов, которые все время прокручивает снова и снова.

На более высоком уровне человек как-то осознает необходимость работы над собой и отчасти укрощает и цивилизует свою тонкую семерку; теперь он живет в приятном (эстетически) соответствии внутреннего и внешнего мира: величина его тонких фигур определяется энергетикой соответствующих программ его подсознания и есть, таким образом, прямой способ управления ими — ослаблением (например, понижением внутренней значимости) этих программ, что сразу сказывается и на уровне безопасности.

Однако с повышением уровня служения возникает поначалу неконтролируемый человеком рост тонкой семерки: включается их прямая инвольтация Королевской семеркой, и сократить эти прямые каналы путем непосредственной работы над собой человек не в состоянии — это может сделать только ведущий его высокий эгрегор, но такое вмешательство еще нужно заслужить: это достигается, главным образом, смиренным служением, что означает стабильное утверждение точки сборки в соответствующем Ему положении. Здесь важно то, что при высоком служении тонкая семерка всегда получает сильную инвольтацию Королевской, и только прямое вмешательство высокого эгрегора, непосредственно противодействующего этой инвольтации, держит тонкие фигуры, в основном, в безопасных для человека размерах. Но как только человек соскальзывает с позиции высокого служения, (даже не в действиях или помыслах, а хотя бы в способе видения мира или уровне внутренней стабильности), защищающее действие высокого эгрегора кончается, и тонкая семерка резко возрастает в величине, и никакой более низкий эгрегор, а тем более сам человек уже не в состоянии ее укротить: нужно срочно возвращать точку сборки обратно, или человек оказывается в бушующем море много превосходящих его по силе низких энергий.

В заключение этой главы автор выделяет некоторые центральные положения.

Уровень осмысления жизни и ее безопасности определяет основной, ведущий человека эгрегор; этот уровень тем ниже, чем меньше человек его слушает и ему доверяет, и ниже всего у человека, мечущегося между несколькими эгрегорами, не согласовав с ними своего служения.

Локальный уровень безопасности определяется видом тонкой семерки: чем она сильнее и некультурнее, тем более грубые дисгармоничности ждут человека в его жизни. Таким образом, тонкая семерка может рассматриваться не только как самый внешний круг личности человека, но и как самый близкий к человеку круг внешней среды, проводящей ее агрессию. Тонкая семерка это воплощение в тонком мире основных низших программ подсознания, и эти фигуры всегда делают вид, что они лучшие друзья человека, но реально они потенциальные предатели и актуальные вампиры, через которых идут основные враждебные человеку воздействия внешней среды. Эти фигуры — знаки (как для человека, так и для окружающего его тонкого мира), указывающие на характер низших трансляций, которые могут идти от человека в мир и обратно.

***

Глава 3

Обучение и социальная этика,

или

Что такое воспитанный человек

Получив приглашение от эгрегора, человек поступает к нему на служение, первой фазой которого является интенсивное обучение. Цель этого обучения заключается в том, чтобы человек смог отчетливо для себя очертить область положений точки сборки, соответствующих данному эгрегору, и мог устойчиво удерживать точку сборки в любом месте этой области. Это определение, однако, сильно отличается от обычных представлений о процессе обучения, предусматривающем в качестве основных элементов обучения приобретение *знаний* и *навыков*, или *умений*, и автор попытается дать перевод с языка этого трактата на общепринятый.

Навык, или умение, есть не что иное как способность человека установить точку сборки в определенное положение, обеспечивающее устойчивую связь с эгрегором, с широким каналом связи, пропускающим сильный информационно-энергетический поток; тогда рукой (и мыслью) человека водит соответствующий эгрегор, и обычно это называется высоким уровнем или профессионализмом — плотника или поэта, в зависимости от уровня вибраций энергетического потока. Любой хороший работник, умелец или специалист отлично знает, что когда он делает «сам», т.е. полностью контролируя происходящее своим сознанием и низшей волей, получается плохо; а по-хорошему нужно (каждому в своем роде) вдохновение, т.е. устойчивый поток из соответствующего эгрегора, и притом не из самой низкой его части, иначе идет штамповка, и художник превращается в ремесленника.

Итак, «умение» есть не что иное как способность человека фиксировать точку сборки в определенном положении устойчивой связи с эгрегором; что же в таком случае есть «знание»? Знание это способность идентифицировать определенную точку сборки или, более общим образом, способность подробного видения области положений точки сборки, соответствующей данному эгрегору. Таким образом, подключение к эгрегору идет в два этапа: сначала человек, пользуясь своими знаниями, рассматривает карту области положений точки сборки и выбирает подходящую точку на этой карте, а затем сосредотачивается на этой точке и подключается к соответствующему ей каналу связи с эгрегором, становясь проводником и редактором его воли и энергии, или, наоборот, прибором его удаленного видения.

Однако в начале процесса обучения у человека нет ни знаний, ни умения; другими словами, вместо карты области у него большое белое пятно, представленное смутным контуром, и в его пределах настройка на эгрегор очень несовершенна и дает лишь общее туманное ощущение: ни его этика, ни эстетика, ни роль в собственной жизни человеку пока непонятны.

Если человек неправильно учится или в принципе неспособен к обучению у эгрегора, то он так и не овладевает искусством сознательного управления точкой сборки, и ее движением за него управляет сам эгрегор (и низшие программы подсознания человека). Вообще говоря, фактическое движение точки сборки есть результат совместного воздействия на нее эгрегора, сознания и подсознания человека, и его культура выражается в умении согласовывать эти три влияния так, что они не противоречат друг другу, а, наоборот, вместе уточняют движение точки сборки. Однако это трудно, и часто человек в состоянии произвести подобное согласование, лишь отключая одно из указанных влияний. Если эгрегор перестает влиять на положение точки сборки, то из человека получается так называемый любитель — человек, включающийся в эгрегор «для собственного удовольствия» и очень поверхностно, нисколько не озабоченный судьбой эгрегора и потребностями *его* самовыражения. Если в движении точки сборки не принимает участие подсознание, то возникает тяжелая работа в искусственном режиме — человек не доверяет самому себе и способен лишь на кратковременные сеансы связи с эгрегором, отнимающие все его силы, потому что нормально устойчивое поддержание точки сборки в определенном положении — забота подсознания. И, наконец, весьма распространенный среди творческих людей вариант — в движении

точки сборки участвует лишь эгрегор и подсознание (т.к. включение сознания тут же сбивает ее положение и нарушает связь с эгрегором) — и человек мучительно ждет часов вдохновения, не будучи в силах никак повлиять на связь с эгрегором.

Однако умение тактично согласовывать волю эгрегоров с желаниями подсознания приходит далеко не сразу; для этого человеку нужно довольно тщательно изучить как эгрегор, так и подсознание и, кроме того, построить подробную карту области положений точки сборки, соответствующей эгрегору. При этом нужно учитывать, что карта эта — живая, т.е. ее символы и условные обозначения суть не что иное как имена каналов связи с эгрегором, так что само построение карты есть фактически создание широкого канала связи с эгрегором, точнее, системы таких каналов, открывающихся при соответствующем положении точки сборки. К сожалению, обучение в наше время часто бывает иллюзорным, и тогда карта, образующаяся у ученика, оказывается мертвой, т.е. ее символы не открывают каналов связи с эгрегором: другими словами, этот человек все как бы знает, но ничего не умеет, и те слова, что у человека обученного служат мантрами (заклинаниями), реально устанавливающими точку сборки в нужном месте и открывающими необходимый канал в эгрегор, оказываются у иллюзорно обученного ничего не значащими пустышками, годными лишь для получения столь же фальшивого диплома.

Итак, знание есть умение: карта области положений точки сборки должна быть живой (синоним: волшебной) и раскрываться (оборачиваться) в любом своем месте определенным информационно-энергетическим каналом в эгрегор. Поэтому символы карты должны выбираться человеком, с одной стороны, как достаточно энергичные для того, чтобы действительно открыть канал в эгрегор, а с другой — приемлемым для подсознания образом, т.е. так, чтобы быть там заметными, но не вопиющими знаками, что-нибудь вроде скромного, но видимого румянца на щеках девушки.

Существуют различные типы и схемы обучения, с большим и меньшим участием сознания, с конкретными учителями и без них («Меня учила сама жизнь!» — с гордостью скажет иной балбес, сроду не видавший ничего, кроме собственной тонкой семерки), с погружением или в фоновом режиме, но говорить про эффективность той или иной схемы следует с очень большой осторожностью, поскольку любое обучение — очень острый для тонкого мира процесс, и на него человек всегда должен иметь санкцию достаточно высокого эгрегора, причем полученное разрешение также предусмат-

ривает и глубину постижения предмета, так что попытки человека освоить его быстрее и глубже определенных ведущим эгрегором пределов наверняка потерпят неудачу, которая на самом деле никак не будет связана с неудачным выбором формы обучения или якобы низкими способностями ученика. Чем выше эгрегор, которому служит человек, тем точнее он определяет не только предметы обучения человека, но и формы этого обучения, и здесь, конечно, лучшая стратегия это постоянное внимание к этому эгрегору. Тем не менее, объективно серьезное обучение всегда очень энергоемко и, кроме того, время от времени человек обязательно оказывается в ситуации обучения погружением, когда обстоятельства его жизни складываются так, что в течение достаточно длительного времени точка сборки постоянно находится в области, соответствующей обучающему эгрегору, т.е. фактически человек (в этот период) служит ему, и, следовательно, должен освоить его этику, иногда сильно отличающуюся от всех известных человеку ранее. Это типичная ситуация, и можно, более того, сказать, что если человек в процессе обучения не постиг этику обучающего эгрегора, фактически обучения не произошло. В тонком мире свободного обмена денег (энергии) нет, и товар любого эгрегора можно приобрести только на соответствующую ему валюту; к счастью, человек обладает способностью трансформировать одни виды энергии в другие, благодаря чему может служить промежуточным звеном при взаимодействии разных эгрегоров, иногда даже очень больших.

«Венцу творения» не стоит обольщаться: санкцию на обучение в том или ином эгрегоре ведущий человека эгрегор дает не с целью его (человека) дальнейшего и всестороннего развития, а потому, что сам заинтересован в контактах с другим эгрегором, и необходимая человеку инвольтация на обучение продолжается ровно до тех пор, пока информация (и энергия), идущая через него в ведущий эгрегор, интересна для последнего. Но в то же время провести свое обучение на запланированном ведущим эгрегором уровне и размере (особенно для человека не совсем низкого служения) — интересная и очень непростая задача, поскольку известные силы стремятся оборвать любые конструктивные контакты между эгрегорами и воспрепятствовать их взаимопониманию и согласованию; понятно, что основной удар Гагтунгра приходится на самое слабое звено в этой цепочке, т.е. на человека, и бороться последний будет с противодействием обучению уже знакомых читателю тонких фигур, которые оказываются

чрезвычайно заинтересованными в процессе обучения, хотя, конечно, каждая на свой манер.

***

Перед тем как приниматься за описание конкретных сатанинских козней и происков, препятствующих обучению человека, автор имеет намерение сказать несколько слов об основных опасностях, стоящих на пути обучаемого. Дело в том, что обычное мнение, что особых опасностей на пути обучения нет, и что все в конечном счете определяется добросовестностью учащегося, ну и, в некоторой степени, его учителей, является сильным заблуждением. Опасностей и возможностей отклонения от правильного пути обучения — огромное количество, и многие из них ведут в конечном счете к пагубным последствиям, таким, что, озирая много позже свою жизнь, человек искренне (и с большим основанием) восклицает: «И зачем только я все это затеял, сидел бы лучше на месте!» Ну, для того чтобы «сидеть на месте», тоже нужна санкция высокого эгрегора, но то, что ошибки обучения имеют самые серьезные кармические последствия, несомненно. Это связано с тем, что программы обучения, особенно инвольтируемые высокими эгрегорами, как правило, длительны и идут на сильных энергетических потоках, а потому в целом очень ответственны, и если человек по ходу обучения отклоняется от пути, намеченного его кармическим или другим высоким эгрегором, то он оказывается под влиянием (и, разумеется, в обучении)тех сил, которые соблазнили его отклониться от основного пути, и власть этих сил над ним в результате длительного им служения и обучения оказывается очень большой. Освободиться от них, при всем желании человека, будет нелегко: здесь работает всеобщий закон выкупа, аналогичный принудительному распределению на известный срок на работу после окончания учебного заведения: эгрегор как бы говорит человеку: «Я тебя учил, силы тратил — а теперь уж и ты поработай на меня, пока должок не вернешь.»

Итак: если нет санкции ведущего эгрегора и соответствующей ей инвольтации, то никакое обучение невозможно; если же санкция и инвольтация имеются, то у человека окажутся способности к обучению, но использовать ему их лучше не столько по своему выбору, сколько ориентируясь на волю пославшего его учиться эгрегора... читатель, конечно, понимает, что совместить одно с другим трудно, а когда к тому же оживляется и тонкая семерка, то шансов по-видимости и вовсе не остается. Это не совсем так; однако нужно признать, что действительно обучение — одна из труднейших задач челове-

ка, и недаром у многих людей отрочество и юность, пора наиболее интенсивной учебы, становиться несчастнейшим временем, о котором они всю последующую жизнь вспоминают с содроганием. Последнее, впрочем, связано не столько с объективными трудностями учебы, сколько с варварски-дикой системой обучения, сформировавшейся повсеместно в современном автору мире.

Интенсивное обучение требует больших энергетических затрат; фактически овладение новой областью положений точки сборки делает человека другим: в нем появляется дополнительная новая система настройки на обучавший его эгрегор, нечто вроде радиоприемника-передатчика, способного воспринимать и транслировать в обе стороны информационно-энергетический поток: от эгрегора к человеку, а от него во внешний мир и обратно. Однако создание такой системы настройки — очень непростое дело. Технически оно осуществляется так: из эгрегора опускается широкая труба, полностью накрывающая человека (его тонкое тело); из этой трубы постепенно протягиваются внутрь тела тонкие трубочки, которые, переплетаясь друг с другом, проникают все глубже и глубже, пока не образуют переплетающуюся сеть, занимающую по объему все тело человека. Через эту сеть в течение некоторого времени идут прямые трансляции обучающего эгрегора, непосредственно воспринимаемые человеком (он в это время ощущает себя эмоционально и ментально в полном рабстве у обучающего эгрегора, т.е. не может ни думать, ни говорить ни о чем, кроме изучаемого предмета), и по тонкому механизму, похожему на явление намагничивания, в теле возникает описываемый раньше приемник-передатчик, обеспечивающий в любой нужный момент связь с эгрегором как по прямому каналу (типа описанной выше трубы, которая, однако, требует для своего создания особых условий и больших энергетических затрат). После того как приемник образован, сеть трубочек в теле постепенно растворяется, большая труба поднимается обратно в эгрегор и обучение как таковое заканчивается, но оперативная связь человека с эгрегором теперь возможна в любой момент времени и происходит практически незаметно для низких эгрегоров (понятно, что толстая труба с мощной энергетикой отлично видна всему тонкому миру и вызывает в некоторых его словах приятное вампирическое оживление).

***

В целом действия Гагтунгра, когда он подключается к процессу обучения человека, идут по двум линиям, отчасти

противоречащим одна другой, но это его нисколько не смущает. Первая линия заключается в том, чтобы всячески воспрепятствовать процессу обучения, вторая — в том, чтобы человек все же выучился, но сатанинской науке. Как это делается? В принципе локальной целью процесса обучения является установление в определенном месте и удержание там в течение определенного времени точки сборки ученика. Тогда это положение (соответствующее место на карте области) может быть снабжено определенным флажком, т.е. символом, открывающим соответствующий канал в эгрегор, и теперь он открывается по его желанию. («По щучьему велению, по моему хотению» — щука, очевидно, символизирует высокий эгрегор, а само заклинание и есть тот самый флажок-символ, открывающий труднодоступный канал, совершающий исполнение желаний хорошо обученного Емели). Так вот, Гагтунгр пытается вмешаться буквально во все элементы процесса обучения. Обучающий эгрегор и ученик вместе стараются установить точку сборки ученика в нужное положение — а он мешает (по-разному) им обоим, и сверх того, старается разрушить контакт между ними и взаимопонимание. Любимый его трюк — подмена символа канала, введение неправильного обозначения на карте, когда ученик, думая, что открывает связь одним каналом, фактически взаимодействует совсем с другим, и часто ошибка открывается очень нескоро. Кроме того, во всех ситуациях Гагтунгр выступает в роли вампира (подсасываясь где только возможно), профанатора и баламута... читатель, несомненно, уже видит знакомые ему лица.

Чем выше уровень служения человека, тем труднее ему учиться — и не только потому, что внимание Гагтунгра к нему резко повышено, но и по той причине, что высокий эгрегор интересуется очень своеобразными, часто просто непостижимыми для человека понятиями, и потому обучение носит всегда очевидно символический характер: по виду человек учится чему-то материальному, но на самом деле (он это постоянно чувствует) чему-то совсем другому, плохо понятно, чему, но именно это плохо понятное и представляет основной интерес для ведущего его высокого эгрегора, и было бы большой ошибкой со стороны человека сводить цели своего обучения к их социальным проекциям (т.е. к тому, как они видятся с социально-материальной точки зрения). Реально высокий эгрегор учит человека такой фиксации точки сборки, при которой он пропускает через себя и делает видимыми эгрегору очень высокие энергии, содержание которых человек чаще

всего не регистрирует сознанием, по крайней мере, в деталях, да это от него и не требуется: эгрегор, расшифровав содержание такого потока, выдает человеку необходимую для него информацию в доступных ему форме и темпе.

Что же касается препятствий со стороны планетарного демона, то они, как всегда, возрастают вместе с уровнем обучения: если вначале человеку приходится бороться со своими личными недостатками: ленью, несобранностью, непоследовательностью и т.д., то по мере повышения уровня обучения включается инвольтация Королевской семерки, и на него обрушиваются общесоциальные серость, гордыня, самообман, преодолеть которые можно лишь имея инвольтацию, превосходящую суммарную энергию зла социума, и фактически такое об учение идет как обучение за все общество, так что впоследствии люди усваивают соответствующий материал (положение точки сборки) с удивительной легкостью, как будто всегда знали, а сейчас только вспоминают. Великий художник показывает человечеству новый способ видения мира, а человечество говорит: «Да, точно, мир именно таков, удивительно, как это мы раньше не замечали». В самом деле удивительно не то, что раньше не замечали, а то, что заметили сейчас…

Теперь мы переходим к характерным препятствиям обучения, вызываемым тонкой семеркой. Читатель, конечно, понимает, что описания, данные ниже, неполны, а главное, не учитывают многочисленных личных отношений и излюбленных сюжетов любой конкретной тонкой семерки — в них следует разобраться в каждом конкретном случае особо, и в этом (в частности), состоит задача учителя по отношению к конкретному ученику; данный же текст представляет собой в лучшем случае методическое пособие.

Дракон.

Как и остальные члены тонкой семерки, *дракон* ведет себя по-разному в зависимости от плотности потока обучения: слабый поток он чаще всего пытается оборвать, сильный — переключить на себя. В первом случае речи *дракона* могут быть, например, таковы: «Да я и так отлично все знаю; ученого учить — только портить; вот еще — заниматься всякими глупостями — неужто есть на свете кто-то ученей меня?» Сильного *дракона* часто выращивает, как защитную меру, комплекс неполноценности человека, и тогда обучение воспринимается человеком как унижение, т.е. поставить себя в позицию обучаемого значит признать другого (учителя) вы-

ше себя. Более того, *дракон* воспринимает как вызов своему достоинству любые положения точки сборки, соответствующие восприятию внешнего мира, идущему помимо него (отрицает любое восприятие, отличное от восхищения и похвал). Если поток обучения все же включается, *дракон* будет стараться переключить его на себя (попросту говоря, норовит его съесть), смещая точку сборки в позицию снисходительного внимания, которое заведомо предполагает, что ничего принципиально нового и содержательного обучающий эгрегор (а тем более учитель) сказать не может — может быть, так, развлечет немного.

Вообще *дракон* — один из самых опасных врагов обучения, поскольку любое его вмешательство исключает правильное положение точки сборки; и чем выше его уровень служения и, соответственно, обучения, тем более опасным врагом его он становится. Это связано с тем, что при слабой энергетике и низком служении человека обучение для него — естественное и адекватно социально обставляемое занятие, с четким иерархическим распределением ролей — маленький и слабый, подчиняясь, учится у большого и сильного; при этом предмет обучения достаточно ясен: конкретные знания и навыки. Однако чем выше уровень служения и обучения, тем менее акцентированными и более двусмысленными становятся ситуации обучения; вообще, может ли сильный учиться у слабого (спрашивает *дракон*)? На высоком уровне человек учится совершенно добровольно, с большим трудом отыскивая учебные для себя моменты, в которых обучение идет чисто символически, крайне ненавязчиво и непрямолинейно; высокий обучающий эгрегор изредка расставляет свои знаки, как бы приглашая человека смотреть на них и, разгадывая их значение, учиться — а невнимательный и ленивый ученик, привыкший к палке и недвусмысленным указаниям, а при случае и легким зуботычинам, пройдет мимо этих знаков, громко стеная: «О, как мне нужен учитель! Где мне найти учителя!» И, конечно, при встрече такого ученика с потенциальным учителем первым вперед выходит *дракон* ученика и критически осматривает *дракона* учителя: достаточно ли последний велик и красив, чтобы ему подчиниться и за это получить инвольтацию, а потом и самому вырасти еще больше и краше?... Что же, бывают и такие, тоже достаточно распространенные отношения при учебе, но здесь ведущая инвольтация обучения принадлежит Гистургу. Однако, оставляя такие повороты темы, как гордость выученным куском материала, читателю, автор плавно переходит к следующей тонкой фигуре и ее роли в процессе обучения.

Свинья.

Проницательно чувствуя, что человеку предстоит неприятное напряжение сил, *свинья* акцентирует в нем лень и пассивность, переводя точку сборки в особое состояние, блокирующее как внешнее восприятие, так и трансляцию энергии вовне, а также внутреннюю жизнь. Особенно влиятельна *свинья* как защитная фигура, при сильных перегрузках: каждый человек, который учился в состоянии переутомления, знает, что в этой ситуации противопоставить ей что-либо практически невозможно; обычно с такой целью употребляется *черный*, который наносит *свинье* страшные удары, но она, вся в ссадинах и кровоподтеках, все равно упорствует и учиться как следует не дает. Она мешает человеку установить правильное положение точки сборки, поскольку это трудно (нужен высокий уровень концентрации внимания на учебном материале). Иногда обучающий эгрегор (вариант слишком заботливого учителя) сам берет на себя функцию точной фиксации точки сборки ученика — тогда *свинья* сразу умолкает, и обучение короткое время идет по видимости эффективно, но на самом деле является иллюзорным: соответствующие знаки на карте области положений точки сборки оказываются мертвыми, т.е. не открывают человеку канал в эгрегор, поскольку сам он не в состоянии удержать необходимый уровень концентрации внимания, чтобы точка сборки оказалась в соответствующем мертвому знаку положении — в данном случае мешает *свинья*, которую человек сам не в силах отогнать. В принципе, обучающий эгрегор включает свой поток, переводящий точку сборки ученика в некоторую широкую область (обучения), после чего ученик дополнительно сам настраивается на обучение, включая собственную энергетику (личную и ведущего эгрегора) и существенно уточняя конкретное положение точки сборки — так достигается согласование интересов и этики ведущего и обучающего эгрегоров, а у ученика на карте области появляется, в скрещении сильных энергетических потоков ведущего и обучающего эгрегоров, живой знак-символ, способный впоследствии открыть соответствующий канал.

Когда поток обучения становится плотным и устойчивым, и по-видимости не требует от человека особых усилий, *свинья* совершенно перестраивается и пытается замкнуть его на себя; возникает ситуация профанированного обучения, хорошо известная всем духовным учителям. Здесь сложность заключается в том, что по разным причинам поток обучения неоднороден (в нем есть более и менее высокие энергии) и

ученик, не будучи в силах воспринять его весь, настраивает свое восприятие (т.е. фиксирует точку сборки) на определенные частоты; понятно, что *свинья* принимает заинтересованное участие в процессе выбора, ориентируясь на наиболее легко перевариваемые и доступные низшие вибрации, игнорируя остальные легким недовольным бурчанием: «Ну, это уж пусть большие люди об этом думают, ученые да философы всякие, а нам глубоко копать ни к чему... как-нибудь и так проживем, попросту, как деды наши жили».

На высоком уровне обучение становится для человека жизненно необходимым, и здесь не столько поведение *свиньи* становится тоньше — этого как раз не происходит — сколько она превращается в тонкого ценителя и гурмана, для которого съедобно и аппетитно то, что для более низкоразвитого человека представляет труднейший предмет изучения. Так специалист-философ читает журнал «Вопросы философии».

Торопыжка.

Эта фигура чрезвычайно заинтересована в процессе обучения, поскольку сверхзадача *торопыжки* — постоянное изменение точки сборки человека, и потому освоение новой области ее возможных положений моментально привлекает его прыгающее внимание. — «Ура, учимся! — кричит он, радостно врываясь в учебный кабинет. — Ребята, чего я знаю!» — далее следует серия анекдотов на политико-сексуальные темы, которые с интересом слушают все обучающиеся вместе с преподавателем. («Вы тут сидите и ничего не знаете! — радостно объявляет своим родителям первоклассник, возвратившись из школы 1 сентября, — вы думаете, это называется пиписька, а на самом деле это...»)

Идеал *торопыжки* — побывать везде, но нигде не задержаться больше, чем на одну минуту, отведать все медитации, но не углубиться ни в одну. При попытке человека сосредоточиться им внезапно овладевает особая острая активная скука, некоторый зуд, который буквально требует переключения внимания, как будто кто-то говорит: «Ну, поучились и хватит, теперь пора сменить занятие, поучить что-нибудь еще, или проверить свои знания на опыте или на других». И человек начинает с жаром обучать других тому, что сам еще очень плохо себе представляет и чем вовсе не владеет. У *торопыжки* есть на эту тему теоретическое положение, согласно которому понять что-либо можно лишь объяснив это другим, понимающим его еще хуже.

Идеал *торопыжки* — причастность ко всему, но не включенность ни во что; если его не контролировать, в результате обучения у человека оказывается мертвая (иногда довольно подробная) карта области со множеством значков, которые не являются ключами к каналам в обучающий эгрегор; другими словами, человек много знает о данном предмете, но совершенно им не владеет.

Торопыжка не дает человеку погрузиться в обучение, и не только потому, что постоянно сбивает ему положение точки сборки. Важнейшим условием обучения является восприятие этики обучающего эгрегора и служение ему в той мере, в которой он этого от человека требует, причем то и другое для человека ново, плохо понятно и требует большой концентрации и устойчивости положения точки сборки в непривычном положении, что трудно и само по себе, а тем более при вмешательстве *торопыжки*. В то же время искреннее и адекватное (т.е. соответствующее *его* воле) служение обучающему эгрегору — основное условие успеха обучения: в этот монастырь со своим уставом не войдешь, просто пролетишь мимо. Этим *обучение* в эгрегоре отличается от *работы* в нем уже обученного человека: во втором случае точка сборки человека состоит совершенно в другом месте, и этика эгрегора для него уже не столь обязательна (см. гл. 6).

Чем выше уровень обучения, тем скромнее должен быть *торопыжка*, поскольку, соответственно, повышаются требования к внутреннему спокойствию человека. Быстрый внутренний ритм закрывает видение ведущего высокого эгрегора, и он прекращает свою инвольтацию на обучение — человеку делается скучно, и он часто плохо понимает, почему, наивно полагая, что дело во внешних обстоятельствах. С другой стороны, при внутреннем низком ритме и высоком уровне обучения скучает *торопыжка*, и человеку может порой показаться, что вообще ничего не происходит — и с социальной точки зрения зачастую так и есть.

Желтый.

Его действия многообразны, но главная цель все та же — не дать человеку установить точку сборки в нужном месте и обозначить это положение адекватным знаком.

Распространеннейший прием *желтого* — спекуляция на расхождении языков ведущего и обучающего эгрегоров и злоупотребление многозначностью символов. *Желтый* смещает точку сборки совсем немного, и человеку кажется, что он вроде бы все понимает… и лишь постепенно выясняется, что

понял он не совсем так, а вернее, совсем не так, а уж если говорить честно, то совсем ничего не понял. *Желтый* часто выступает в защитной роли: встать на другую точку зрения, да еще плохо понятную (т.е. сместить точку сборки в неисследованную область) трудно и рискованно, лучше уж оставаться на своих позициях и воспринимать происходящее с них, адаптируя поступающую энергию и информацию, насколько это возможно, и игнорируя трещины и рассогласования там, где они возникают. В результате этого подхода получается такой результат обучения, что преподавателю иногда хочется сказать ученику: «И лучше бы ты совсем не учился». Сильный *желтый* дает человеку возможность учиться, оставаясь полностью на своих исходных позициях, т.е. вовсе не сдвигая точку сборки. Результат в таких случаях бывает чудовищным с любой точки зрения, но в эпохи царствования Желтого Короля именно такие ученики выбиваются в первые.

Желтый может сильно исказить обучающий поток и фигуру учителя, которого человек станет подозревать в обмане с различными целями, аналогично тому как сильный *дракон* часто создает у человека впечатление, что учитель самоутверждается за его счет — а в выраженных случаях действительно посылает такого учителя. В свою очередь, в глазах учителя ученик с сильным *желтым* — потенциальный обманщик, от которого можно ожидать любой лжи и которому нужно по десять раз все втолковывать, но все равно он поймет все совершенно превратно.

Есть у *желтого* и теоретическое обоснование. «Всякое понимание есть непонимание», — сказал известный филолог Вильгельм фон Гумбольдт; «Другого разве ты поймешь — мысль изреченная есть ложь», — утверждал не менее известный поэт XIX века Федор Тютчев. Однако то, что извинительно в устах поэта, не подобает ученому, тем более материалистической эпохи. Любое несоответствие положений точек сборки ведет к некоторому взаимопониманию людей, но это иногда вовсе не мешает идущему через них контакту эгрегоров, качество которого и является критерием правильности человеческого взаимопонимания.

На высоком уровне обучения точку сборки нужно фиксировать с высокой точностью, и здесь наводки *желтого* должны быть минимальными. Если он все же незаметно обманывает человека, возможно возникновение карты с фальшивыми знаками: человек думает, что они открывают каналы в один эгрегор, а реально он оказывается совсем другим. Вообще честность в обучении — палка о двух концах, и трудности здесь принципиальные — высокие материи нельзя объяснить чело-

веку, пока он сущностно не переменится так, что будет способен их воспринять, а до того у него может быть о них лишь общее, и, конечно, неадекватное представление на уровне более или менее подходящих сравнений и метафор. Тем не менее, обучение не может идти строго последовательно, человек нуждается в заглядывании далеко вперед, и тогда бывает неизбежно введен в обман; однако и здесь учитель может быть относительно честным, а может заниматься различными спекуляциями, инвольтируя *желтого* — своего и ученика.

Черный.

С точки зрения *черного*, знание подобно сардинке в консервной банке — банку следует вскрыть, а рыбку съесть; основным инструментом обучения, таким образом, выступает консервный нож. Отношение *черного* к естественному ходу процесса обучения, когда человек раскрывается навстречу учителю и обучающему эгрегору, обычно резко отрицательное, т.к. он воспринимает его как угрозу и насилие. — Мало ли чему тебя там научат, — хмуро говорит он хозяину, — да и пнуть при случае запросто могут — ведь ты фактически беззащитен. Здесь *черный*, безусловно, прав: настоящее обучение всегда таит в себе потенциальную опасность, и внутренняя перестройка, ему сопутствующая, может оказаться очень болезненной, но, тем не менее, необходимой.

Но, конечно, *черный* не мыслит в терминах необходимости, а тем более, высшей, и потому вполне может броситься на обидчика (учителя) с кулаками. Это вполне распространенное, скорее даже типичное его поведение в период его обучения. Поэтому типичной, можно сказать, освященной веками фигурой для учителя является огромный *черный*, способный справиться со всеми *черными* учеников одновременно. Например, в цивилизованной Англии, этой цитадели и оплоте мировой культуры, до сих пор, по сведениям автора, не отменены телесные наказания школьников.

Тем не менее, попытки силой загнать точку сборки ученика в необходимое положение обречены на провал: здесь требуется добровольное сотрудничество, т.е. человек должен сам уговорить своего *черного* отойти в сторону и не мешать (и уж точно не помогать): обучение, это, если можно так выразиться, женское, а не мужское занятие, где нужно настраиваться и воспринимать, а не настраивать и управлять. Если *черный* учитель много сильнее *черного* ученика, то ученик, безусловно, учится, но совсем не официально обозначенному предмету, а искусству обороны в условиях превосходящего

противника; обычно в помощь несправляющемуся *черному* отправляются *желтый* и *змей*, и начинается окопная война, то, что М. Горький назвал «Мои университеты», познание жизни низших слоев тонкого мира и их разнообразных материализаций (читатель может, с большой пользой для себя, почитать в высшей степени экзистенциальное произведение пролетарского писателя «На дне» и проследить игру тонких семерок действующих лиц).

Чем выше уровень обучения, тем менее допустимо вмешательство *черного* и вообще низшей энергии любого рода, направленной от человека в обучающий эгрегор: высокий эгрегор учит тогда, тому и так, как считает необходимым, и единственное, что в этой ситуации требуется от человека, это внимание и низкий внутренний ритм: любые сильные эмоции и энергичные мыслительные процессы являются здесь отчетливыми препятствиями — человек должен научиться переживать и думать *до* или *после* сеанса высокого обучения, но не во время этого сеанса. Поэтому чем выше энергетика человека, тем сильнее его *черный* по сравнению с *черными* окружающих, тем труднее ему получать действенные уроки; с другой стороны, чем выше уровень человека, тем чаще в его жизни возникают высокие учебные ситуации, тем они для него существеннее — и тоньше; внутренний голос связи с высшим кармическим эгрегором звучит почти постоянно, во внешнем мире то и дело встречаются звучащие символы, мир кажется единым и связанным в такой степени, что трудно вздохнуть так, чтобы не потревожить на яйцах антарктического пингвина — и тем не менее индивидуальная драхма (локальная этика) такова, что сидеть на месте нельзя, нужно держать равновесие, стоя на спине скакуна, несущегося по горным тропам.

Змей.

Змей всегда чрезвычайно интересуется процессом обучения; можно смело утверждать, что он считает его своей епархией, а себя — отцом игуменом. Первый прием, который *змей* совершенно обожает, это самовыражение на энергии обучающего потока; при этом точка сборки сдвигается так, что от поступающей информации берется лишь ее развлекательная часть (остальное игнорируется), после чего разыгрывается этюд «я (т.е. *змей*) в обучении», наподобие классической темы мемуаров стареющих любимцев публики: «Моя жизнь в искусстве». Позицию *змея* в таком случае можно описать примерно так: «Чего учиться, и так все ясно; а лучше попробую-ка я изобразить то, о чем так занудно талдычит этот

пустой мешок, в лицах!» И *змей* тут же изображает: дерюжный мешок с рукавами — учителя истории, затем Александра Македонского, его коня Буцефала (женского полу), любимую гетеру Таис... словом, ничего не останется без внимания, а в конце возникнет некоторое недоумение по поводу самого предмета изучения: зачем, собственно говоря, нужен?

Вообще идея самовыражения человека, особенно художника, на постороннем материале (историческом или другом), безусловно, принадлежит *змею*, но человечество к этой сатанинской идее относится более чем терпимо, хотя напрасно: искажение любой реальности путем наложения на нее своего низшего «я» всегда омрачает тонкий мир, особенно будучи растиражировано во многих экземплярах. Исторические, как и производственные, а также «этнографические» романы (из жизни заключенных) ставят, и очень остро, перед писателем следующую дилемму: или подключаться к соответствующему эгрегору, тщательно его изучать и становиться проводником его воли, или, наоборот, тщательно от него заблокироваться и искусственно создать свой фальшивый двойник этого эгрегора, наполнив его своими фантазиями об истинном или «должном» положении вещей; понятно, кто является главным исполнителем при выборе автором второго пути, и чей хвост неожиданно, но явственно проступает в самых патетических местах произведения.

Другой любимый прием *змея* при обучении это передергивание, намеренное изменение акцентов так, что смысл потока обучения полностью искажается; при этом точка сборки смещается вроде бы не сильно, но вполне достаточно для того, чтобы прервать связь с обучающим эгрегором (он заменяется совсем другим, из ведомства Урпарпа). Здесь распространено (в зависимости от характера учебного материала) как ментальное, так и эмоциональное передергивание: человек еще плохо ощущает материал, и демагогия часто достигает цели; например, ставятся под сомнение или представляются полной нелепостью очевидные вещи; но при этом змей никогда не договаривает до конца, вплотную подводя человека ко вполне определенным выводам, но предоставляя последний шаг ему самому.

При обучении высшим материям *змей* часто принимает саркастическое выражение морды и тела, говоря что-нибудь в таком роде: «Все эти хохмы уже давно и хорошо известны, а впрочем, попробуем, может быть, это и есть та самая высокая духовность, которой удастся меня пронять, и я, пристыженный и уничтоженный, испущу последний шип и издохну в страшных мучениях», после чего все это изображается в нату-

ре. С другой стороны, обучение у высокого эгрегора требует от человека сдвига точки сборки в области «возвышенного восприятия мира, когда все знаки, в том числе и обыденно-сниженные (например, перемещение таракана по кухне) воспринимаются как кармические или духовные указания, причем интерпретация знака может быть очень далека от его прямого смысла, и *змей*, сколько у него достанет сил, постарается продемонстрировать человеку всю нелепость подобного толкования, как в принципе, так и в данном случае; и здесь привычка самозащитной самопрофанации, характерная для многих людей, может оказаться серьезным тормозом высокого обучения, фактически непреодолимым для него препятствием.

Серый.

С точки зрения *серого*, нет занятия более унылого, тягостного и в принципе безнадежного, нежели любое обучение. Во-первых, все и так давно и хорошо известно (позиция «сколько ни думай, лучше хлеба не выдумаешь»), а во-вторых, безнадежен в смысле любого обучения и сам человек: туп, уныл, бездарен и, очевидно, никогда не научится ничему, кроме того, что и так умеет, в частности, ничему хорошему.

Сверхзадача *серого* — подключиться к обучающему потоку и поглотить его целиком, и, окружив человека плотными серыми клубами, объявить в заключение: «Ну вот, я же говорил, какая скука это обучение и как ты к нему не способен». (В последней фразе звучит еле уловимое торжество — *серый*-таки хорошо поужинал обучающим потоком и заметно увеличился в размерах.) Если человек делает очевидные успехи в обучении, *серый* ему обязательно скажет: «Ну и что? Эти случайные квазиуспехи, во-первых, иллюзорны, а во-вторых, больше у тебя уже точно ничего не получится».

Особенно активным бывает *серый* в начале процесса обучения, а энергетическая связь с обучающим эгрегором слаба. Тогда *серый* в изобилии сеет сомнения: «А своим ли делом ты занимаешься? А кто сказал, что тебе нужно именно это? А уверен ли ты, что искомое тобой знание вообще существует? и т.д. Здесь нужно ясно различать два вида сомнений: сомнения человека знающего, т.е. подключенного к эгрегору и в пределах своей компетенции, и сомнения человека невежественного. Первый имеет право на сомнения: они наделены вполне определенным смыслом и основаны на хорошем знакомстве с предметом; критерием может служить способность человека в

случае необходимости за короткое время разрешить свои сомнения и высказать конкретное мнение. Совсем другой смысл имеют сомнения человека невежественного, т.е. не подключенного к эгрегору, когда первый высказывается о делах или обстоятельствах последнего, не имея к ним никакого отношения. Прежде всего, по законам тонкого мира это неэтично, т.к. является прямым несанкционированным вмешательством во внутренние дела эгрегора; именно, человек подключается как вампир к одному из его энергетических каналов и пытается, кроме того, поставить на нем заглушку, в результате чего в эгрегоре вокруг этого места начинает идти серый дым.

Аналогичное положение имеется и во внутреннем мире человека: как правило, интенсивное сомнение в себе и своих возможностях неэтично и вызывает сильное отравление в подсознании — недаром говорят о яде сомнения. Наиболее последовательная точка зрения заключается в том, что Бог создал человека таким, каким он является миру и себе и поставил в те условия (внешние и внутренние), в которых человек находится, а потому и сил, и способностей, и талантов, в том числе к самому трудному занятию — обучению, у него достаточно для того, чтобы выполнить задачи, поставленные перед ним Богом — на «троечку», т.е. удовлетворительно с Божественной точки зрения, ну, а если хочется получить более высокую отметку, нужно немножко постараться. Всякий другой взгляд (в том числе и позиция *серого*, который считает, что и человек и мир никуда не годятся) отдает атеизмом или прямым богоборчеством, и нужно отдавать себе в этом отчет (кстати говоря, библейский эпизод богоборчества Иакова наводит на мысль о сильной инвольтации его *серого* Серым королем, из единоборства с которым праотец вышел победителем).

При обучении у высокого эгрегора *серый* склонен разрывать планы, т.е. утверждать независимость высших и низших миров, а отсюда делать вывод о несущественности или фактическом не существовании высших. «И пусть даже там, наверху, ангелы так и порхают на своих крылышках — нам-то с тобой что до этого? И стоит ли сейчас заботиться о загробной жизни, которой, может, и вовсе нет?» Вообще надо сказать, что Серый Король очень удачно приспособил к своим нуждам как христианскую концепцию загробной жизни, так и индуистское представление о переселении душ. «А куда торопиться, успеется и в следующем воплощении,» — противопоставить что-либо такому тезису Серого Короля, оставаясь на уровне обыденного сознания, очень трудно.

***

Мы переходим ко второй теме этой главы — социальной этике. Вообще она обсуждается на протяжении всего трактата, и здесь автор затрагивает лишь некоторые ее аспекты, которые, однако, непосредственно связаны с темами обучения и восприятия.

Общение людей это всегда взаимодействие ведущих их эгрегоров, которое может осуществляться по-разному, но всегда связано со взаимным изучением. Хочет этого человек или нет, в любой ситуации ведущий его эгрегор через него познает мир и другие эгрегоры, и субъективное чувство *интереса* есть знак того, что ведущий эгрегор воспринимает новую для него информацию и поддерживает своей энергетикой внимание человека. Наоборот, чувство *любопытства* есть знак активности *свиньи* эгоизма (и перемещение точки сборки в ее область), и соответствующая энергетическая информация ни в какой эгрегор, находящийся выше эгоического, не попадает, или воспринимается там в сильно искаженном виде — остатки *свиной* трапезы малоинтересны для средних и высоких эгрегоров.

С точки зрения ведущего эгрегора, основной обязанностью человека является его открытость как проводника энергии и информации в двух направлениях из внешнего мира в эгрегор и обратно. При этом эгрегор всегда интересуется новой для него информацией, поэтому фактически основным требованием эгрегора к человеку является постоянная готовность человека к постижению нового, т.е. к обучению. Другими словами, когда человек учится (и только тогда!) ведущий его эгрегор получает существенную для себя информацию и осуществляет через человека адекватную связь с плотным миром. Конечно, кроме людей, существуют и другие способы связи тонкого и плотного миров, но самые широкие и устойчивые каналы, доходящие иногда до очень высоких сфер, принадлежат все же людям, которые, тем самым обладают над тонким миром гораздо большей, чем они думают, властью; однако эта власть носит во многом косвенный характер и часто неправильно понимается: это, в первую очередь, дипломатическая миссия.

Любое взаимодействие двух людей в той или иной степени включает взаимодействие их эгрегоров. Сначала это взаимный просмотр, эгрегоры знакомятся друг с другом и «снюхиваются» на предмет возможных совместных действий, затем, если взаимодействие людей становится более тесным, эгрегоры через них выясняют свои отношения (порой антаго-

нистические), а иногда объединяются и работают вместе. И все же, несмотря на все различия в фазах и формах взаимоотношений людей и их ведущих эгрегоров, центральным этическим моментом является готовность человека к обучению и такому восприятию мира, чтобы эгрегору тоже было видно (и интересно). Эгрегор все время как бы говорит человеку: «Смотри туда. И не засти.» А загораживание картины для эгрегора происходит тогда, когда происходящее вокруг воспринимается человеком слишком лично и эмоционально — тогда вырастает тонкая семерка, замыкая информационно-энергетический поток на себя.

Тонкая семерка является, таким образом, прямым конкурентом ведущему эгрегору, и поэтому одна из важнейших задач человека — держать ее в относительном послушании и пристойных размерах. Однако это оказывается вовсе не так просто, особенно в ситуациях встречи человека с себе подобным, поскольку здесь возникает не только сильное искушение в виде вкусного энергетического канала, но и очень своеобразная ситуация встречи двух тонких семерок, между которыми могут сложиться самые разные отношения, от откровенной войны до симбиотического слияния в стремлении дружно поглотить всю энергию Космоса.

Таким образом, в области социальных контактов складывается в некотором отношении парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что, с одной стороны, естественные для людей, полноценные и содержательные отношения возникают при условии глубокого контакта их ведущих эгрегоров, который возможен лишь при низкой активности и скромной величине тонких семерок, а с другой стороны, все социальные нормы и ритуалы приводят точки сборки участников в положения, соответствующие служению тем или иным фигурам тонкой семерки, т.е. фактически человек социально направляем Королевской семеркой, но осознать это обстоятельство и избавиться от чересчур назойливой опеки не так просто.

Не вдаваясь глубоко в обширную тему поведения тонких семерок во время различных социальных взаимодействий, автор ограничится несколькими замечаниями и примерами.

***

К сожалению, культура уходящего двухтысячелетнего периода (эпоха Рыб, 1-2000 гг. н.э.) не провела четкой грани между служением тонкой семерке и высокому эгрегору. Сильный человек при ближайшем рассмотрении часто оказывается хозяином переразвитого *черного*, гордый и независи-

мый — рабом крупного *дракона*, великий политик — марионеткой *желтого* или *змея*, любовь предстает комбинацией *черного, змея* и *свиньи* и т.д. Более того, практически все социальные идеалы суть не что иное как люди с сильными (теми или иными) тонкими фигурами. Крупный организатор — сильный *торопыжка* (человек, который сразу буквально везде и ну совершенно все успевает), прекрасный спортсмен — сильный *черный* (воля к победе), великий ученый — сильный *черный*, только рассматриваемый в ментальном плане, т.е. человек, который сможет *вырвать* у природы ее тайны; у крупного дипломата должен быть огромный *желтый*, и, конечно, у любого великого и знаменитого человека — роскошный *дракон*. Служение Богу (т.е. в нашей терминологии Абсолюту или очень высокому эгрегору) воспринимается социумом абстрактно и в конечном счете тоже меряется величиной, силой и экстерьером тонкой семерки священнослужителей.

Знакомство. Здесь социальный ритуал предписывает встречу «по одежде» и вполне определенную последовательность представления, ибо человек в социуме преимущественно ценится по качествам его тонкой семерки. (Гармоничность личности и ее социальная адаптация во многом определяется умением человека управлять своей тонкой семеркой и делить пищу между ее членами, принимая частично во внимание и интересы окружающих. Дисгармоничные люди часто действуют во «вред себе» — это означает, что интересы одной из тонких фигур, например, *свиньи*, бывают принесены в жертву другой, скажем, *дракона*, и неумение согласовать аппетиты своей тонкой фигуры часто именуется «неумением жить»).

Итак, начинается социальное представление, звучат фанфары, и первыми на ковер торжественно выходят два *черных*. Приблизившись, они пристально смотрят в лицо друг другу, соразмеряя свои силы и договариваясь о характере поединка. В цивилизованном обществе есть понятие весовых категорий, и в благородном боксе удары ниже пояса запрещены. Если весовые категории различны, тяжеловес без боя признается победителем, в случае же их равенства назначаются три коротких раунда, после которых каждый из *черных*, получив серию зуботычин и в интимной обстановке ближнего боя удостоверившись в силе и благородстве противника, с достоинством удаляется с ковра. Первая фаза знакомства прошла успешно.

Вторая фаза знакомства — схватка *драконов* (при условии равенства сил *черных*). *Драконы* надуваются, выгибают шеи, шипят, пускают искры и дым, реже пламя, но в клинч

обычно не входят, считая это ниже своего достоинства, и украдкой пытаясь запомнить и перенять особенно эффектные приемы противника. На побежденного *дракона* накладывается дань — он должен восхищаться победителем, отдавая ему часть своей энергии.

Далее следуют взаимные обманы *желтых*, занудство *серых*, бег наперегонки *торопыжек*, улюлюканье *змеев*, и, наконец, снюхивание *свиней* — это чаще всего центральный, наиболее существенный момент знакомства. Ибо если у свиней эгоизма не идет совместной медитации, личное знакомство, с социальной точки зрения, бесперспективно (или имеет сугубо деловое значение, относясь тем самым к ведомству *дракона*; сюда же относятся знакомства со знаменитостями и власть имущими).

Перспективные отношения между членами семерок,особенно агрессивные, общественное подсознание в основном отрицает, считая неприличным. Мой *дракон* может перехватить кусок у моей же *свиньи*, но не у чужой; мой *черный* может существенно сократить моего *торопыжку* — но не другого, что было бы просто бестактно! Известный тезис «Живи и давай жить другим» есть не что иное как призыв к гармоничному сосуществованию тонких семерок... к сожалению для общества, законы его жизни высоко духовны, как бы оно ни старалось закрывать на это глаза, выдавая Королевскую Семерку, Гистурга, Фокерму и Урпарпа за владык кармы.

Вообще следует заметить, что чем больше социум, тем отчетливее проявляется власть над ним Королевской Семерки и тем меньше могут ей противостоять — непосредственно — лучшие его члены. Первым знаменитым проектом Короля Торопыги была Вавилонская башня; двадцатый век, вероятно, прославится идеями поворота сибирских рек и атомными электрическими станциями. Капиталистическая идея свободной инициативы, развития и возрастающего процветания, отчетливо атеистическая по своему духу, тоже принадлежит Королю Торопыге и, в последней своей части, Большой Свинье — результатом их совместной деятельности является не только реальная угроза тотальной экологической катастрофы, но и возрастание фигуры Желтого Короля, выражающейся не только в росте наркомании, но и профанации религии и перекрытии собственно духовных каналов общества.

Социалистическая идея это во многом порождение Серого Короля (тотальное равенство), который как бы противопоставляется Черному Королю (эксплуатации и неравенству). Опыт развития человечества учит, однако, что Серый и Черный Король никогда не выступают друг против друга (это

вообще не типично для воинства Гагтунгра, которое предпочитает стравливать друг с другом людей или программы подсознания, и если воевать, то на их материале), зато в случае необходимости всегда приходят друг другу на помощь.

Святая инквизиция находилась под покровительством Большого Змея; последний вообще пристально следит за развитием христианства с самого его начала — недаром в нем постоянно актуальны проблемы ереси и раскола. Большой Дракон торжествовал во времена Ренессанса и Просвещения: «Небо не слишком высоко» и «Человек — венец природы » — его лозунги. Вообще регулярно возникающая в человечестве идея создания некоторой внешней формы: системы, структуры, (например, церковь, определенное государственное устройство, Лига Наций), организовавшись в которую люди радостно и без особых проблем пойдут вперед, всегда в значительной мере является порождением Большого Дракона.

***

Возвращаясь к теме социальной этики, следует разделить ее на три части.

Первая, наиболее разработанная социумом, состоит из набора ограничений, детерминирующих поведение тонких семерок людей в различных ситуациях. Сюда относятся и формальные ритуалы, и правила приличия, и подавляющая часть неписаных законов любого общества; и человек, тщательно соблюдающий эти, обычно довольно простые, если перевести их на язык тонких фигур, этические правила (например: крупный *черный* должен быть уменьшен до размеров самого большого *черного* из присутствующих в обществе, или: *дракон*, победивший в поединке другого *дракона*, должен отдать последнему часть своей энергетики, чтобы тот окончательно не завял; перекормленную *свинью* не выставляют напоказ, и т.п.), скорее всего будет считаться образцом джентльменских манер и безукоризненного поведения.

Вторая часть социальной этики относится к соблюдению человеком конкретных требований своего ведущего эгрегора, которые в отношении тонкой семерки сводятся к тому, чтобы последняя не особенно ему мешала, т.е. была ограничена в размерах, и это простое требование порой противоречит социальному, которое, например, предписывает, чтобы у знаменитостей и власть имущих были внушительный *дракон*, *черный* и хорошо откормленная *свинья*, а у сильно влюбленного — крупные *черный* и *желтый* и открывшая пасть наизготовку *свинья*.

Третья часть социальной этики, самая, может быть, трудная, это требование к поведению человека в интимных социальных ситуациях, когда к нему, помимо ведущего его эгрегора, подключаются эгрегоры (а не только тонкие семерки) других людей. Здесь возникают своеобразные энергетические обмены, требующие большой точности поведения, которое, по идее, должно сильно варьироваться в зависимости от конкретной ситуации. Эти вопросы очень сложны и в какой-то мере раскрываются в следующих главах, особенно в гл.7 и 11.

***

Глава 4

Жизненная позиция,
или
Семейное проклятие

„...каждая несчастливая семья несчастлива по-своему".

Л. Толстой.

Вообще проклятие, в переводе на язык кармы, означает сильно затянутый и перепутанный кармический узел, который обычно не удается развязать одному человеку за одно воплощение, и который передается по воплощениям и поколениям (автор надеется, что читатель не противопоставляет друг другу кармическую и генетическую наследственности; они, конечно, взаимосвязаны и составляют вместе единое целое; мистики утверждают, что высокие души сами выбирают себе не только эпоху воплощения, но и конкретное время и место рождения, а также пару родителей).

Семья является средством прямого подключения человека к своей стране и этносу; поэтому семейный эгрегор всегда имеет прямую инвольтацию от этнического, и потому, в частности, получает от него прямую проекцию этнического проклятия. Это очевидно в эпохи войн и вообще социальных катаклизмов, но справедливо и в относительно мирные времена. Таким образом, выполнение или невыполнение этносом своей кармической задачи, облегчение или утяжеление его глобальной кармы сказывается на судьбе его семей непосредственно, хотя конкретная символика этой связи не всегда сразу очевидна.

Вообще говоря, каждый эгрегор в момент своего создания получает определенную кармическую задачу; если она трудна, тяжела и запутанна, ее называют проклятием, но в данном тексте это слово не имеет отрицательной эмоциональной

нагрузки, автор вкладывает в него магически-кармический смысл.

Таким образом, у каждой семьи есть своя кармическая задача, которая в наиболее тяжелых случаях традиционно называется семейным проклятием; чаще всего оно в том или ином виде передается из поколения в поколение, повторяя похожие сюжеты — от наследственных болезней до характерных изломов биографии и способов смерти.

Семейное проклятие формируется из трех основных источников: соединяются два наследственных семейных проклятия супругов и персональная трансляция данной семье этнического проклятия (если супруги относятся к различным этносам, то получается четыре источника). Эти влияния, синтезируясь вместе, создают основную для семьи фигуру *семейного дьявола*, который и становится черным учителем семьи и (тонким) источником главных ее проблем; последние, таким образом, вовсе не сводятся к межличностным отношениям и индивидуальному росту членов семьи.

Автор не хотел бы выглядеть черным пессимистом, и для равновесия, вероятно, следовало бы упомянуть о семейном благословении, счастье и т.п. Однако трагические листы этого трактата повествуют преимущественно о темных сторонах жизни тонкого и плотного миров, и способах взаимодействия со злом в его разнообразных формах, а проведение окончательного баланса сил тьмы и света в общей картине мира автор доверяет своему читателю.

***

Семейный дьявол является более тонкой фигурой, нежели тонкая семерка, которая есть не только у каждого человека, но и у каждого семейного эгрегора. Однако семейный дьявол, оставаясь (при желании) невидимым и почти неощутимым для тонкой семерки семейного эгрегора, имеет прямые каналы инвольтации ко всем ее членам, которые, в свою очередь, прямо связаны с соответствующими тонкими фигурами членов семьи. Таким образом, семейный дьявол обычно не имеет прямой связи с тонкими фигурами членов семьи — он опосредуется тонкой семеркой семейного эгрегора; однако в особых случаях он может включить и прямую инвольтацию.

В простейшем (в структурном отношении) случае семейного проклятия семейный дьявол инвольтирует только одну из тонких фигур семейного эгрегора, что создает определенные особенности как во внутрисемейных отношениях, так и во взаимодействиях семьи с окружающим ее социумом. Для

того, чтобы избавиться от такого проклятия и не передать его по наследству, семья должна осознать свою жизненную позицию, соответствующую данной тонкой фигуре, и расширить область возможных положений точки сборки, ибо только согласованное со всем семейным эгрегором перемещение точки сборки в положение, исключающее инвольтацию данной тонкой фигуры, способно существенно ослабить влияние семейного дьявола. Тогда он начинает мотаться, инвольтируя то одну тонкую фигуру семьи, то другую, затем апеллируя к тонким семеркам членов семьи, и в конце концов, посрамленный, удаляется восвояси.

В сложных случаях семейный дьявол может инвольтировать сразу несколько тонких фигур семьи, но тогда чаще всего они склеиваются в одну, например, свинодракона. Такое проклятие, естественно, снимать труднее; как это делать, обсуждается ниже, но главное средство всегда одно и то же: идентификация «проклятого» положения точки сборки семьи и изменение этого положения за счет смены жизненной позиции.

Поскольку описать действия тонкой семерки семьи на ее членов существенно сложнее, чем воздействие на отдельного человека его собственной тонкой семерки, ниже в качестве примеров приводятся схематичные описания семи семей с проклятием, заключающимся в гипертрофированном росте одной (и только одной) из тонких фигур семейного эгрегора. Автор подчеркивает, что в данном случае проклятие заключается в *неестественной* величине одной из тонких фигур, необъяснимой с точки зрения любого из членов семьи, взятого отдельно. В целом ситуация в тонком мире выглядит приблизительно так. Семейный дьявол постоянно сильно инвольтирует одну из тонких фигур семейного эгрегора, которая, в свою очередь, инвольтирует аналогичную фигуру одного из членов семьи — иногда по очереди, а иногда всегда одного и того же человека. При этом эффект оказывается особенно сильным, когда семья собирается вместе, например, на семейный праздник; тогда внимательные гости могут наблюдать в тонком мире интереснейшие сцены, способные вдохновить бывалого драматурга и изумить видавшего виды зоолога. Приведенные ниже примеры имеют целью поверхностную иллюстрацию, но ни в коей мере не полноценный и разносторонний анализ. Итак, семейный дьявол по очереди инвольтирует тонкие фигуры семьи.

Семья с крупным драконом.

Пафос этой семьи — самоутверждение. Крупный семейный *дракон* постоянно требует пищи, которую составляют похвалы в адрес семьи в целом или какого-либо из ее членов. Точка сборки семьи очень устойчиво пребывает в области под названием «Какие мы все замечательные», и человек, пытающийся вывести свою точку сборки из этой области, немедленно становится открытым врагом семейного эгрегора. Внешне эта семья может выглядеть очень эффектно, но дружба на равных с ней невозможна; с другой стороны, она охотно принимает общение с людьми и семьями на условиях искреннего ей поклонения.

Переходя ко внутрисемейным отношениям, важно понимать их искренность, поскольку с точки зрения внешнего наблюдателя происходящее в семье слишком напоминает фарс; однако нужно всегда иметь в виду, что общий семейный сдвиг точки сборки создает плотную реальность, выйти из которой членам семьи очень трудно, даже если она резко отличается от общесоциальной. В данном случае, например, большой семейный *дракон* сдвигает семье точку сборки так, что семья попадает в реальность, в которой она *действительно* играет огромную роль, и можно только удивляться, как этого не замечают остальные.

Семьи с сильным *драконом* могут выглядеть по-разному в зависимости от того, кому из членов семьи преимущественно попадает его инвольтация. Здесь можно выделить две основные категории: семьи с отчетливым лидером и демократические семьи с динамическим распределением инвольтации семейного *дракона*.

В семье первого типа один из ее членов (лидер) имеет крупного личного *дракона*, который получает регулярную инвольтацию от семейного *дракона*; при этом *драконы* отдельных членов семьи малы по величине и в целом имеют забитый вид, поскольку *дракон* лидера воспринимает их как своих потенциальных врагов и актуальных рабов, налагая на них регулярную энергетическую дань; в редких случаях особо примерного поведения и послушания второстепенных членов семьи лидер может кинуть их *дракону* небольшую подачку («Вы тоже имеете некоторое отношение к моим великим успехам: жена варила суп, а сын клеил марки на конверты»). Роль лидера устанавливается непосредственно семейным дьяволом, который соответственно направляет развитие событий в семье и регулирует инвольтации семейного *дракона* личными *драконами* членов семьи. Поэтому лидером иногда оказы-

вается ребенок, который часто ухитряется установить господство над семьей с пеленок, а иногда и с момента зачатия. И горе неудачливому гостю, который не оценит должным образом семейное сокровище, а то и (о ужас!) вовсе не обратит на него внимания — понятно, что на порог этого дома он уже не ступит никогда.

Если лидер в такой семье — муж, то жена и дети будут смотреть на него с обожанием; он (с их точки зрения) самый умный и всемогущий, фактически полномочный полновластный представитель Бога на Земле (автор напоминает, что *дракон* — черный учитель по сахасраре — чакре, отвечающей за религиозные чувства). Если какой-то посторонний человек сумеет объяснить жене лидера, что ее муж — дурак, он снимет с нее проклятие данного брака, но и разрушит его. К счастью или несчастью, но такой сильный сдвиг точки сборки чрезвычайно труден, а если происходит, то чаще всего в отдалении от семьи (например, в отпуске), а при возвращении в семью ее магия моментально восстанавливает статус-кво. В этой семье ее лидер — гордость, цель и смысл ее существования, и подвергать его сомнению и не хочется, и опасно для жизни во всех отношениях.

Второй вариант семьи с крупным *драконом* более демократический; здесь инвольтацию семейного *дракона* имеет тот член семьи, который сегодня добился максимальных успехов, им гордится вся семья, и его личный *дракон* получает от семейного венок на одну из шей или бантик на хвост. В этой семье личные *драконы* не сражаются, а восхищаются друг другом, и обстановка в целом довольно дружная, пока кто-то из членов семьи не начинает глядеть в сторону. Зато извне эта семья плохо переносима, поскольку нужно постоянно восхищаться любым ее проявлением, иначе вас просто не поймут и сочтут умственно неполноценным, или, хуже, тривиально завистливым. Основная особенность такой семьи — никто из ее членов не имеет права искренне восхищаться ничем, кроме достижений семьи, что ведет к сильному замыканию и прекращению роста — по существу, эта семья эксплуатирует имеющиеся у нее каналы, сама себе блокируя доступ к остальным эгрегорам. Здесь дети приветствуются, но когда они подрастают, то кто-то берет семейное проклятие на себя, а остальные подвергаются остракизму и входят в социум голыми — без каналов, т.е. благословения семейного эгрегора, но и без его проклятия.

Семья с крупной свиньей.

В отличие от *драконов*, личные *свиньи* плохо уживаются друг с другом, поэтому в случае сильной инвольтации семейным дьяволом семейной *свиньи эгоизма* среди домочадцев обычно выбирается один — лидер потребления, или семейный эгоист, чья *свинья* получает особую инвольтацию семейной *свиньи*, а личные *свиньи* прочих членов семьи находятся, как правило, в бедственном состоянии. В редких случаях бывает иное распределение инвольтаций, например, процветающие *свиньи* детей или даже всех членов семьи, исключая одного, приносимого в жертву («Золушка»). Однако в любом случае, если инвольтируемых личных *свиней* больше, чем одна, между ними будет отчетливое антагонистическое соперничество.

Внешне семья с крупной *свиньей* может выглядеть довольно привлекательно, особенно если она обеспечена материально; тогда здесь характерно гостеприимство, но гость в обмен на улыбки хозяев, их мягкую мебель и вкусную еду должен предложить информационно энергетический поток, существенно превышающий энергию, которую он получил в течение визита, и потом он испытывает какое-то неопределенное чувство, в сочетании с неизъяснимой неблагодарностью к этому внешне симпатичному, благожелательному и хлебосольному у дому. Эта неблагодарность объясняется очень просто: фактически за все полученные улыбки и съеденные продукты ему пришлось расплатиться в десятикратном размере личной энергетикой и реализационной властью.

Точка сборки семьи с крупной *свиньей* соответствует мировосприятию приблизительно с таких позиций: «Мир должен мной восхищаться и меня постоянно, разнообразно и всесторонне кормить и благодетельствовать — ведь я такая замечательная! — и в этом находить свое удовольствие, радость и счастье, по сравнению с которыми все остальные радости меркнут». Так, как она здесь изложена, жизненная позиция *свиньи* звучит несколько странно и самонадеянно, но это вообще характерно для трансляций Фокермы, которая искажает реальность и смещает точку сборки так, что пока с этим искажением непосредственно не столкнешься, поверить в его реальность трудно, и, более того, это трудно даже *после* того как столкнешься.

Например, в семье с сильной *свиньей* мать — лидер потребления — может спокойно устраивать себе пиршества со всевозможными лакомствами, выделяя при этом дочери черствый кусок хлеба, и сопровождать свою трапезу сентенциями типа: «Мне, женщине немолодой и с моими болезнями,

необходимо полноценное и разнообразное питание, а тебе предстоит жить в суровом мире, наполненном врагами и борьбой за существование, поэтому лучше с детства не расслабляться и привыкать к аскетизму — кто о тебе, бедной, позаботится, когда я скоро умру!»

Однако не следует думать, что акцентуация идеи потребления в семье относится только к лидеру потребления; это вовсе не так. К потреблению, хотят они того или нет, подсознательно стремятся все члены семьи, а разница заключается в том, что самая крупная личная *свинья* лидера перехватывает пищу прямо перед носом личных *свиней* остальных членов семьи, а если одной из них все же удается проглотить кусок, он вынимается у нее прямо из желудка. Например, влюбившийся сын приводит (против своей воли) девушку после чего она поступает в ведение лидера-отца.

Очень своеобразный эффект возникает, когда члены семьи поодиночке отправляются во внешний мир. Тогда все их *свиньи* получают сильную инвольтацию от семейной *свиньи*, которая предвкушает знатную добычу. И скромный домочадец с маленькой, забитой *свиньей* неожиданно для самого себя оказывается крупным вампиром, рассматривающим окружающую среду, в том числе социальную, под соответствующим вполне определенным углом зрения. Самое печальное для него заключается в том, что ничего из того, что (обычно нечестным путем) попало в его распоряжение, не достается его личной *свинье*, а проносится мимо ее алчущей пасти и отдается *свинье* лидера или прямо семейной. У человека возникает сильная фрустрация, усугубляющаяся тем, что семейный дьявол такой семьи как раз очень склонен создавать ситуации, в которых можно «на халяву» поживиться энергией и услугами добрых, но наивных жертв, которые в конце концов начинают смотреть на членов семьи как-то несколько косо, хотя фактически последним мало что достается: в конечном счете любая *свинья* служит Фокерме и никому другому.

Для преуспевающих семей с сильной *свиньей* характерно загнивание, выражающееся в поразительном равнодушии семейного эгрегора к болезням членов семьи, и это понятно: здесь акцент стоит на радостях, а печали максимально игнорируются, сколь бы серьезными они ни были для любого отдельного домочадца. Но все же главная отличительная черта таких семей это какая-то неестественная, фантастическая неблагодарность по отношению к любым услугам со стороны — они всегда воспринимаются, во-первых, как сами собой разумеющиеся, а во-вторых, как очевидно недостаточные; и

действительно, накормить *свинью* досыта принципиально невозможно.

Семья с крупным торопыжкой.

В отличие от *свиньи*, любой *торопыжка* склонен делиться своей энергией с другими *торопыжками*, поэтому отчетливо суетливого лидера в этой семье чаще всего нет; здесь все с утра до вечера несутся куда-то в невероятном темпе, причем каждый занят своими делами, не касающимися всех остальных, а над квартирой реет флаг, на котором ярко-голубыми буквами начертано: НЕ УСПЕТЬ!

Роль семейного дьявола в этой семье очевидна; более того, он ей просто необходим, поскольку согласует события таким образом, что в последнюю минуту концы невероятным способом связываются с концами, и практически все дети оказываются накормленными, теща уложена в нужную больницу, свекр посажен в самолет, мужу куплена новая сорочка, а у старшего сына даже подписан дневник.

Здесь автор хочет обратить внимание читателя на разницу в проявлениях высоких и низких сущностей тонкого мира: восприятию низких сущностей, таких как тонкая семерка, соответствуют непосредственно ощутимые энергетические потоки и очевидные (грубые) эмоциональные состояния; более высокие сущности, такие как семейный дьявол, сами по себе видны значительно хуже, но обладают большей властью: они могут управлять каналами инвольтации более низких фигур, и вызывают у человека реакцию внутреннего напряжения в более тонких областях (например беспричинная тревога, корни которой человеку непонятны). Прямое взаимодействие семейного дьявола с человеком идет на достаточно глубоком подсознательном уровне, в слое, где находятся его жизненные позиции, и именно к ним семейный дьявол и апеллирует. Наоборот, во внешнем мире семейный дьявол управляет не стилем, в котором протекают конкретные взаимодействия членов семьи (за это отвечают фигуры тонкой семерки), а основными внутренними и внешними сюжетами, в рамках которых существует семья, и для того, чтобы изменить эти сюжеты, в рамках которых существует семья, и для того, чтобы изменить эти сюжеты, нужно переменить определенные жизненные позиции семьи, иначе все ее новые начинания обречены на провал, так как наталкиваются на невозможность их физического воплощения: этому воспрепятствуют внешние обстоятельства, управляемые семейным дьяволом; а сократить его влияние можно лишь сме-

стив точку сборки семейного эгрегора в недоступную для него область.

Основное правило, которому обязаны подчиняться все члены семьи с крупным *торопыжкой* (начиная с младенческого возраста), заключается в том, что внутренний и внешний ритм должен быть не ниже предусмотренного семейным *торопыжкой*; другими словам, любой член семьи может заниматься чем угодно, пока создает определенный уровень суеты, а как только он перестает это делать, семья мгновенно видит его как бездельника и паразита и нагружает таким количеством совершенно неотложных дел, что необходимый ритм моментально восстанавливается.

Эта семья очень любит играть в психологические игры, как внутри себя, так и во внешнем мире. Внутри часто проигрываются как бы трудные проблемы, на решение которых нужно бросить все силы семьи, забыв абсолютно все остальное (например, жена и мать вечером трагически восклицает: «У нас катастрофически не хватает денег», после чего все члены семьи без исключения бросаются их занимать или зарабатывать, в результате чего к вечеру следующего дня их оказывается втрое больше, чем нужно, и вся собранная сумма тратится на покупку никому не нужной вещи, которая, однако, на секунду чем-то привлекла внимание семьи). Во внешнем мире эта семья видит свое основное назначение в увеличении ритма жизни окружающих, которые очень похожи на ленивых сонных медведей в берлоге, мирно сосущих лапу в полном неведении относительно того факта, что вокруг, вообще-то, идет жизнь, и неплохо им принять в ней участие, в частности, помочь тем, кому особенно трудно. Реальной помощи эта семья не ждет, но очень любит, поставив нерешаемую проблему, сыграть в игру под названием «Да, но», с тем, чтобы окружающие убедились в своей полной никчемности вообще и неспособности решить проблемы данной семьи в частности.

Здесь жизненная позиция звучит примерно так: «Я — самый нужный эволюции человек, поскольку постоянно занят. У меня нет и не может быть никаких обязательств ни перед кем, поскольку мой жизненный поток — самый важный, и все обязаны мне если не помогать, то во всяком случае почтительно уступать дорогу и провожать завистливым взглядом.»

Самый страшный вызов и удар для этой семьи это попытка одного из ее членов заняться чем-то серьезным, требующем низкого внутреннего ритма и высокого сосредоточения. Такой человек рассматривается как предатель, подвергаю-

щий сомнению основы семейного жизнеустройства, и по нему приходится страшный двойной удар семейного *торопыжки* и семейного дьявола: первый устраивает немыслимое мельтешение семьи вокруг диссидента, второй же быстро создает внешние обстоятельства, делающие осуществление долговременного плана невозможным.

Внешне такая семья смотрится как дружная, работящая и в целом безопасная для самооценки окружающих семей, так как по существу все же ничего не делает и сделать неспособна; рядом с ней можно иногда славно развлечься, поскольку там постоянно происходит много событий (правда, довольно однообразных), главное — не попадать в ее орбиту плотно, так как тогда можно оказаться в одном из ее беличьих колес.

Семья с крупным желтым.

Вообще, на самом деле, любая семейная жизнь это глубокая загадка и тайна; но в данном случае это очевидно всем — как внешнему миру, так и самим домочадцам, которые постоянно что-то друг от друга скрывают, недоговаривают, умалчивают и преднамеренно или непреднамеренно вводят всех в заблуждение, в том числе и по таким поводам, когда это не только не нужно, но, даже, кажется, и невозможно. Крупный желтый всегда делится своей энергией с окружающими собратьями, поэтому в этой семье труднее всего приходится тому ее члену, который по своей природе стремится к честности и ясности — ему физически не удается ни то, ни другое, поскольку все его слова (и молчание) интерпретируются превратно, хотя и часто по-разному, и, кроме того, он (сам того не желая) постоянно попадает в различные ложные положения, честный выход из которых невозможен — эти ситуации создает сам семейный дьявол, помогая семейному *желтому* не только сильной инвольтацией Желтого Короля, но и организуя соответствующим образом внешние обстоятельства.

Для этой семьи нормой являются неясные намеки, недоговоренности, всевозможные нарушения собственных обещаний и договоров, демагогия, уходы от ответственности, ложь откровенная и тонкий обман, грубые, средние, тонкие и тончайшие психологические игры, в результате которых в астральной грязи бывают вымазаны все участники и приличный кусок тонкого мира в целом. Вероятно, мать гадает на картах, отец на заголовках газет и линиях рук, а дети на тараканах или кофейной гуще, достигая порой удивительных результатов, но чаще всего подтверждая свое общее ощущение причастности к мистике внешнего мира, которая, как кажется

семье, любит его нежной любовью. Здесь принято жить в мире неясных фантазий, посылаемых Фокермой и воспринимаемых адресатами как глубокая и интересная внутренняя жизнь; кроме того, очень в ходу разнообразные чувства и переживания, от откровенных истерик до безнадежно-разочарованной влюбленности. Вообще любовь — одно из ключевых слов этой семьи, и здесь возможен самый широкий спектр ее проявлений — от безумного поклонения избранной звезде рока до оргий с наркотиками и коллективным сексом; мелкое воровство в этой семье не воспринимается как что-то из ряда вон выходящее, а подозрение в попытках крупного естественно ложится на всех, приходящих в дом, не говоря уже, разумеется, о самих членах семьи. И действительно, время от времени случаются и существенные пропажи, но виновники при этом обнаруживаются крайне редко, а густой туман всевозможных подозрений клубится над семьей черно-желтым облаком еще несколько лет.

Такая семья — одновременно клад и мучение для психоаналитика, который воспринимается семейным эгрегором как вкусная добыча (особенно если семья обеспечена и может позволить себе его услуги), а семейный дьявол с удовольствием поиграет с наивным толкователем сновидений и интерпретатором комплексов, находясь, как правило, существенно выше уровня видения последнего.

Если в семье с крупным *торопыжкой* воздействие семейного дьявола выражается в потрясающем согласовании событий внешней жизни, заставляющей ее членов жить в максимально возможном для себя ритме, то в этой семье влияние семейного дьявола ощущается совсем по-другому: это может быть ядовитым дыханием (настоящей) семейной тайны, которая часто передается из поколения в поколение, например, инцестуозные сексуальные отношения, неизлечимая психическая болезнь или медиумические влияния, т.е. преследование иерархов из низших слоев тонкого мира, которые могут выражаться и вполне материально, например, в виде регулярных мучительных мигреней, практически не поддающихся лечению, или внезапных смертей поклонников, приближающихся к брачному венцу.

Семья с крупным черным.

Пафос этой семьи — соревнование, или драка, как членов семьи друг с другом, так и семьи с внешним миром. Основное средство управления, принятое в семье, это силовой нажим, а главные типы взаимодействий, или транзакций по Э. Берну,

суть зуботычины, физические или астральные; сюда относятся также шлепки, резкие окрики, хамские и просто грубые выпады, оскорбления словом и действием и т.д.

В семьях с сильным *черным* низкого уровня нередки настоящие избиения, которые нужно, однако, правильно понимать: как правило, они происходят взаимно, но на разных телах партнеров, скажем, жена сначала долго избивает ментальное и астральное тело мужа, обвиняя его в тупости, никчемности и ничтожности, после чего он не выдерживает и бьет ее в соответствии со своими понятиями. В более культурных семьях конфликты обычно ограничиваются перебранкой, т.е. взаимодействием на тонких телах (обычно на эфирном, астральном и ментальном), но после долгих боев нередко происходит и соматизация, выражающаяся в сердечных приступах, головных болях и несчастных случаях.

Таким образом, сильный семейный *черный*, как правило, инвольтирует не менее двух личных *черных* членов семьи, которые тут же бросаются в атаку друг на друга, хотя сами члены семьи часто состоят в разной весовой категории, например, мать и сын. Воздух в такой семье буквально напоен угрозой и агрессией, которые не вполне понятно откуда берутся, ибо таких уж существенных противоречий между членами семьи обычно не видно, и внешнему наблюдателю часто кажется, что поводы для конфликтов не стоят выеденного яйца. С точки зрения тонкого мира это, однако, совсем не так; крупный семейный *черный*, во-первых, сам по себе создает агрессивную атмосферу в семье, а во-вторых, постоянно инвольтирует и стравливает друг с другом *черных* всех членов семьи. Внешне это, однако, может выглядеть совсем по-разному; автор, как обычно, ограничивается несколькими наиболее типичными примерами.

Явная инвольтация против скрытой.

В этом случае семейный дьявол распределяет роли в семье, например, следующим образом: один из членов семьи — буйный агрессор, остальные — тихие жертвы. Тогда семейный *черный* (под руководством семейного дьявола) распределяет инвольтацию личных *черных* так: *черный* агрессора имеет постоянную сильную инвольтацию на низших вибрациях, особенно усиливающуюся в присутствии остальных членов семьи, а все тихие жертвы получают инвольтацию своих *черных* от семейного *черного* лишь на (относительно) высоких вибрациях, да и то только в отсутствие агрессора. В такой семье возникает периодически повторяющийся сюжет, состоящий из двух частей: часть первая это буйство агрессора и

избиение тихих жертв, которые в этот момент испытывают страх и полностью беспомощны, и часть вторая — в отсутствие агрессора медитация таких жертв на чувстве ненависти к нему. Если семейный дьявол силен, исход может оказаться трагическим — или агрессор убьет одну из тихих жертв, или одна из них (ребенок) вырастет, переключит главную инвольтацию семейного *черного* на себя, подчинит себе *черного* агрессора и, переводя агрессора на энергетическое положение тихой жертвы, самого лишит жизни — так порой кончаются тиранические режимы.

Вообще нужно иметь в виду, что скрытая агрессия и ненависть гораздо более опасны, чем явные, так как идут на более высоких вибрациях и затрагивают более тонкие тела человека и слои тонкого мира, их отравляя; особенна опасна скрытая агрессия, длительно повторяющаяся и идущая в одном направлении — она создает энергичную и ядовитую тонкую сущность, которая скорее всего материализуется в очень неприятном событии, но даже если этого не произойдет, отравит большую область тонкого мира. Поэтому если муж регулярно бьет жену, а она его постоянно тихо ненавидит, то ее воздействия на тонкий мир, скорее всего, гораздо более деструктивно, хотя, конечно, и его одобрять не за что.

Соревновательная семья.

Пафос этой семьи — соревнование за инвольтацию семейного *черного*; в данном случае цель семейного дьявола — отравить семью с окружающим ее миром, поэтому инвольтацию семейного *черного* получает тот член семьи, который находится на фронте, в самой горячей точке сражения, Внутри такой семьи может быть даже относительно мирная обстановка; младенец яростно трясет погремушку, мать строчит на швейной машинке, отец звонит по телефону на биржу, старшая дочь лихорадочно пишет шпаргалки к экзаменам, а сын отжимается на кулаках. Зато попадая во внешний мир, а особенно в ту или иную переделку (что бывает довольно часто), любой член этой семьи чувствует такой боевой задор, что иногда у него даже темнеет в глазах, ноги рефлекторно становятся шире плеч, колени слегка сгибаются, а рука поднимается вверх и поборачивается ударной стороной вперед. Потом, дома, боевые подвиги подробно обсуждаются, и самый удалой боец получает семейную награду, например, дочь — складной нож или отец — танк для прогулок.

Все против одного.

Это, может быть, самый неприятный вариант, когда семейный дьявол делит роли в семье на многих преследователей с сильной инвольтацией семейного *черного* и одну жертву — практически без такой инвольтации. Кармическая задача такой семьи — самой обуздать своего *черного* и пожалеть жертву, хотя она может быть по виду никчемной и довольно противной. Если семье не хватает благородства, исходы могут быть разными: или жертва погибает, усугубляя проклятие семьи, но воплощаясь в следующий раз с большими наработками, или подвергается остракизму и живет как сирота, или находит самостоятельный канал к сильному эгрегору и полностью порабощает семью — тогда семейный дьявол встает уже над бывшей жертвой и семейное проклятие переходит на нее. Кармическая задача семьи может быть разрешена и жертвой, если она сумеет искренне и на хорошей энергетике пожалеть свою семью — но чаще всего у нее на это не хватает ни благородства, ни сил.

Семья с крупным змеем.

Пафос этой семьи — ирония и сарказм, которые не оставляют камня на камне на чем бы то ни было. Здесь иронизируют друг над другом, над начальством малым и большим, мироустройством, Богом, дьяволом и собственным трехмесячным младенцем, у которого, кстати говоря, уже появилась характерная семейная кривая усмешка.

Однако не следует думать, что проявления крупного семейного *змея* этим ограничиваются. Общий тон издевательства висит над всеми сюжетами, разыгрываемыми в семье — они постоянно приходят в откровенный фарс и в этом жанре остаются навсегда. *Змей* ничего не воспринимает всерьез — но он очень любит всякую серьезность и искренность, которые суть основные продукты его питания. Поэтому когда кто-то из членов семьи устает жить в обстановке тотального цинизма и насмешек над всем, что могло бы по идее стать святым, и пытается чем-то всерьез заняться или (не дай Бог) начинает искренне формировать себе идеал, семейный *змей* может некоторое время этому попустительствовать — но с тем, чтобы потом всласть поплясать на его обломках.

Хотя проявления *змея* многосторонни, обычно семейный *змей* паразитирует на каком-то определенном занятии или сфере деятельности семьи. Самые распространенные типы семейных занятий под управлением *змея* — это повышение

материального благосостояния (так называемое процветание) и сексуальные проблемы и развлечения.

В первом случае семья сначала пылко алчет очередного вожделенного предмета потребления (в зависимости от уровня ее благосостояния это может быть ковер, автомобиль или самолет), но вскоре после его приобретения вслед за взрывом ликования происходит резкое разочарование в покупке, поскольку вся энергия от нее пожирается семейным *змеем*, или, иначе говоря, улетучивается через дыру в семейном эгрегоре, так что новая вещь уже и не радует, и ставится очередная, пока практически недостижимая цель. Аналогичная судьба ожидает и прибавку к зарплате мужа, долгожданную, но почему-то совершенно не меняющую семейного благосостояния. Основной лозунг семьи, выдвинутый змеем: «Вот купим... — заживем!» (вместо многоточия подставляется очередная локальная цель семьи), почему-то всегда проваливается — истинного процветания как-то не получается.

Во втором случае на принципиальную высоту ставится сексуальный вопрос, который супруги пытаются разрешить «на уровне» сначала с помощью специальной литературы и аппаратуры, наглядных пособий и т.п., а затем вовлекая в орбиту семьи привлекательных особей обоего пола. Что при этом начинает происходить, описать очень трудно, поскольку у каждой семьи есть свои особенности, но *змей* ухитряется изображать собой фаллический и ионический символы одновременно, а иногда и некоторое подобие целого группового секса.

Все это может, в зависимости от обстоятельств и уровня семьи, происходить на физическом, астральном или ментальном планах, т.е. в действиях, эмоциях или разговорах — редко сразу на всех этих уровнях, однако дети, как правило, бывают включены в действие (как и в случае «процветающей» под *змеем* семьи), причем растление малолетних идет сверху вниз, начиная с ментального плана (иногда на нем и останавливаясь).

Конечно, лицемерный *змей* не позволит поставить вопрос о разврате; его (*змея*) цель — поиски взаимной гармонии, наиболее удачных партнеров, совместимости одновременно физической и эмоциональной; в эзотерически подготовленной семье *змей* может завернуть такой оправдательный текст, который будет одновременно и обвинительным по отношению ко всему остальному миру, отсталому, невежественному и тотально бездуховному.

Для этой семьи характерно острое чувство одиночества всех ее членов и их эмоциональные фрустрации всех видов,

вытесненная ревность, постоянные самообманы и (через некоторое время) плохо подавляемое отчаяние в связи с усталостью от погони за удовольствиями, энергетика которых (преимущественно пожираемая *змеем*) неспособна компенсировать силы, потраченные по дороге.

По самому характеру Большого Змея, архетипическому для всех вообще *змеев*, понятно, что инвольтация семейным *змеем* личных *змеев* членов семьи непостоянна, и когда эта инвольтация неожиданно прекращается, человек впадает в сильную депрессию и думает: «А к черту все эти удовольствия... даже и непонятно, что я в них находил», — и с удовольствием читает «Крейцерову сонату» Льва Толстого, в то время как его притихший *змей* в толстовке ест явно вегетарианский салат и бормочет: «Это он уже когда писал, а в молодости-то был очень даже... ого-го!»

Семья с крупным серым.

Это очень тусклое семейство; главное и общее его настроение это глубокое уныние. Родители скучно провели медовый месяц, без радости ездят в отпуск и в целом, что называется, с трудом тянут лямку ежедневного бытия, Как выразилась одна американская домохозяйка с сильным *серым*: «В Чикаго не живут — только существуют».

Главная мысль (и ощущение), которую транслирует в семью ее крупный *серый*, звучит примерно так: «Все вокруг идет все хуже и хуже, цены растут, а зарплата и силы убывают, вот-вот совсем кончатся, да и серьезные болезни тоже не за горами». Главная цель семейного *серого* — задушить любые проявления жизни в семье, свести ее на уровень откровенной борьбы за существование, а потом и вовсе уничтожить; подобное торжество семейного *серого* хорошо описано в последней части «Господ Головлевых» М. Салтыкова-Щедрина.

По существу *серый* — откровенный вампир, и тяжелее всего от него приходится тем членам семьи, на которых держится ее энергетика. Им семейный дьявол ставит всевозможные препятствия во внешней жизни (и создает определенные сумерки во внутреннем мире), а семейный *серый* активно инвольтирует их личных *серых*, стремясь максимально сузить энергетические каналы, а если удастся, то и самому подключиться к ним. Когда это происходит, у человека возникает, с одной стороны, ощущение, что его семья — тяжкий груз, огромный воз, в который он впрягся и теперь должен тащить в полном одиночестве, а с другой — он ощу-

щает необъяснимое разочарование в своих планах и надеждах, которые давали ему силы для работы. Так, вероятно, погибли бронтозавры: « Все равно вымирать, — шептал их Серый Король, — так зачем суетиться — приспосабливаться?»

Члены семьи с меньшими энергетическими каналами и малой жизненностью, находящейся ниже среднего уровня семьи, считают своим естественным правом паразитировать на более энергичных домочадцах, оправдывая это для себя, например, тем, что «Кому больше дано — с того больше и спросится», и потому они должны отдавать тем, кому дано меньше, в добровольном или добровольно-принудительном порядке. В случаях особо удачного вампиризма семейный *серый* оставляет его героям некоторый процент полученной таким образом энергии — своеобразное поощрение, которое в семье очень ценится.

Однако главным источником энергии для этой семьи является все же внешний мир. Прежде всего, легко добываемая пища это сбывающиеся мрачные прогнозы («а ваша дочь не поступит в институт») — случаи, когда они не сбываются, семья старается игнорировать. Но лучшая добыча — это легкомысленно залетевший на вечерний чай мотылек-оптимист, которого внимательно выслушают, сыграют в пару психологических игр типа: «Но вы как умный человек отлично понимаете, что ничего хорошего, кроме плохого, нас не ждет и ждать не может», затем выльют на него бадью с мутной водой семейного разочарования и безнадежности и с миром отпустят.

Аналогичные сюжеты члены семьи стараются прокручивать и во внешнем мире, играя в жесткие игры на позиции несчастного человека. Например, рассказав о своих горестях и муках сочувствующему знакомцу или незнакомцу и перемазав его своим низким астралом с головы до ног, очень хорошо заключить беседу такой фразой: «А от разговора с вами мне стало еще гораздо хуже, лучше бы и не рассказывал вовсе», и решительно удалиться с крайне несчастным видом, или, включив собеседника на решение своих проблем на полную мощность, внезапно прибить его словами: «А впрочем, не будем об этом, все это на самом деле совершенно неважно», отчего доброжелателя хватает эмоциональный удар, и выделившуюся при этом энергию очень вкусно съесть; правда, как обычно, большая часть ее попадает к *серому*.

Все это вовсе не проходит без последствий. Вампирические игры всегда ведут к усилению вампирической фигуры — в данном случае индивидуального *серого* и *серого* семьи, ко-

торые требуют постоянного питания и, не находя его во внешнем мире, принимаются за самих домочадцев. Постоянные депрессии и плохие настроения, в сочетании с непреодолимой ленью, сначала наполовину показные, становятся постепенно истинными, а затем начинаются хронические болезни: серый подключается к энергетике эфирного тела. Тогда к играм семьи подключаются врачи, медсестры, просто знакомые, пытающиеся бескорыстно или корыстно помочь. Теперь любимая игра, проводимая уже на больничной койке, может выглядеть так: «Мне так плохо, а ты принес марокканские апельсины вместо греческих, и ни разу не улыбнулся (что чистая неправда — А.П.), и теперь мне стало еще гораздо хуже, чем было, а ты бы мог...»

***

Конечно, описанные выше семь типов семей не исчерпывают всего многообразия семейных эгрегоров и семейных проклятий. Более того, чаще всего семейный дьявол инвольтирует не одну из тонких фигур семьи, а две или больше, и нередко из них образуется устрашающий монстр-гибрид, справиться с которым на первый взгляд невозможно. Это, однако, не вполне справедливо, хотя, конечно, бороться с семейным проклятием гораздо труднее, чем заниматься личным ростом; с другой стороны, человек в принципе способен пропустить через себя поток энергии, сравнимый с энергетикой целого государственного аппарата, т.е. фактически противопоставить себя обществу, и сразиться с ним на равных (так, например, как это сделал Александр Солженицын), поэтому и семейное проклятие по идее можно отработать и снять, даже если и сила семейного дьявола укреплялась в течение многих поколений — но здесь требуются особые методы, часто отличающиеся от сравнительно хорошо разработанных (например, в индуизме) путей индивидуального развития.

Сложностей здесь много, и в первую очередь, это чрезвычайная плотность и своеобразие магической реальности любой конкретной семьи, что создает двоякие сложности: с одной стороны, в этой реальности очень трудно разобраться внешнему наблюдателю, а с другой — для самих членов семьи эта реальность очень привычна и воспринимается как воздух, которым дышишь, его не замечая, и поэтому объяснить (и понять самому) что-либо про свою семью семью человеку всегда очень трудно, не в последнюю очередь потому, что он здесь лично включен и заинтересован, но, главным образом все же по той причине, что в настоящее время нет (исключая книги Карлоса Кастанеды, но они доступны лишь *видящим*)

адекватного языка ни для описания магических реальностей, ни для географии соответствующих им положений точки сборки; настоящий трактат представляет собой слабую попытку продвижения в этом направлении.

Вообще главная причина могущества зла это его невидимость, благодаря чему оно незаметно искажает пути эволюции, порой до неузнаваемости. Поэтому основная линия борьбы с тонкими семерками и более тонкими сущностями, подчиненными Гагтунгру (например, семейным дьяволом) это постоянное внимательное отслеживание их маневров. Это связано с тем фундаментальным обстоятельством, что область положений точки сборки, подчиненных фигурам тонкой семерки, не пересекается с областью положений точки сборки, из которой эти фигуры объективно воспринимаются сознанием человека; другими словами, перемещая свою точку сборки в положение, из которого видна тонкая фигура, человек практически полностью прекращает ее инвольтацию или, точнее, ставит ее под контроль своего сознания (здесь, разумеется, идет речь о его личной инвольтации, но не о прямых каналах связи тонких фигур с их архетипическими фигурами). Поэтому один из возможных путей работы с семейным проклятием заключается в последовательном наблюдении членов семьи под руководством семейного психотерапевта и осознании их власти и влияния на семью. При этом точки сборки домочадцев будут постепенно сдвигаться в некоторую общую семейную область возможных положений точки сборки, соответствующую магическим реальностям, малодоступным для семейного дьявола. Не получая должной энергетической поддержки, он начнет худеть и в какой-то момент с проклятием улетит в преисподнюю, получив от Гагтунгра незачет, а семья одновременно с этим должна принести искупительную жертву.

Сложность семейной ситуации заключается в рассогласовании положений точек сборки членов семьи, поскольку обычно их точки сборки находятся в совершенно разных положениях, практически исключающих возможность взаимного понимания, что прямо связано с различной акцентуацией фигур тонкой семерки семьи на личных тонких фигурах членов семьи. Как правило, роли в семье довольно четко делятся семейным дьяволом, так что один из членов семьи получает преимущественную инвольтацию семейного *желтого*, другой — семейного *черного*, третий — семейной *свиньи* и т.д. Другими словами, члены семьи, как правило, имеют устойчиво распределенные между собой роли в семейном спектакле, избавиться от которых им чрезвычайно трудно. Эти основные

роли могут быть, например, такими: Важный (семейный *дракон*), Жадный (*свинья*), Шустрый (*торопыжка*), Обманщик (*желтый*), Буян или Упрямец (*черный*), Баловень или Скоморох (*змей*), и Зануда (*серый*). Понятно, что иногда на одного члена семьи могут быть наложены несколько таких ролей, например, один ребенок, смотря по обстоятельствам, может выступать попеременно в ролях Скомороха и Баловня, а другой по очереди в ролях Обманщика и Упрямца. При этом в средней семье обычно возникает сильное взаимонепонимание по очень существенному вопросу, а именно: уровню добровольности в исполнении данным членом семьи своей роли проводника влияния соответствующей тонкой фигуры семьи. Дело в том, что, например, семейный *желтый* инвольтирует, естественно, личного *желтого* Обманщика, и у семьи (и у него самого) возникает впечатление, что Обманщик врет и создает ложные положения и всевозможные недоразумения по своей личной злокозненной воле; при этом совершенно упускается из виду, во-первых, общее распределение ролей и многих внешних обстоятельств семьи семейным дьяволом, который специально подстраивает их так, чтобы эпицентр лжи и ложных положений приходился на Обманщика, а во-вторых, факт прямой инвольтации *желтого* Обманщика семейным *желтым*, что в переводе на обычный язык означает, что все члены семьи априорно подозревают Обманщика во лжи, сами воспринимают его с большими искажениями и создают ему постоянные провокации. Аналогично, заносчивость *Важного* лишь на некоторую часть есть следствие его личной нескромности, а остальное — результат инвольтации его *дракона* семейным *драконом* и, на внешнем плане, постоянных искушений зазнайства со стороны семьи и т.д.

Таким образом, семья, с одной стороны, фактически поддерживает роли своих членов, а с другой, обычно этой своей (как правило, провокационной) поддержки не замечает, и, принимая эти роли в целом, тем не менее, временами сурово критикует, скажем, Зануду за уныние и безжизненность, вменяя эти качества ему в личную вину. Поговорка «в семье не без урода», по мнению автора, должна звучать так: «в семье не без семи уродов».

На языке движения точки сборки обычную семейную ситуацию можно описать так: у каждого из членов семьи есть определенная область положений, куда семейный дьявол, соответствующая тонкая фигура семьи и его личная тонкая фигура эту точки постоянно направляют, а семья признает это положение только за данным членом семьи, но не за собой в целом. Проще говоря, семья склонна проецировать свои недо-

статки на отдельных своих членов, выбирая козла отпущения в соответствии с указаниями семейного дьявола и ориентируясь на расстановку сил личных тонких фигур членов семьи, игнорируя при этом семейные тонкие фигуры как таковые.

Когда семья видоизменяется, например, кто-либо рождается или умирает, или один из членов семьи женится, приводя молодую жену в дом, то быстро происходит перераспределение инвольтаций семейных тонких фигур, и это тот момент, когда кое-что зависит от участников, которые могут восстать против воли семейного дьявола и частично потеснить его с занимаемых позиций, хотя удается это редко. Дело в том, что борьба с ним на манипурной энергетике (обычной силой) невозможна, здесь требуется смена жизненных позиций семьи, что только и способно его ослабить и ограничить.

Последнее обстоятельство имеет принципиальное значение. Если борьба с личными тонкими фигурами есть фактически борьба за освобождение личной точки сборки, и перемещение ее в область, недоступную для этих фигур, что на содержательном языке означает принятие эволюционно достаточно высоких жизненных позиций человека, то борьба с семейными тонкими фигурами и тем более с семейным дьяволом, помимо других методов (магических и прочих), требует освобождения семейной точки сборки и, соответственно, выработки эволюционно достаточно высоких жизненных позиций семьи в целом, что гораздо труднее, по двум основным причинам. Во-первых, для этого требуется определенный исходный уровень взаимопонимания и согласования действий, ибо всякая семейная рознь и противоречия во взглядах увеличивают силу семейного дьявола; во-вторых, по сложившейся к настоящему времени социальной ситуации, моральные требования к семейному эгрегору в общественном подсознании гораздо ниже, чем к отдельному человеку: семье можно то, что практически запрещено социальному индивиду. Именно, главный эволюционный тормоз — замкнутость на себе и своих проблемах — у семьи (в отличие от отдельного человека) социально разрешается (порой даже поощряется). Это означает, что тонкая семерка семьи имеет мощную прямую инвольтацию от архетипической Королевской Тонкой Семерки семьи, члены которой (Королевский Семейный Дракон, Семейная Большая Свинья и т.д.) имеют гораздо более хищный и неприкрыто-демонический вид, нежели их собратья, составляющие Королевскую тонкую семерку индивида. Особенно неприятный вид имеют архетипические семейные фигуры, соответствующие семейным порокам, поощряемым в данном обществе. Семейные самоутверждение, эгоизм, Мел-

кая суета, ложь, жестокость и паразитизм — семь смертных грехов семьи, говоря языком средних веков — фактически не порицаемы в социуме, который очень любит семью как ячейку общества, где мой дом — моя крепость, и дает проявлениям совершенно одиозных фигур положительные или нейтральные характеристики приблизительно следующего содержания:

Семейный Королевский Дракон — семейная гордость

Семейная Большая Свинья — забота о семье

Семейный Король Торопыга — хочешь жить — умей вертеться

Семейный Желтый Король — «глазами семьи»

Семейный Черный Король — воля семьи

Семейный Большой Змей — семейное процветание

Семейный Серый Король — благополучие семьи — основа благополучия общества.

В результате семейная тонкая семерка имеет значительно более сильную прямую инвольтацию от архетипической Семейной Тонкой Семерки, чем могут предположить члены семьи, обладающие порой личными тонкими семерками скромной величины и наивно экстраполирующими это обстоятельство и на семейный эгрегор. Реально, к сожалению, социум имеет сильное отрицательное влияние на любой семейный эгрегор, и супруги, легкомысленно надеющиеся выстроить семью приблизительно на собственном эволюционном уровне, чаще всего не подозревают, с какими реально силами (и трудностями) им придется столкнуться, и каковы истинные причины возникающих препятствий, коренящиеся на самом деле в низком эволюционном уровне социума в целом и его неадекватных представлениях о семейном эгрегоре в частности. Семья не есть замкнутая ячейка общества: семья это Абсолют в миниатюре, и должна быть раскрыта к миру, а не замкнута от него, что находится (по крайней мере, в настоящее время) в прямой противоположности к установке на этот счет общественного подсознания.

Вообще замкнутость любого эгрегора ведет к появлению в нем паразитов, подобно тому, как в закрытом шкафу с одеждой заводится моль — чего, однако не случается, если его насквозь продувает свежий ветер из окружающего мира. В частности, величина фигур семейной тонкой семерки и сила семейного дьявола находятся в обратном отношении с открытостью семьи, семейного эгрегора и уровню их участия в эволюции окружающего мира. По мнению автора, семейный эгоизм хуже и опаснее личного, поскольку семейный эгрегор

больше и сильнее эгоического; вынести суждение об этническом (национальном) эгоизме автор предоставляет читателю.

***

Основные сюжеты, разыгрываемые в семейной жизни, не остаются, разумеется, не замеченными семейной тонкой семеркой, которая (вместе с семейным дьяволом) пытается принимать в них посильное участие, получая свою долю энергетического потока семьи, и в целом это нормальное положение вещей. Существенные трудности в семье возникают, когда семейные тонкие фигуры вырастают в такой степени, что овладевают волей членов семьи, полностью навязывая им свою волю и свои сюжеты, подсказанные семейным дьяволом. Можно классифицировать и распознавать уровень влияния семейной тонкой семерки на семейный эгрегор в зависимости от величины ее фигур и интенсивности их взаимодействий друг с другом и членами семьи, аналогично тому, как это описано в гл. 1, но здесь автор оставляет читателю полную свободу творчества и интерпретации.

Важные факторы, которыми определяются конкретные влияния семейного проклятия, суть сила семейного дьявола и уровень его сцепления с семейным эгрегором, и если на первое обстоятельство члены семьи влияют в слабой степени, то второе в большой мере определяется их поведением и свободным выбором. Здесь действует один из основных законов тонкого мира; любое взаимодействие происходит при согласии на него всех действующих лиц; в частности, влияние на семью семейного дьявола в конечном счете обусловлено не только его наличием и априорной кармической связью с семьей, но и тем, что семья регулярно пользуется его услугами (неважно, осознает она это или нет). Вообще говоря, у семьи с сильным дьяволом большая реализационная власть; и каждый раз, когда дьявол семьи выполняет ее поручения, возрастает не столько его сила (она определяется многими обстоятельствами), сколько уровень его сцепления с семейным эгрегором и способность прямо влиять на его дела, особенно на семейные (и личные) тонкие фигуры, а также, разумеется, и внешние обстоятельства жизни семьи.

Таким образом, даже имея очень тяжелое проклятие и, соответственно, сильного семейного дьявола, семья, тем не менее, может при желании резко сократить уровень связи с ним и тем самым существенно ограничить его влияние на свои дела, в частности, преодолеть его излюбленные сюжеты, истинная цель которых — оставить семью и каждого ее члена в

полном одиночестве (в идеале — сделать их покорными слугами Гагтунгра) и замкнуть на себя все энергетические каналы семьи, фактически изъяв ее из эволюционного процесса.

По силе семейного дьявола и уровню сцепления с ним можно грубо разделить все семьи на следующие четыре категории, которые, следует заметить, очень плохо понимают друг друга, поскольку магические реальности в них совершенно непохожи.

1. *Благополучная семья* — со слабым семейным дьяволом и слабым сцеплением с ним — это чаще всего гармоничная семья, хорошо социально адаптированная; ее реальность незначительно отличается от общесоциальной, там растут обычные дети и отсутствуют внутренние законы, специфические именно для данной семьи. Другими словами, человек, придя в такой дом, не ощутит ничего особенного — это семья, которая успешно ориентируется на рекламные образцы и часто неуловимо похожа на них всех сразу.

2. *Семья с проблемами или неудачливая семья* — со слабым семейным дьяволом, имеющим, однако, сильное сцепление с семейным эгрегором. В этой семье не происходит особых трагедий, но ей как будто все время какая-то сила вставляет палки в колеса и постоянно вредит самыми разнообразными способами. Что бы ни происходило, оно, кроме редчайших исключений, не пройдет гладко, обязательно случаются неприятности и непредвиденные препятствия. Все дела, которые доводятся до конца, требуют в пять раз более усилий, чем планировалось, причем почему так получается, никто объяснить не может. Внутри семьи, так же как и в ее взаимоотношениях с внешним миром, типичны недоразумения и раздоры вроде бы на пустом месте. Кажется, что семье сильно не хватает удачи, хотя, с другой стороны, особых неудач и потерь тоже вроде бы нет.

3. *Семья с потенциальной угрозой* — семья с сильным дьяволом, но слабым сцеплением с ним. Это очень непростая семья; в атмосфере дома ощущается какая-то неопределенная тяжесть, которая иногда связана с материальными обстоятельствами (например, длительная тяжелая неизлечимая болезнь одного из членов семьи), а иногда с постоянным энергетическим дисбалансом, который, годами постепенно накапливаясь, разрешается в тяжелое несчастье или катастрофу. Характерный сюжет для такой семьи заключается в том, что она выбирает жертву и ее постоянно притесняет, пока та не покончит с собой или, наоборот, получив внезапно

сильную инвольтацию семейного дьявола, не мстит семье за свои многолетние унижения и страдания — скажем, выросший сын хладнокровно убивает тирана-отца. Для таких семей типичны косвенные, но постоянно направляемые в одну сторону этические и энергетические перекосы: сильную инвольтацию в данном случае семейный дьявол осуществить не может и действует, опираясь на принцип «капля камень точит». Опасность для семьи в данном случае заключается в том, что она, как правило, не воспринимает эти перекосы как существенные нарушения или не замечает вовсе. Однако даже «просто» регулярная перегрузка отца семейства в один совсем неожиданный момент может кончиться его тяжелой болезнью (инфаркт в сорок лет) или разводом, если он найдет альтернативный семейному энергетический канал. В таких семьях возможны, однако, совершенно непредвиденные несчастья, скажем, гибель в автомобильной катастрофе ребенка — баловня семьи; такое резкое проявление семейного дьявола, конечно, подготавливалось им на протяжении всей истории этой семьи, и в первую очередь резким энергетическим дисбалансом вокруг этого ребенка: тотальная семейная забота создала ему непроницаемую защиту от всех светлых сил, хранящих его жизнь, и семейный дьявол не упустил первого представившегося случая.

Возможны, конечно, случаи, когда в семье с потенциальной угрозой никаких серьезных бед не происходит — это может быть связано как с правильной жизненной позицией членов семьи, не дающих семейному дьяволу необходимой для его проявления энергии, так и с неблагоприятными для его проявления условиями, и в последнем случае соответствующее ему проклятие ложится на следующее поколение.

4. *Проклятая семья* — семья с сильным дьяволом, хорошо сцепленным с семейным эгрегором. В этой семье царит очень тяжелая атмосфера, и ее магическая реальность сильно искажена; здесь вряд ли встретится хотя бы один член семьи с неизмененной психикой. Эту семью постоянно преследуют различные несчастья, распространяясь и на известное ее окружение, которое, естественно, довольно узко и специфично. Тем не менее, иногда у членов такой семьи хватает мужества и стойкости нести свою тяжелую судьбу, каждый следующий удар которой, начиная с какого-то момента времени, воспринимается как должное. Жизнь в такой семье — тяжелое испытание, но иногда в результате или в течение этой жизни у домочадцев могут быть просветления или озарения; в редчайших случаях семейного дьявола удается отчасти сократить,

но это возможно лишь ценой выработки огромного смирения перед жизнью, и чаще всего, кроме этого требуется прямая поддержка светлых сил. Тем не менее, никакие испытания не даются человеку без надежды их выдержать, и в любом случае борьба с семейным дьяволом идет, независимо от его силы, по одним и тем же правилам: это фактически борьба за управление движением точки сборки семьи, ведущаяся на уровне (осознаваемых или нет) жизненных позиций.

***

Глава 5

Ритуал, роль и миссия,

или

В поисках высокого эгрегора

Для того, чтобы стать самим собой, человеку нужно выдержать довольно жесткую конкуренцию с различными сущностями, которые тоже хотят стать им. Это, к сожалению, вовсе не шутка и не метафора, а точное утверждение, которое, впрочем, нуждается в некоторых комментариях.

В духовной жизни человека есть очень существенный момент, который в различных текстах и учениях обозначается по-разному, например, обретение центрального звена или магнитного центра, или возникновение истинного религиозного чувства, или видение света на пути, или, в терминологии настоящего трактата, установление сознательной связи человека с его кармическим эгрегором, т.е. тем эгрегором, который ведет его по жизни с начала до конца. Когда такая связь установлена, человек обретает центр, истинную почву под ногами, внутренний ориентир, который оказывается довольно надежным, как бы ни складывались внутренние и внешние обстоятельства его жизни. Вокруг этого центра можно начинать интеграцию личности, т.е. формирование ее в виде цельной конструкции, призванной объединить все проявления «я», подчинив их идее служения кармическому эгрегору в тех формах и видах, которые требуются.

Однако обретение прямой связи со своим кармическим эгрегором и последующая интеграция удается человеку далеко не сразу, и перед этим нужно преодолеть немало препятствий. И здесь, как часто бывает, основной сюжет предваряется аналогичными сюжетами, проигрываемыми в сниженном варианте — что, однако, вовсе не обесценивает приобретенный

в них опыт; более того, он становится основой дальнейшего пути, особенно если осмысляется на соответствующем уровне. Поэтому обретение устойчивой связи с любым высоким эгрегором и служение ему могут рассматриваться как репетиция и подготовка к установлению канала прямой связи со своим кармическим эгрегором и последующей интеграции, которые у каждого человека происходят глубоко индивидуально.

Можно сказать по-другому: поиск самого себя успешно продвигается при подключении человека к любому высокому эгрегору и конструктивном взаимодействии с ним. Здесь слово «высокий» означает эгрегор, служение которому связано со стремлением к принципиально недостижимым целям (например, мировая гармония) и существенным элементом самоотречения, т.е. ситуациями, когда не все усилия человека возвращаются к нему лично. Однако это далеко не просто: на пути к любому высокому эгрегору стоят большие препятствия, которые нужно увидеть и преодолеть; другими словами, для того, чтобы стать борцом за счастье человечества или эволюцию Космоса, недостаточно себя таковым объявить, и недостаточно даже энергично приняться за это дело. Следует прямо сказать, что если человеку удастся пронести хотя бы один процент своей энергии и усилий мимо Гагтунгра, то это будет уже большим успехом с его стороны.

Служение любому эгрегору начинается с того момента, когда человек слышит его зов. У каждого эгрегора есть свой отдел рекламы, но заведуют им вовсе не ангелы, а, к сожалению, хорошо знакомые нам тонкие фигуры: чаще всего общее руководство отделом осуществляет эгрегориальный дракон, который является к потребителям лично, но посылает к ним также и прочие фигуры, апеллирующие к человеческому самомнению, эгоизму, лени и т.д.

Вы устали от мирской суеты? Отдел рекламы религиозного эгрегора вышей страны протянет вам руку помощи и перст указующий — чей? Естественно, к вам прибежит эгрегориальный *торопыжка* и затараторит на ухо вашему личному *торопыжке*: «Побежали со мной, у нас *такие* обряды и *такие* тусовки, какие тебе здесь и не снились!»

Вас замучили долг и совесть, вы запутались в жизненных противоречиях и устали от чрезмерного эгоизма? Тот же отдел рекламы шлет вам роскошную *свинью*, ухоженную и украшенную религиозными символами, главный из которых красуется на ее пятачке. «Хрю! — нежно-призывно говорит она вашей *свинье*, — пойдем со мной, в религию и духовность,

там тебе будет спокойно и хорошо. Царство Божие внутри нас, и ты это сразу поймешь, как только станешь *нашим*».

Вы устали от сомнений и неразрешимых философских проблем? Отдел рекламы пришлет вам сразу эгрегориальных *дракона* и *змея*, и эта парочка обработает вас так, что ваши знакомые перестанут узнавать вас на улице.

Даже Великое Уныние (эгрегориальный *серый*) может казаться обольстительным — например, спокойная, тихая, безответственная мелкая философия профанированного буддизма. Зачем стараться и куда-то торопиться — успеем и в следующем воплощении…

Понятно, что служение человека, пришедшего в любой, сколь угодно высокий эгрегор через его отдел рекламы, будет осуществлять через две тонких семерки — эгрегориальную и личную, что в эзотерике хорошо известно и во многих религиозных и мистических школах явно используется: новички и прозелиты эксплуатируются преимущественно на тяжелых работах, не имеющих по видимости прямого отношения к высоким идеалам и целям эгрегора. Поэтому на первой фазе подключения к высокому эгрегору человеку очень важно уловить реакцию своей тонкой семерки на соответствующий канал и по возможности не дать ей к нему подключиться.

Вообще по отношению к каждому человеку Гагтунгр ставит себе следующую цель: отключить его от высокого эгрегора и незаметно подключить к себе через соответствующие жесткие эгрегоры, ему непосредственно подчиненные. Если же человек пытается найти высокий эгрегор и встать на путь служения ему, Гагтунгр всячески стремится предложить человеку свои услуги и эгрегоры, стараясь выдать их за высокие, и здесь человеку нужно быть очень внимательным, так как часто разобраться с первого взгляда нелегко (иначе бы автор не стал писать этот трактат).

Географически положение точки сборки, соответствующее высокому служению, может быть представлено как остроконечная вершина горного хребта, к которой ведет неровный узкий гребень с отвесными стенками. Понятно, что даже небольшой сдвиг точки сборки в сторону как из самой вершины, так и с гребня, ведет к глубокому падению, т.е. резкому снижению уровня служения, и чаще всего это означает рабство у Гагтунгра, поскольку сильные энергии и большие, набранные в служении, потенциалы представляют для него максимальный интерес. При этом Фокерма часто в такой степени отводит глаза упавшему глубоко вниз человеку, что он даже не замечает своего падения, считая, что находится все на той же вершине или переместился на соседнюю. На языке

каналов в эгрегоры такое падение может быть представлено следующим образом: Гагтунгр разрывает канал, связывающий человека с эгрегором, и замыкает разорванные концы на один из своих эгрегоров. После этого человек начинает служить этому эгрегору, т.е. связь теперь идет на него, а энергию, идущую через верхнюю часть канала, жесткий эгрегор профанирует и использует в своих целях. Однако полный разрыв сильного канала в высокий эгрегор — большая удача демона, и случается не так часто; как правило, ему удается лишь проделать в канале отверстие и, во-первых, красть через него часть энергии канала, а во-вторых, транслировать через это отверстие человеку (и высокому эгрегору) свой информационно-энергетический поток, создавая помехи в канале и частично сбивая человека с пути и заставляя его работать на себя.

Для человека, нашедшего свой центр, осознавшего свою связь с кармическим эгрегором, мелкие дырочки в канале высокого служения не особенно страшны — у него есть прочный духовный стержень, и легкое дрожание точки сборки ему не угрожает — на его вершине имеется небольшая ровная площадка, и он чувствует себя на ней довольно уверенно. Такой человек боится землетрясения или сильной бури, прямой атаки Гагтунгра, которая сметет его пик целиком — это означает полный разрыв высокого канала. Наоборот, для человека, не нашедшего твердой духовной почвы под ногами (устойчивого канала в высокий эгрегор) и карабкающегося по гребню, даже небольшие сдвиги точки сборки в сторону опасны — тогда он соскальзывает по отвесному склону вниз, хотя, конечно, не сразу в глубокую пропасть. Тем не менее, регулярные срывы вниз человека, не обретшего устойчивой веры, могут привести в отчаяние — что, собственно, и является одной из целей Фокермы или Урпарпа, ибо отчаявшийся человек — их добыча. Человек, идущий по гребню, т.е. еще только ищущий свой центр, имеет слабый и неустойчивый канал служения, для которого опасны любые пробоины (в том числе и мелкие), так как они резко нарушают настройку на высокое служение и грозят опасностью полного захвата канала жестким эгрегором; последнее, однако, вовсе не является для этого человека катастрофой, так как он соскальзывает по гребню не очень далеко вниз и может снова начинать восхождение, может быть, более удобным для себя путем или в более подходящее время. Это связано с тем, что человек ищущий работает в основном на личной энергетике, а человек с устойчивым каналом в сильный эгрегор при потере этого канала теряет очень многое — это похоже на биржевой крах, когда

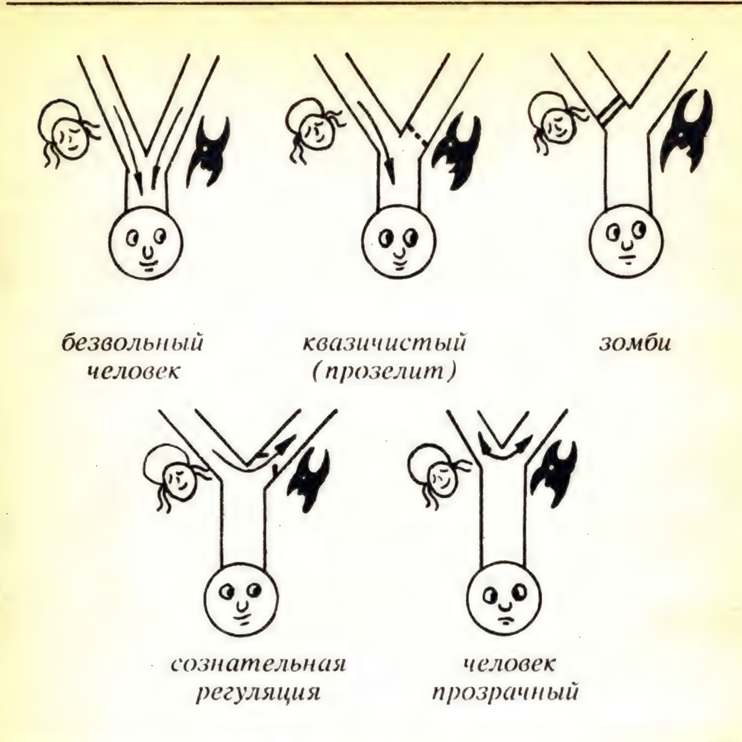
миллионер лишается своего состояния, а его клерк — только места работы.

Таким образом, у людей, нашедших семя, истинно верующих и высоко духовных, свои проблемы, сильно отличащиеся от прочих людей, и автор, отметив это важное обстоятельство, обращает свой мысленный взор в сторону остальных, уже идущих по гребню, но еще не дошедших до вершины с плоской площадкой, на которой можно установить палатку и относительно спокойно переночевать.

Ритуал.

Вообще установить связь с высоким эгрегором трудно; для этого нужна большая подготовительная работа, которую приходится как-то организовывать в пространстве и во времени; одним из эффективных способов такой организации являются ритуалы. Ритуалы хороши также для внешнего оформления сеансов связи с высоким эгрегором, когда канал уже есть, но это качественно иной вид ритуалов, который рассматривается в следующей главе (ритуал *работы*). Здесь же автор обсуждает *ритуалы настройки*, цель которых — установление связи с высоким эгрегором, т.е. установление точки сборки в *соответствующее ему положение.*

Понятно, что такая настройка — очень ответственное занятие, привлекающее самое пристальное внимание Гагтунгра, который стремится чуть-чуть сбить эту настройку и получить индивидуальный канал человека в свое распоряжение. Однако этого ему недостаточно, так как его целью является полный захват власти не только над всеми людьми, но и контроль над всеми эгрегорами. Поэтому Гагтунгр стремится не замкнуть канал человека на себя полностью, но его как бы раздвоить, превратив человека в послушного своей воле шпиона в высоком эгрегоре, частичную связь с которым он обычно человеку оставляет (исключая редкие случаи полного околдования, или зомбирования, подлежащие клиническому духовному лечению — экзорсизму). Человек, таким образом, становится в двусмысленное положение двойного антагонистического подчинения высокому и жесткому эгрегорам одновременно, и различить их влияния ему удается не всегда, да это от него не требуется. Реально выбор между добром и злом совершается на уровне жизненных позиций (а не конкретных поступков), и в зависимости от этого выбора человек ставит в себе (точнее, в месте разветвления своего канала) определенный фильтр или заслонку, который регулирует информаци-

онно-энергетический поток между высоким и жестким эгрегорами.

Человек безвольный (мятущийся) не ставит в канале никакого фильтра, в результате чего на нем происходит постоянное сражение этих двух эгрегоров, и в каждую данную минуту он служит тому, кто сейчас сильнее и контролирует канал.

Человек, сделавший наивный жесткий выбор в сторону высокого эгрегора — *прозелит*, или квазичистый, ставит, насколько может, прочную заслонку к жесткому эгрегору, но последний ее время от времени взламывает и выдает прозелиту такой квант грязи, что тот должен долго отмываться и с большим трудом и муками налаживать новую заслонку и новый замок — в (тщетной) надежде, что уж они-то не подведут. Однако эта грязь ядовита не только для самого человека,но и для высокого эгрегора, и он несколько сужает свой канал к прозелиту, чтобы не отравиться. (Наоборот, для жесткого эгрегора ядовиты высокие вибрации энергетического потока, идущего от человека с низким внутренним ритмом и возвышенного в целом).

Человек (эволюционно) *сознательный* старается регулировать идущие через него потоки, пропуская тонкие вибрации высокого эгрегора через себя в жесткий, но не давая грубой энергетике жесткого эгрегора проникать в высокий.

На высоком уровне *человек прозрачный* устанавливает широкие каналы связи с высоким и жестким эгрегорами с каждым отдельно, после чего замыкает их друг на друга, говоря: «Разбирайтесь сами!» Это требует, однако, уровня очень большой чистоты, т.е. прозрачности для низких энергий, иначе в последующей схватке между эгрегорами они разнесут его в клочья.

Человек, таким образом, выступает в роли посредника, дипломата, устанавливающего связь между эгрегорами. Сам по себе этот момент с эволюционной точки зрения может рассматриваться как положительный, во всяком случае оба эгрегора (и высокий и жесткий) к такому контакту и установлению устойчивой связи стремятся, хотя и с несколько разными целями. От человека зависит уровень глубины и конструктивности взаимодействия и в какой-то мере и его результаты, т.е. новая структура тонкого мира.

Здесь важно понимать, что обмен информацией и энергией между эгрегорами, хотя идет и через человека, но по большей части не регистрируется ни его сознанием, ни чувствами, и это не входит в его обязанности. Реально он управляет лишь своим состоянием (эмоциональным и ментальным) и вниманием, т.е. положением точки сборки, и именно от этого зависит положение и характер описанных выше заслонок и фильтров в каналах связи. Ясно, что тонкая семерка заинтересована в том, чтобы помешать человеку установить адекватные связи и взаимодействие с эгрегорами, и пускается на самые разнообразные штуки для того, чтобы с помощью его индивидуальной энергетики ослабить высокий эгрегор, его загрязнить и хотя бы частично подчинить влиянию жесткого и в конечном счете Гагтунгра. Наоборот, укротив свою тонкую семерку, человек может помочь высокому эгрегору в его сражении с жестким, выражающемся в высветлении последнего (т.е. переводе его на более высокие вибрации) и выводя из-под тотальной власти Гагтунгра (понятно, что частичную власть планетарный демон имеет над любым земным эгрегором).

Теперь рассмотрим более подробно, как именно тонкая семерка мешает человеку искать высокий эгрегор и подключаться к нему и правильно регулировать информационно-энергетические потоки вокруг высокого канала связи.

Подготовительный период.

Подключение человека к высокому эгрегору готовится довольно долго; обычно уже за год до момента первого знакомства начинаются определенные процессы как в жизни человека, так и в эгрегоре: тот и другой готовятся к встрече. В гармоническом варианте человек ощущает некоторую неопределенную тягу, которая постепенно переходит в любовь, например, к тому или другому роду деятельности; в сложных случаях человека обуревает беспокойство или охватывает депрессия, и он начинает метаться или тихо умирать (иногда с явными попытками самоубийства), совершенно не понимая, в чем дело.

Единственное, в чем нельзя упрекнуть Гагтунгра (равно, впрочем, и эволюционный процесс), это в последовательности. Иногда кажется, что он просто-напросто рубит сук, на котором (которых) сидит, и в каком-то смысле это так и есть. Он пытается мешать эволюции человека на всех этапах, проверяя устойчивость каждого вновь освоенного положения точки сборки, грубо заставляя или нежно уговаривая ее соскользнуть чуть-чуть вбок, самую малость — так будет гораздо удобнее, уверяю вас...

Подготавливая человека к первой встрече с собой, высокий эгрегор проводит с ним определенную работу, смысл которой заключается в создании предварительной настройки, с помощью которой человек в момент встречи поймет, что происходит что-то существенное для него, и сможет ориентироваться в ситуации выбора. Эта настройка происходит на всех телах, в частности, ментальном, астральном и эфирном, т.е. эгрегор готовит человека умственно (рационально), эмоционально и энергетически, и, конечно, тонкая семерка не оставляет эти изменения без внимания и пытается, пользуясь случаем, сместить точку сборки в своем направлении. В зависимости от конкретных обстоятельств это может выглядеть по-разному.

Дракон, естественно, приписывает все положительные изменения себе («сколь я велик»), но его поведение неоднозначно: поисковая голова вытягивается вперед, тщательно отслеживая все происходящее, закомплексованная (восхищающаяся снизу) голова, видя отпадающие интересы и уходящие возможности человека, в слезах шепчет: «Я ни на что не гожусь, я всегда это знал(а)» — и с надеждой смотрит на высоко поднятую гордую голову, которая, как всегда, полна собой, своей значимостью и готовностью сожрать любой поворот темы и предложение со словами «Я еще и не то могу», в резуль-

тате чего человек лишается возможности актуально сделать или подготовиться к чему-либо.

Свинья пытается слопать все новые энергетические (а также информационные) потоки, также лишая человека возможности их адекватно воспринять, внутренне на что-то настроиться и перемениться, и отчаянно капризничает (против любых сущностных перемен свинья возражает принципиально, т.к. они связаны с энергетическими затратами).

Торопыжка кричит «Ура! Скорей! Хватай!» и превращает события и информацию в немыслимый хаотический поток, понять в котором что-либо просто немыслимо.

Желтый стремится исказить предварительную настройку так, чтобы подключение к высокому эгрегору происходило, во-первых, не там и не так как это планируется, а во-вторых, с отводящим каналом к одному из жестких эгрегоров Гагтунгра. Например, юноша начинает временами испытывать тягу к музыке или астрологии, а *желтый* склоняет его мысли в сторону финансового аспекта этих высоких профессий.

Черный ужесточает восприятие обстоятельств, поселяя в человеке страх и неуверенность; в ситуациях энергетического подъема он, наоборот, старается переключить инвольтацию на себя, вырастает в размерах, так что человек чувствует себя сильным и смелым и настраивается на получение силы и прямого могущества, что, конечно, не соответствует программе высокого эгрегора, который, наоборот, ждет от человека вначале тонкости и чуткости.

Змей, как обычно, превращает происходящее в веселую циничную игру, лишая человека возможности ощутить тонкости происходящего, да и просто сосредоточиться. Кроме того, в ответственных ситуациях *змей*, плотно обвившись вокруг человека, может вызвать у него чувство сильнейшей неадекватности и смущения, не давая ни понять, что, собственно, происходит, ни естественно отреагировать. Понятно, что говорить о какой-либо настройке здесь не приходится (например, проблемы актерского призвания).

Серый, естественно, ни во что не верит, пока оно не произойдет (да и потом, честно говоря, тоже), и все равно ничего *хорошего* точно произойти не может, так что чего стараться-то? Сильный *серый* может иногда съесть все положительные энергетические импульсы высокого эгрегора, так что у человека возникнет к моменту встречи с ним устойчивый депрессивный рефлекс, что не способствует развитию отношений.

Встреча.

Первый прямой контакт человека с высоким эгрегором очень важен для дальнейшего хода их взаимоотношений, и, конечно, здесь тонкая семерка делает все, чтобы исказить этот контакт или, по крайней мере, впоследствии влезть в устанавливающийся высокий канал связи, переключив его на себя хотя бы частично, т.е. создает отводной канал к одному из жестких эгрегоров Гагтунгра. И здесь, как и всегда, тонкая семерка непоследовательна, как и ее главный идеолог: с одной стороны, она пытается нарушить контакт, а с другой — в нем заинтересована, так как он обещает новый приток энергии, которую однако, так просто не съешь, и нужно заставить человека сместить точку сборки, т.е. самого спрофанировать информационно-энергетический поток. Первая встреча с высоким эгрегором может произойти как в непосредственной связи с внешними событиями (мальчик попадает на симфонический концерт), так и без них (спонтанное проявление религиозного чувства). Тонкая семерка в обоих случаях пытается переключить открывающийся канал на себя, а если это не получается — перекрыть его вовсе, уведя точку сборки человека за пределы восприятия эгрегора. Вот некоторые примеры того, как это делается.

Дракон старается представить дело так, как будто ничего особенного не происходит — попался очередной случай утвердиться в собственном величии: «А что? Со мной и не такое случалось, я и не этого заслуживаю».

Свинья раскрывает пасть пошире, толкает человека вбок и говорит: «Посмотри, как вкусно, но я почему-то не могу дотянуться, помоги чуть-чуть».

Торопыжка начинает суетиться и растаскивать впечатление по кускам, дробя и рассеивая единый плотный поток на капли, а каждая капля сама по себе недостаточна для подключения к высокому эгрегору, зато представляет, как и любая энергетическая сущность, интерес для Гагтунгра.

Желтый пытается подключиться к медитации и увести ее куда-нибудь в свои пределы — это один из самых опасных врагов контакта, и чаще всего ему удается сдвинуть точку сборки человеку в позицию смешанного служения и высокому и жесткому эгрегорам.

Черный старается перевести точку сборки в область жестких вибраций силы (или страха): например, вопрос ставится им так: все это хорошо, но что дает тебе этот контакт в отношении укрепления твоей безопасности?

Змей, отчаянно извиваясь, в восторге профанирует высокое всеми доступными ему способами, искушая человека смеяться (а лучше глумиться) там, где ему необходимо сосредоточенно-серьезное или возвышенное настроение. (Вообще основной метод борьбы со змеем — выработка в себе тонкого чувства меры).

Серый говорит одно слово: «Неубедительно», или «ну и что?» и хотя на самом деле более чем убедительно и очень даже «что», через некоторое время человек начинает сомневаться в происшедшем, и самое яркое переживание превращается как бы в иллюзорное.

Но вот высокий эгрегор идентифицирован, и человек начинает ему служить. Это, впрочем, сильно сказано: скорее человек начинает регулярно пытаться выходить на связь с высоким эгрегором, так что иногда это у него получается, а чаще — нет, и понять точную закономерность человек не в силах. Однако любое повторяющееся действие обращает на себя внимание подсознания, которое вырабатывает соответствующую программу, и процедура подключения превращается в некоторое отчасти рутинное действие, своего рода ритуал, но он, однако, не всегда приводит к желаемому результату, переживаемому как минута (или час) вдохновения, творчества, экстаза и т.д. В чем же причина препятствий и срывов?

Прежде всего, существуют объективные, не зависящие от людей и эгрегоров космические ритмы, сводящие и разводящие тех и других, так что в неблагоприятное время и в неблагоприятных обстоятельствах контакт может быть просто невозможен: при попытке подключения человек слышит сигнал «занято» или длинные гудки — эгрегор не снимает трубки. (В скобках следует заметить, что если продолжить настаивать, то в телефонной сети произойдет сбой, и трубку снимет уже совершенно другой эгрегор, который очень обрадуется звонку, но и не подумает признаваться, что человек попал не туда). Но даже если установление связи возможно, есть различные силы, которые определенно препятствуют ее установлению, создают в канале помехи и пытаются подключить канал на себя.

Вообще нужно сказать, что тонкая семерка заинтересована в каждом ритуале, свойственном человеку, поскольку любой ритуал идет на некотором энергетическом потоке, который тонкие фигуры стремятся оприходовать и использовать для своих сатанинских забав и игрищ. Более того, они считают, что ритуал — это их естественная собственность, и дейст-

вительно, он становится легкой добычей Гагтунгра как только начинает утрачивать свой основной, но тонкий смысл — обеспечение прямой связи с высоким эгрегором. Эта легкость подчинения ритуала планетарному демону связана с тем, что ритуал как повторяющаяся последовательность действий неизбежно апеллирует к некоторой жесткой структуре в тонком мире, и как только церемониймейстер теряет духовность или бдительность, эта жесткая структура замыкается, т.е. теряет канал вверх, и его тут же подбирает Великий Управитель жестких эгрегоров Урпарп. Тогда ритуал теряет свое возвышенное значение и получает совершенно иное содержание: теперь он обеспечивает связь между тонкой семеркой человека и труднодоступным жестким эгрегором. Такие ритуалы (их естественно называть черными) фактически ведут сами фигуры тонкой семерки, подчиняя себе в это время волю, чувства и сознание человека, и в результате ритуала они получают сильную инвольтацию от архетипических фигур — энергетическую, а от жесткого эгрегора — информационную; иначе говоря, определенную силу и программу действий, которую должны совершить на полученной энергетике.

В качестве примера рассмотрим ритуал поста, распространенный во многих конфессиях. По идее основная цель поста — очищение плотного и всех тонких тел человека и настройка его на высшие, наиболее духовные вибрации соответствующего религиозного эгрегора; кроме того, одной из важных задач поста является духовное объединение больших коллективов верующих, своеобразная высокая групповая медитация далеко за пределами обычных мирских интересов и устремлений. Что же происходит во время поста с тонкой семеркой? Ее главная цель — сбить высокую медитацию, которая действительно начинается в связи с естественным очищением физического тела, понизив ее вибрации до съедобного уровня. При этом можно различать два варианта поведения тонкой семерки постящегося, в зависимости от того, способен он довести пост до конца или нет.

Итак, начинается пост. Немедленно поднимается неимоверно довольная собой гордая голова *дракона* и самодовольно произносит: «Все видят, сколь я мужественен, духовен и вообще прекрасен в своей решимости подвергнуться самой невероятной аскезе, жертвуя низким ради высокого и не обращая никакого внимания на неимоверные страдания бренной, но грешной своей плоти?» Одновременно видно, как выросший существенно выше хозяина *черный*, вооружившись толстой палкой, отгоняет отчаянно визжащую *свинью* от семейного холодильника с разнообразными недозволенными припаса-

ми. *Свинья* воет от боли и страха смерти, худеет и на глазах уменьшается в размерах или кормится малосъедобной, но разрешенной *черным* пищей, употребляя ее зато в чрезвычайных количествах, так что к концу поста иногда откармливается пуще прежнего. Если *свинья* действительно худеет, она делается щетинистой, агрессивной и очень подвижной, и наверстывает свое сразу после окончания поста. *Желтый* может вести себя по-разному: например, он может, объединившись с *торопыжкой*, быстро бегать по магазинам и покупать еду в запас или любовно и тщательно отбирать постные продукты и уводить человека в разные страны и миры, где постов нет, зато много разрешенной говядины и свинины — вплоть до голодных галлюцинаций. *Змей* делает вид, что все происходящее — замечательная хохма, и главное — не упустить случая славно повеселиться над религиозностью человека в целом, идеей Бога и поста вообще, историей мирового Постного общества (которое на месте придумает и организует) и т.д.; можно не сомневаться, что он изобразит черта, поджаривающего в аду баранью котлету вместе с постником, ее в жизни поедавшим, словом, поводов для смеха будет сколько угодно. Однако *серому* все это кажется вовсе не смешным: «А скоро ты потеряешь и последний остаток сил», — заявит он, и человек погрузится в глубокую тоску, так как физические силы могут действительно начать убывать. Вот тут уже *змей* вернется и материализует настоящий пищевой (или сексуальный) соблазн — и не исключено, что пост сорвется столь же решительно, сколь начинался.

Если пост заканчивается успешно (т.е. диета соблюдена), то *дракон* неимоверно раздувается, не в последнюю очередь откормившись на вибрациях очищенного физического тела, *свинья* быстро отъедается до исходной (или чуть большей) величины в течение недели... читатель может довести описание до конца сам, а то автору кажется, что читательская *свинья* уже заинтересованно навострила ушки, хотя, конечно, возможно, что это лишь галлюцинация, наведенная авторским *желтым*. Если пост срывается, *свинья*, небрежно отшвырнув *черного* в сторону, победоносно откармливается, а *дракон* сокращает в размерах свою гордую голову, закрывает ее глаза желтым туманом и активизирует закомплексованную голову, которая начинает активно кормить его самоуничижением хозяина перед братьями и сестрами по вере.

Однако печальнее всего то, что эти эффекты идут как групповая медитация, и в результате Большой Дракон, Большая Свинья и Желтый Король, не говоря о прочих членах

Королевской семерки, получают не только колоссальную инвольтацию и доступ в религиозный эгрегор, но и дополнительные каналы для инвольтации личных тонких семерок верующих. Например, Желтому Королю гораздо легче инвольтировать *желтого* у человека, регулярно неправедно постящегося и обманывающего себя относительно истинного смысла своих постов, то же относится и к остальным тонким фигурам.

Проблемы человека, только нащупывающего контакт с высоким эгрегором, сильно отличаются от проблем мастера, у которого соответствующий канал устойчив, хорошо проработан и не боится случайных помех. Например, мастер может при случае слегка подкормить за счет своего канала кого-то из членов своей тонкой семерки, и ничего особенно плохого из этого не проистечет. Однако у человека ищущего ситуация совсем иная, и здесь ему ни в коем случае не следует равняться на мастера, так как некоторые ошибки и неправильные установки обходятся первому гораздо дороже.

В частности, для прозелита очень важно поведение *после* успешного сеанса связи с высоким эгрегором, во время которого вся тонкая семерка резко сокращается в размерах и сидит тихая, как мышь — сейчас точка сборки находится в недоступном для нее положении, а энергетический поток для нее откровенно ядовит и разрушителен. Но вот сеанс связи (минута истинного вдохновения, например, или особо просветленное состояние во время молитвы) прошел, точка сборки возвращена в более-менее обычное состояние, и тонкая семерка немедленно вступает в борьбу за нее: во-первых нужно растащить полученную сверху энергию, уже частично переваренную самим человеком и потому съедобную (а может быть, и лакомую), а во-вторых, нужно постараться не дать человеку запомнить достигнутое положение точки сборки, а вместо него предложить местечко по соседству, чуть-чуть потеплее и поуютнее; чтобы все-таки не совсем прямо в открытом космосе чистой духовности, где -273° по Цельсию, а воздуха нет совсем.

Дракона просто распирает от гордости собой. — Ай да я! — восклицает он, — где был и что сделал! Надо срочно всем рассказать — то-то они восхитятся! К сожалению, эти рассказы *дракона* ведут к быстрой потере личной энергии человека и часто нескромны — высокий эгрегор имеет свои грифы секретности, которые нужно долго учиться чувствовать и не нарушать.

Свинья переполнена новыми ощущениями. — Давай попробуем еще, еще и еще! — говорит она, и человек часто, попадаясь на эту провокацию, пытается выйти на связь в совершенно неподходящий момент. В лучшем случае он просто теряет энергию, в худшем — устанавливает связь с жестким эгрегором, путая его с высоким.

Торопыжка начинает суетливую возню вокруг человека, которому по-хорошему надо бы посидеть еще некоторое время в тишине, подумать, почувствовать, прислушаться к своим ощущениям и новому состоянию, чтобы все это пережить и запомнить; *торопыжка* же тащит его куда угодно, лишь бы увеличить внутренний ритм и не дать медитации пройти до конца.

Желтый незаметно уводит медитацию в сторону и предлагает человеку на выбор еще десять миров и двадцать эмоциональных состояний, лишь бы отодвинуть точку сборки из столь неприятной для него области честности и истинности происходящего. Он также пытается посеять сомнения в душе человека: «А уверен ли ты в себе и своих результатах? А где критерии истинности того, что ты увидел, почувствовал и сделал? Может, ты был в объятиях Фокермы, но просто этого не заметил, а?»

Действительно, человек ищущий никогда не уверен в себе, но он и не должен к этому стремиться. Мастер уверен в своем канале, но насколько он в самом деле окажется нужным людям и эволюции, будет судить следующее поколение. Вообще уверенность в себе или есть, или ее нет, и еще неизвестно, что здесь лучше или хуже, но в любом случае к ней не следует сознательно и непосредственно стремиться — она приходит сама как дар высокого эгрегора, знак подтверждения качества служения ему человеку.

Черный пытается ощутить непосредственную силу (иногда это ему удается) и очень непрочь кому-нибудь ее продемонстрировать, а это астрально-уголовно наказуемо, т.е. ведет к неприятным инцидентам и потере энергии — искушение агрессивности начинающего творца.

Змей откровенно смеется над высокими переживаниями человека, и главное — не начинать доказывать ему их достоинство, на что *змей* в глубине души надеется — вот тогда он развернется во весь рост и красоту, изобразит Нострадамуса, Якоба Беме и Рамакришну, а также Маркса с Энгельсом, записывающих откровение «Коммунистического манифеста», исходящее непосредственно от Бога Яхве...

Серый, в виде исключения, проявит недюжинную энергию и будет изо всех своих серых сил убеждать человека в

том, что ни в чем нельзя быть уверенным, что все графоманы абсолютно убеждены в своей гениальности, а маньяки — в том, что они Наполеоны. *Серый* потребует, чтобы человек доказал ему, что высокая медитация высока, и если пойти у него на поводу, подвергнет сомнениям на всякий случай всю жизнь человека, начиная с пеленок или даже предшествующих поколений (воплощений). Вообще активность *серого* — верный показатель высоты и нестандартности открывающегося канала. Чем активнее он говорит человеку, что все, что он (человек) сделал, делает и будет делать когда-либо, никому не нужно, тем, значит, менее уверенно *серый* себя чувствует. Наоборот, отсутствие активности *серого* после трудно найденного сеанса связи с высоким эгрегором — весьма подозрительный знак. (Здесь автор не имеет в виду сильных тотальных прорывов в высокие эгрегоры уровня самадхи или настоящих Божественных видений, в истинности которых у человека не остается ни малейших сомнений и энергией которых он может впоследствии жить много лет — но это дано немногим).

Миссия и роль.

Следующий способ поиска высокого эгрегора это взятие на себя определенной роли, внешней или внутренней (чаще обеих сразу), например, роли послушного (прилежного) ученика высокой дисциплины или искусства. По идее проработанная роль может превратиться в миссию, т.е. интенсивное служение высокому эгрегору, захватывающее жизнь человека почти целиком; однако на пути осознания и включения миссии есть много подводных камней, так как Гагтунгр всегда стремится воспрепятствовать осознанию и исполнению человеком его миссии, а в идеале — навязать ему взамен свою, черную.

Вообще распределение ролей в жизни человека очень ответственно и, как ему кажется, мало от него зависит. Большинство людей с энтузиазмом живет в одной-двух ипостасях и тихо ненавидит остальные, стараясь в них побыстрее отбыть время, как-нибудь отхалтурить положенное задание и поскорее переключиться на более приятную и соответствующую роль. Однако с точки зрения кармического эгрегора халтура неприемлема ни в какой роли: каждая из них дается человеку как инструмент, который должен быть освоен, каким бы неуклюжим он ни казался вначале. Подготовка к исполнению миссии, т.е. интенсивному служению высокому эгрегору также в большой мере заключена в тщательном освоении некото-

рых ролей, в которых человеку придется выступать, и было бы совершенно неправильно представлять себе лишь роли пылкого трибуна или умелого полководца — жизнь и служение часто требуют отработки гораздо более богатого ассортимента ситуаций в целом калейдоскопе разнообразных ролей, поэтому подготовка к миссии нередко занимает долгие годы.

Вхождение в роль означает сдвиг точки сборки в совершенно определенное положение, и человеку важно понимать, к какому эгрегору оно относится. Муж, устраивающий жене сцену ревности в домашних условиях, служит семейному эгрегору и отчасти Гагтунгру; он отличается от актера, разыгрывающего сцену ревности на подмостках и служащего при этом эгрегору Театральных Мистерий, способному освещать и материализовывать архетипические сюжеты тонкой кармы, так что зритель ощущает себя в зале (а потом и в собственной жизни) не участником заурядной склоки тонких семерок, а фрагментом воплощения Великого Замысла, сотворившего проявленный мир.

Итак, любая устойчиво исполняемая роль всегда есть служение некоторому эгрегору — или нескольким сразу, и расстановку акцентов определяет сам человек, хотя, конечно, многие роли навязаны ему социумом достаточно жестко (например, это роли Ребенка, а затем Отца или Матери, Подчиненного, Покупателя, Пешехода или Водителя Транспортного Средства и т.п.). Наивный человек воспринимает роли как более или менее соответствующие его личности или «я», как он его понимает (роль «по душе» или «не по душе»), не понимая того, что с точки зрения высокого эгрегора «личности» не существует, а есть более или менее удачные проводники информационно-энергетического потока (как ни обидно это звучит), и качество человека как проводника в очень большой степени зависит от его совершенства в исполнении определенных существенных для его эгрегора ролей. Тонкость заключается в том, что в рамках одной и той же роли, даже жестко навязанной плотной кармой, можно размещать точку сборки очень по-разному, и соответственно служить как одним, так и другим эгрегорам, а также метаться от одного к другому и обратно, и здесь есть большое поле для различных самообманов и, разумеется поведение в двух типах ситуаций: выбора роли и поведения внутри роли.

Выбор роли.

Вообще тонкая семерка глубоко убеждена в том, что все роли, которые берет на себя человек — ее, т.е. должны испол-

няться одним из ее членов. Поэтому нередко ситуации ролевого выбора фактически заключаются в том, что человек (будучи, как ему кажется, совершенно свободным) выбирает, кто именно из тонкой семерки сейчас получит главную инвольтацию, выйдет вперед и поведет ситуацию: *дракон* или *свинья*, *черный* или *торопыжка*, и т.п.; иногда выходят сразу несколько фигур (чаще всего вместе со *змеем*) и устраивают такой спектакль, что человека хочется немедленно поместить в кунсткамеру. Такое поведение чрезвычайно типично для психологических игр с динамической сменой ипостасей «я» по Э.Берну: Ребенка часто представляет *свинья*, *торопыжка* и *змей*, Родителя — *дракон* и *черный*, Взрослого — *желтый* и *серый*. Вот характерный пример поведения, которое может привести в отчаяние кого угодно из близких.

Сначала вперед выступает *серый*: человек принимает ипостась уставшего от жизни Взрослого и подробно (и безнадежно) перечисляет свои жизненные трудности, начисто высасывая энергию из окружающих, которые покрываются толстым слоем серого тумана. Наконец, не выдержав атаки *серого*, кто-то из членов семьи выпускает вперед своего *черного*, который дает энергичный антитезис *серому*, проецируя вину на самого человека. Тогда *серый* моментально исчезает из виду, человек принимает ипостась Ребенка (обиженного), а на сцене возникает крайне несчастная, истекающая кровью *свинья*, которая жалобно хнычет: «Никто из вас меня не понимает и никогда — с самого детства — не понимал!» Вынести это зрелище домочадцам трудно, они начинают утешать Ребенка и кормить *свинью*; она быстро восстанавливает силы и широко открывает пасть в ожидании дальнейшей пищи. Однако долго кормить *свинью* трудно, Ребенок начинает капризничать, и наконец кто-то из членов семьи предлагает *свинье* слегка сократиться. Человек немедленно превращается в Родителя, *свинья* исчезает, а на ее месте оказывается хорошо инвольтированный *черный* с кольтом в руке и расстреливает домочадцев в упор: «Я всегда знал, что с вами нельзя быть искренним!» Семья посрамлена, *змей* выходит вперед, раскланивается и собирает невидимые цветы и аплодисменты.

Переходя к конкретному описанию искушений тонкой семерки в момент выбора человеком своей роли, автор подчеркивает, что эти моменты играют в жизни человека принципиальную роль — именно в результате мелких, более или менее правильных ежедневных выборов складывается его судьба, и повлиять на нее одним (сколь угодно мощным) ударом практически невозможно: плотные (видимые) обстоя-

тельства все равно быстро принимают форму, предназначенную для воплощения сюжетов тонкой кармы, развязывать ажурное плетение которой можно только по одной ниточке.

Понятно, что у каждой из тонких фигур есть свои любимые роли, и они будут склонять человека каждый к своей, так что иной раз (особенно у людей неразвитых) можно наблюдать настоящие сражения, например, между *драконом* и *свиньей* за лидерство в определенной ситуации; однако не нужно думать, что в драках и междоусобицах тонкая семерка теряет силы: на самом деле они отнимаются у человека, подобно тому, как суд существует на деньги клиентов, оспаривающих друг у друга права на наследство. Даже в ситуациях реальной борьбы, например, между *черным* и *свиньей* (аскетические устремления) энергию теряет сам человек, а суммарная инвольтация и сила тонкой семерки возрастают (например, увеличиваются в размерах *дракон* и *черный*). Но сама по себе конфликтная ситуация в тонкой семерке (чаще всего это лишь спектакль, искусно дирижируемый *змеем*, и слезы, клыки, искры, кровь и дым во взаимных отношениях — чистая бутафория) отвлекает человека от служения высокому эгрегору, поскольку любое серьезное прямое внимание, обращенное на тонкую семерку, и участие человека в ее жизни, уже означает ее инвольтацию и служение Гагтунгру.

Однако чаще всего разногласия в тонкой семерке все же не возникает или они быстро улаживаются, и на каждую роль обычно претендует один из ее членов.

Дракон любит роли ответственные и всем видимые, например, руководителя любой ситуации. — Кто, как не я, имеет достаточный опыт и вес для того, чтобы взять на себя весь груз ответственности за себя и других, на кого еще люди могут надежно положиться, вверив свои сокровенные мечты и чаяния? Уж я-то не подведу, такой большой, красивый и справедливо уверенный в себе.

Цель *дракона* — сместить точку сборки человека так, чтобы полностью закрыть ему глаза на реальное положение вещей, создав ситуацию потока максимального всеобщего послушания, преклонения и восхищения. Разумеется, это дает, мягко говоря, некритичное видение себя в ситуации, что может привести через некоторое время к полному провалу. Но *дракона* это нисколько не смущает. Он умеет получать энергию в позиции точки сборки, соответствующей унижению (тому самому, которое паче гордости: в этот момент активизируется его нижняя (закомплексованная) голова и с жадностью хватает энергию брани, упреков и тотального развенча-

ния, бормоча при этом: «Да, я всегда это знала! Никуда не гожусь, ничего не могу, и никогда не смогу, и пусть *весь мир* про это узнает». Публичный позор на весь свет — лучшая пища для этой головы, и *дракон*, пожрав энергию соответствующего гневно-презрительного внимания, может возрасти в величине чрезвычайно (*дракон* нищего, королевы в изгнании или советского интеллигента эпохи застоя).

Свинья предлагает человеку расслабиться и спокойно потребить все, что без натуги предлагает текущая ситуация. Ее аргументация в пользу Потребителя крайне проста: «Ты много работал и потому устал. Всех дел не переделаешь, а сегодня, как раз именно вот сейчас, подворачивается удобнейший случай, никому не повредив! — немного релаксироваться и восстановить равновесие измученного тела и души с окружающей средой... смотри, какие здесь бабочки летают!» В обществе *свинья* любит взять на себя сочувствующе-помогающую роль *свиньи*-искусительницы, цель которой — инвольтация *свиньи* психологического пациента. Например, любимой подруге, которая никак не выйдет замуж, очень хорошо сказать примерно следующее:: «Конечно, кому ты такая драная кошка нужна! Посмотри на себя в зеркало, совсем на работе извелась, возьми отпуск, приведи себя в порядок, поешь фруктов у какого-нибудь моря потеплее»...

Цель *свиньи* — замыкание на себя всех энергетических каналов человека, но не все виды энергии для нее съедобны; поэтому она старается подыскать человеку такой способ поведения, при котором хотя бы частичная забота о ней проявлялась бы у него постоянно, что часто закладывается социумом в жизненную позицию: «Человек создан для счастья. Все, что делается истинно, делается легко. Естественность и радость — критерии правильности жизни» и т.п. установки принадлежат (в их вульгарной интерпретации) Большой Свинье и первоначально заложены в подсознание каждого члена социума, и действуют на него, пока он их не обнаружит и не скорректирует.

Однако корректировать свои *свиные* роли нужно очень аккуратно, так как здесь допустим (и требуется) небольшой, но точный сдвиг точки сборки: не гнать ее с помощью *черного* (например, включая жесткое чувство долга или нелюбви к самому себе), а слегка расширяя сферу восприятия, включая в нее интересы окружающего мира, отчего *свинья* естественным образом худеет, скромнеет и перестает рваться на роль лидера.

Торопыжка обожает роли посредника и участника самых-самых последних и актуальных событий. Его главная радость — чувство причастности; им он вполне удовлетворяется, и хотя человек еще совершенно не понял, что он увидел, сделал или передал, он уже входит в роль Гонца-Посредника и мчится в новое место или с новой информацией куда-то еще.

Но это, конечно, не единственное амплуа *торопыжки.* Он считает себя ответственным исполнителем любой роли, связанной с конкретными действиями человека. Схватив лидерство в роли Поедателя Обеда, *торопыжка* заставит человека поперхнуться горячим супом, проглотить котлету, не чувствуя ее вкуса и, не допив компота, мчаться по жизни дальше, не обращая внимания на недовольный писк *свиньи* (которая, кстати, как-то умеет в нужный момент потеснить *торопыжку* и занять подобающее себе место).

Естествоиспытателю *торопыжка* создает искушение поверхностного скорочтения Книги Природы, Поэта заставляет писать и переводить втрое больше, чем ему стоило бы, форсируя вдохновение в неподходящее время и не давая сосредоточиться в нужную минуту. Домохозяйке и Матери Семейства от *торопыжки* просто нет житья, и не потому, что у нее много разных дел (а у кого их мало?), а по той причине, что Король Торопыга особенно активно инвольтирует ее *торопыжку* — таково общественное мнение, что домохозяйки должны постоянно сбиваться с ног и падать без сил от вечной необходимой суеты. Поскольку ее *торопыжка* с юных лет воспитывает детей, естественно, инвольтируя их собственных маленьких *торопыжек*, то можно себе представить размер семейного *торопыжки* в подобной (т.е. среднестатистической) семье.

Желтый считает себя естественным экспертом во всех ролях связанных хоть с какой-нибудь неопределенностью, тайной, мистикой или дезинформацией, или, проще говоря, ложью: во спасение или с иными целями. Роль Бытового Практического Психолога он считает своей вотчиной, хотя на нее иногда претендует *черный*, рубящий правду-матку в глаза несчастной жертве доморощенного Фрейда.

Кроме того, *желтый*, естественно, берет на себя функции сопровождения в официальных ситуациях и ритуалах, где формулы приветствия и прощания (типа «Очень рад вас видеть» или «приятно было познакомиться») носят характер заклинаний и часто используются вопреки их прямому смыслу. Вообще в тонких и деликатных дипломатических ситуациях, когда вещи не называются прямо, а острые углы должны быть сглажены, *желтый* всегда пробивается вперед и внушает че-

ловеку в роли Дипломата, что лучше всего ему положиться на своего вернейшего желтого слугу, отдав ему максимальную инвольтацию и доверие. Кому на пользу идут такие услуги и переговоры, читатель, несомненно, догадывается.

Совсем плохо, когда *желтый* берет на себя лидерство в ситуациях духовного обучения, где ученик задает такой вопрос, что точный и ясный ответ ему недоступен, так как он не подготовлен к восприятию соответствующих вибраций. Здесь Духовный Учитель должен очень тщательно следить за поведением своего *желтого*, так как уход от ответа — тоже уловка последнего, как и, например, ответ типа: «Вырастешь, Саша, узнаешь». Здесь нужно отвечать, но метафорически, притчей и т.п., чтобы ученик получил общий ответ, который постепенно материализуется и конкретизируется по мере его духовного продвижения.

Желтый любит также и роль духовного ученика, заранее подготавливая человека к тому, что наверняка будет очень-очень высоко и непонятно, и поэтому надо все потом еще адаптировать, дорабатывать и корректировать применительно к своим личным обстоятельствам; это особенно касается высоких идеалов, которые *желтый* с большой ловкостью превратит в гораздо более простые, доступные и реально достижимые практические рекомендации.

Черный любит роли, требующие жесткого, строгого, даже деспотичного нажима, и всегда стремится убедить хозяина в необходимости этого, угрожая в противном случае всевозможными императивными неприятностями, до смерти его и членов семьи включительно. Роли Строгого Учителя, Справедливого Мстителя, Неуклонного Работника и Погонщика Рабов он, естественно, считает своими и, как может, склоняет человека к необходимости отдать ему всю полноту власти и контроля за событиями. «Человек человеку волк», «Ни в ком нельзя быть уверенным», «Люди боятся только твоей силы и уверенности в себе» — вот обычные установки Черного Короля, на которых постоянно спекулирует *черный*, заставляя человека быть в большинстве ролей жестким и грубым, обороняться от несуществующего противника и не давая ощутить Божественную милость, благодать и защиту.

Влияние *черного* ощущается практически во всех ролях человека, особенно социальных, где нужно постоянно защищаться и с трудом управлять отчаянно сопротивляющимся социумом — это бич (и четкий признак) жестко-манипурного общества, где вместо сотрудничества господствует принцип локтя в смысле пробивания вверх с его помощью. Вместе с

тем, роли, играемые *черным*, сдвигают человеку точку сборки в соответственно агрессивную среду (по силе адекватную величине *черного*), и наоборот, потеснив его с занимаемых позиций во всех ролях сразу (в одной не помогает — *черный* сразу компенсаторно усиливается в другой), человек, к большому своему удивлению, попадает в гораздо более спокойную среду, где защищаться, оказывается, не нужно, поскольку не от кого; правда, *черный* не любит сдавать свои позиции и может некоторое время попугать человека призраком угроз, но человек с минимальным опытом внутренней жизни легко отличит неуверенные угрозы маленького и слабого *черного* от реальных опасностей крупного.

Змей обожает роли парадоксальные: Шутника, Скомороха, Искусителя, Насмешника и Профанатора. Его любимые занятия это игра слов и двусмысленных положений, сопоставление несопоставимого и помышление немыслимого. На своем месте это был бы бравый солдат Йозеф Швейк, но, к сожалению, *змей* всегда норовит попасть именно *не* на свое место и сыграть роль, максимально для него неподходящую. Вылезает вперед он, как правило, совершенно незаметно, но в самой серьезной роли и положении человек внезапно делает оговорку или произносит двусмысленность, которая заставляет окружающих взорваться от смеха, и вся серьезность момента пропадает начисто.

Змей — мастер движения точки сборки, он умеет налаживать связи между весьма удаленными мирами (играя словами и другими символами), но все это с целью профанации происходящего. В любых напряженных и ответственных положениях *змей* берется выступать, помогая как бы на вторых ролях, но вылезает вперед всегда в самом неподходящем месте, фактически ломая ход событий и категорически не давая человеку сыграть свою роль хоть сколько-нибудь удовлетворительно. Но зато окружающие немало веселятся, глядя на докладчика, перепутавшего порядок диапозитивов, или политического деятеля, от какой-нибудь неожиданности начинающего заикаться или переходящего в ипостась Ребенка.

И, конечно, *Змей* обожает роль Духовного Ученика, часто эксплуатируя ее в самых неподходящих ситуациях, что не только создает комический эффект, но и уничтожает сами идеи духовности и духовного развития как таковые.

Серый берет на себя руководство во всех ролях, где человек чувствует себя неуверенно. «Ничего не выйдет, и выйти не могло» — обреченно-спокойно говорит *серый*, — «но раз уж взялись, надо и закончить, просто чтобы лишний раз на-

глядно убедиться в том, что любое дело заранее обречено на провал.» И действительно убеждается, хотя роль, вероятно, была вполне адекватной, а задание выполнимым. Так молодые закомплексованные люди идут, вернее, влекомы *серым* на свидание с горячо любимым существом, которое моментально начинает непереносимо скучать, поскольку *серый* подключается к парной медитации и поглощает ее поток полностью, окружая влюбленных пышным серым облаком, в котором дышать нельзя — можно только задохнуться от безнадежности, тоски и отчаяния, непонятно откуда взявшихся, ведь на расстоянии все так замечательно (бывает, впрочем, что *серый* садится только на одного из пары, и тогда другой невыразимо счастлив, а первому столь же невыразимо скучно и хочется распрощаться навсегда, но замуж, с другой стороны, тоже надо: двадцать лет, сами понимаете, критический возраст, близкий к глубокой старости, и вообще дальше всех женихов *разберут*).

Но все же *серый* выходит на первый план редко, обычно это случается, когда роль идет слишком успешно, и Гагтунгру совсем уже нужно ее провалить; обычно он, как и *змей*, предпочитает вторые роли, подыгрывая, например, *желтому*, *черному* или *торопыжке* — читатель с большой пользой для себя представит, как это выглядит в жизни.

***

Но вот роль выбрана человеком или навязана ему внешними обстоятельствами. Конечно, тонкая семерка не оставляет этот факт без внимания и начинает покушаться на ее выполнение. Для этого она выбирает удобный для атаки на человека момент, когда он устает или разочарован в этой роли, и начинает психологическую обработку.

— У тебя ничего не получится, потому что ты не умеешь себя поставить, — говорит *дракон*. — Выпрями спину, посмотри вокруг гордым взглядом, чтоб понимали, кто на самом деле ты и что они перед тобой — стайка мышей против грозного льва! Иногда начинает говорить закомплексованная голова, и тогда текст звучит иначе: «Плевать тебе на них на всех. Пусть смеются и думают, что ты ничтожество — им же хуже». Поисковая голова тоже имеет свое мнение: «Тебе нужно сменить обстановку и найти обстоятельства, в которых ты сможешь проявиться, и людей, которые тебя оценят по достоинству.»

Свинья держится, однако, иных взглядов на причины неудачи. «Ты слишком много обращаешь внимания на других и слишком мало на себя. Ну скажи, что дает эта роль тебе лич-

но, и подумай, зачем тратить столько усилий на такую малость? И потом смотри, ведь не все плоды еще сорваны — вон какая одинокая соблазнительная груша качается на веточке».

Торопыжка, естественно, обвинит человека в нерасторопности. «Конечно, пока ты спишь да рот разеваешь, второго пришествия не заметишь. Нужно как? Руки в ноги, ать-два, набрать еще кучу дел, всех обзвонить, кого подкузьмить, кого объегорить, — вот и ты выйдешь в тузы и дамки одновременно»

Желтый может начать убеждать человека в том, что нужно на самом деле легче смотреть на вещи, не стоит обращать внимания на такие-то трудности, и цель оправдывает средства, а чувство долга может и подождать, и вообще роль это маска, не имеющая прямого отношения к человеку, так что когда обстоятельства сильнее нас… можно, в конце концов, — в рамках своей роли, и только, — послужить немного и Гагтунгру, — ведь все же он — хотя и черный, но великий иерарх, и у него есть чему поучиться…

Черный скажет прямо: «Тебе не хватает твердости и решимости. Стукни кулаком по столу — глядь, он и разлетится вдребезги вместе с твоими врагами, притворяющимися оппонентами. А не проявишь никакой жесткости — сядут на шею и не слезут ни за что, пока не сдохнешь под ним, как собака. Так что соберись, а не размазывайся по стенке, вот тебе меч, стальные доспехи и железное забрало». К сожалению щель для глаз в забрале оказывается очень узкой, а иногда отсутствует совсем, но человек этого обычно долго не замечает.

Змей покажет человеку его самого в таком виде, что последнему захочется тут же повеситься на первом попавшемся дереве. Однако *змей* тут же сделает это сам, и слегка покачавшись в элегантной петле на дереве Познания Добра и Зла, ловко выскользнет из нее и вручит хозяину роскошное яблоко — в качестве утешения, но и демонстрируя тем самым полную несерьезность его проблем. Если человек настаивает, *змей* изобразит еще какой нибудь спектакль, смысл которого можно будет понять как (практическое) руководство по превращению роли в остроумную буффонаду, естественно, со *змеем* в качестве звезды.

После того, как выскажутся остальные члены тонкой семерки, *серый* будет долго, но очень выразительно молчать, выпуская в пространство грустные облака уныния и тщеты и, наконец, скажет следующее: «Послушал здесь я вас и увидел, что ничего вы не поняли, а главное не поняли, что дело швах и ничем ему не поможешь. Счет, увы, не в нашу пользу, пора

это признать и, честно приняв ипостась грустного неудачника, довести роль до победного выражения».

В заключение этой главы автор предлагает читателю в качестве упражнения рассмотреть участие членов тонкой семерки в конкретных ролях, выпадающих человеку в его жизни; сам автор ограничивается лишь некоторыми характерными примерами (после ролей указаны члены тонкой семерки, претендующие на лидерство).

Семейные роли.

Отец — *дракон, черный, свинья, серый*
Мать — *торопыжка, черный, серый*
Сын — *змей, свинья, черный, желтый*
Дочь — *свинья, желтый, змей, черный*
Маленький ребенок — *торопыжка*
Бабушка — *желтый, серый*
Дедушка — *серый, черный*
Невестка — *змей, желтый, черный*
Зять — *черный, змей.*

Социальные роли.

Крупный начальник — *дракон*
Непосредственный начальник — *черный*
Далекий подчиненный — *серый, желтый*
Непосредственный подчиненный — *серый, змей, желтый*
Официальное лицо (например, метрдотель) — *дракон*
Покупатель — *серый, черный* (в развитых странах — *свинья*).
Продавец — *черный, дракон* (дефицитные товары), (в развитых странах — *змей*).
Рабочий — *серый, змей* (в капиталистических странах — *торопыжка, черный*).
Влюбленный — *черный, змей.*
Влюбленная — *свинья.*
Любовник — *змей, свинья.*
Любовница — *свинья, змей.*

Роли на вечеринке.

Гость — *желтый, змей, дракон.*
Хозяин — *дракон, желтый, змей.*
Красивая женщина — *дракон, свинья.*
Некрасивая женщина — *черный, серый.*
Сексапильная женщина — *змей.*

Красивый мужчина — *дракон, змей.*
Закомплексованный мужчина — *дракон, свинья.*
Интересный мужчина — *змей.*

***

Глава 6

Инструменты и слуги, или Работа с высоким эгрегором

Для того, чтобы обрести настоящих друзей, нужно сначала распроститься с мнимыми; то же относится к слугам и инструментам.

В этой главе обсуждается тема сотрудничества с уже найденным высоким эгрегором, к которому человек поступил в служение и после испытательного периода из подмастерья стал мастером. Последнее означает, что теперь у него есть устойчивый канал связи с эгрегором, который дает ему возможность ощутимой работы в проявленном мире. В плодах этой работы выразится нечто, именуемое неповторимой индивидуальностью человека, или, другими словами, ему одному свойственный способ редактирования идущего через него информационно-энергетического потока.

Вообще, каждый человек в течение жизни занимается деятельностью троякого рода: во-первых, он изменяет плотный мир, во-вторых он изменяет тонкий мир, и в третьих, он работает над собой, совершенствуя себя как проводник информационно-энергетических потоков из тонкого мира в плотный и обратно. Однако слово «проводник» в предыдущем предложении не совсем удачно; во многих случаях правильнее представлять человека как *редактора* информационно-энергетического потока, а работа над собой может рассматриваться как повышение культуры и профессионального уровня редакторской работы. Характер потоков, с которыми человеку в течение жизни приходится сталкиваться, мало зависит от его непосредственной воли, но в том, что касается способа и уровня их редактирования — здесь, наоборот, от него зависит

очень многое. И переход на другую эволюционную работу, т.е. качественное изменение информационно-энергетического потока (что часто сопровождается сменой ведущего эгрегора и сильными переменами во внешней жизни) происходит, как правило, тогда, когда человек достигает определенной квалификации как редактор.

Работа с эгрегором всегда означает некоторую материализацию, оформление, воплощение тонкой идеи в более плотном мире, т.е. вертикальный спуск информационно-энергетического кванта. Такая материализация всегда ведет к некоторой профанации, так как часть высоких вибраций при этом теряется — на более плотном плане они вязнут и быстро затухают; с другой стороны, воплощение в данном плане некоторой идеи (т.е. тонкой относительно него сущности) дает ему возможность определенного высветления и продвижения по пути решения своей эволюционной задачи. Проблема борьбы с профанацией заключается, таким образом, не в ее истреблении (что невозможно), но во введении ее в определенные разумные и необходимые рамки, с тем, чтобы высокая информационно-энергетическая сущность (так сказать, духовный квант) опускалась во все более плотные слои, постепенно материализуясь и отчасти высветляя (т.е. поднимая вверх) каждый из них, хотя ее собственное движение, рассматриваемое объективно, есть последовательное (жертвенное) уплотнение и профанация.

Редактирование информационно-энергетического потока, особенно при его плотной материализации — сложный процесс, в котором обычно применяются специальные инструменты; и хорошее владение ими совершенно необходимо человеку, иначе все его усилия могут повиснуть в воздухе: для того, чтобы написать поэму, нужно уметь рифмовать и знать какое-то количество слов, а для того, чтобы построить дом, нужно уметь держать в руках топор или мастерок.

Однако этого мало; на самом деле человеку нужны еще послушные слуги и помощники — иногда и в обычном смысле слова, но в тонком мире — обязательно, потому что слишком много посторонних праздных и зачастую довольно хищных лиц и морд слетается при включении любого информационно-энергетического потока в надежде на легкую поживу украдкой, а то и с намерениями откровенного грабежа, пленения и порабощения — канала, а иногда и целиком человека. Негативное вмешательство тонкого мира можно, таким образом, подразделить на два вида: это вампирически-хаотические влияния, ослабляющие поток из эгрегора и мешающие работе, и направленно-чужеродные влияния, имеющие

целью сохранить канал и поток у человека как таковые, но изменить их источник, т.е. подключить канал к другому эгрегору, так что фактически человек будет работать на него. В первом случае у человека постоянно падает на пол мольберт с картиной, во втором он неожиданно для себя обнаруживает, что давно занимается увеличением обороноспособности своей и так неплохо укрепленной в военном отношении страны, хотя первоначально имел в виду «чистую» науку.

В этой главе автор обсуждает вопросы, традиционно отданные на откуп материализму и материалистической науке, и потому, боясь быть истолкованным превратно, специально подчеркивает, что предлагаемые им объяснения и интерпретации читателю ни в коей мере не следует рассматривать как альтернативные обычным медицинским или металловедческим; автор занят исключительно бытием и жизнью тонкого мира — который, однако, существует над любыми областями плотного, и влияние первого на второй следует учитывать во всех ситуациях, даже в тех, когда, кажется, плотный видимым образом отводит себе ведущую роль.

***

С точки зрения кармического эгрегора главная работа человека — это его повседневная жизнь, а основные инструменты, данные ему в помощь, это его тела: физическое, эфирное, астральное, ментальное, казуальное, буддхиальное и атманическое. Между этими телами есть разнообразные (вертикальные) связи, но все же они живут, если можно так выразиться, каждое своей жизнью, т.е. в большой мере автономны, и часто бывают рассогласованы, что человек переживает с большим трудом.

Вообще науки о человеке как едином целом не существует; и хотя автор не сомневается в том, что она в ближайшие сто лет будет создана и достигнет значительных успехов, в настоящее время имеются более чем скромные сведения об устройстве, функциях и взаимосвязи тонких тел, так что автор просит читателя воспринимать приведенные ниже описания (которые, безусловно, неполны и могут оказаться в чем-то ошибочными) как первые впечатления путешественника объехавшего земной шар за двадцать дней, но не как подробный географический атлас.

Оставляя описание внешнего вида тонких тел профессиональным оккультистам и ясновидящим, автор ограничится тем, что даст их некоторое операциональное описание, т.е. определит ситуации, когда соответствующее тело чрезвычайно акцентировано.

Физическое тело является предметом изучения для врачей, преподавателей физкультуры, спортивных тренеров, хатха-йогов, специалистов по питанию и здоровому образу жизни.

Эфирное тело это энергетическая матрица, по которой строится физическое, например, вырастает ребенок или заживает рана. С эфирным телом связана самая грубая энергетика человека, нормализуемая (или нарушаемая) едой, общением со стихиями и сексуальными отношениями. Состояние эфирного тела определяет жизненный тонус человека и его иммунитет; оно находится в центре внимания врачей после успешно проведенной операции или пройденного больным кризиса — от его состояния прямо зависит скорость заживления физического тела и его способность борьбы с инфекцией — внешней или внутренней. Человек с сильным эфирным телом, что называется, пышет здоровьем, часто легко переносит холод и без особого напряжения окунется в прорубь. Наоборот, человек со слабым эфирным телом производит впечатление забитости, неухоженности, какой-то общей несчастности — его инстинктивно хочется пригреть, накормить, дать кров на ночь и сколько-нибудь денег на дальнейшую жизнь.

Астральное тело связано с эмоциональной сферой жизни человека; любовь, ненависть, чувственность и любые другие эмоции, обуревающие человека, суть индикаторы активной жизни астрального тела, которое вообще гораздо подвижнее эфирного (соответственно, ментальное тело подвижнее астрального и т.д.). Человек с сильным астральным телом легко возбуждает окружающих, вызывая у них разнообразные эмоции (часто не совсем те, которые имеет в виду), и еще легче возбуждается сам. Однако не нужно думать, что энергиями астрального тела можно накормить эфирное: это не так, и самые бурные и эмоциональные проявления сочувствия физически голодному человеку помогают слабо. Человек с сильным, но неуправляемым, так сказать, некультурным астральным телом вызывает смешанные чувства, даже будучи на театральной сцене; в быту он чаще всего непереносим, хотя, с другой стороны, может служить источником энергии для разнообразных вампиров, питающихся энергией чужих эмоций.

. К последней категории часто относятся люди с плохо развитым астральным телом. Они производят впечатление холодных, равнодушных и непробиваемых; у них, действительно, редки случаи сильных эмоциональных переживаний, а тем более поверхностного сопереживания, что, однако, само

по себе вовсе не означает низкого нравственного или духовного уровня. Дело в том, что астральное тело связано именно с поверхностными эмоциями; это, например, влюбленность, но не возвышенная или глубокая любовь, которая суть вибрации более высоких тел.

Ментальное тело связано с рассудком, умом в обычном (комбинаторном) смысле слова и, соответственно, с ментальной картиной мира человека. К ментальному телу человека, в первую очередь, апеллирует вся цивилизация XX века; это тело пестуют и школят с младенческого возраста и до самой смерти: «Будь разумным», «поступай так и так потому и потому». Человеку со слабым ментальным телом в современном обществе делать нечего: «Таким тебе лучше было и вовсе на белый свет не родиться, — снисходительно-ободряюще говорит ему общественное подсознание, — так что лучше слушай и буквально выполняй, что тебе умные дяди говорят».

Наоборот, человек с сильным ментальным телом, даже не особенно гибким, чувствует себя в социуме хорошо и комфортно; он может легко забить собеседника своими аргументами и рассуждениями, используя их не как инструмент постижения мира, а в качестве боевого оружия, и часто после этого очень доволен собой. Однако сильное ментальное тело означает именно способность комбинировать различные соображения — возможности выхода вверх оно не дает; его функции несколько иные, они скорее характеризуются понятиями «осмысление», «конструирование» и «управление».

Казуальное тело представляет предмет особенного интереса для гадалок, так как в нем зашифрована плотная карма человека — конкретные события его внешней жизни и отчетливые переживания внутренней. Когда на лице человека «проступает печать смерти», как иногда говорят, это означает, что видящий эту «печать» фактически рассмотрел и проинтерпретировал соответствующий знак на казуальном теле. Казуальное тело иногда бывает очень активным и выразительным, и тогда относительно этого человека у окружающих возникают всевозможные предчувствия, ощущения будущих событий и т.д. Человек с сильным казуальным телом — лакомый кусок для психоаналитика, поскольку он во многом живет под влиянием конкретных событий своего прошлого, докопавшись до которых и выведя их в сознание вместе с подсознательной интерпретацией, аналитик может скорректировать и нормализовать энергетические потоки, направив их в естественное русло (он скажет, например, так — освободить либидо из-под гнета инфантильной фиксации). Наобо-

рот, у человека со слабым казуальным телом практически не бывает предчувствий, вещих снов и т.п., но зато он слабо связан со своим прошлым, которое не преследует его длинными тяжелыми хвостами, но, наоборот, быстро забывается в потоке текущих событий, который, однако, также воспринимается человеком как не слишком значительный, как бы сильно события ни акцентировались в его ментальном или астральном телах.

Всегда следует различать сильное тело и сильное управляемое волей и сознанием человека тело. Например, в данном случае сильное, но плохо управляемое казуальное тело дает человека типа ведьмы-гадалки или колдуна-манипулятора, вокруг которых постоянно «что-то» происходит (т.е. вихрятся потоки плотной кармы) и которые несомненно влияют на чужие судьбы, но характер этого влияния и его результаты далеко не всегда ими контролируются, особенно в отношении себя лично. Сильное управляемое казуальное тело дает мага-жреца или священника, отчетливо просматривающих ближайшее будущее плотного плана и влияющих на него непосредственно, но в разумных границах, т.е. не приводя к сильному возмущению плотного кармического потока. Однако слабость казуального тела (и, соответственно, плохое видение плотной кармы) не всегда означает малую реализационную власть или низкую духовность — некоторые маги работают на следующем уровне.

Буддхиальное тело содержит информацию, относящуюся к тонкой карме, т.е. основным сюжетам, в соответствии с которыми развиваются плотные события. Буддхиальное тело представляет основной интерес для воспитателей, духовников и психологов, стремящихся изменить фундаментальные психические структуры в человеке и соответствующие жизненные сюжеты, тесно связанные с его основными жизненными позициями, этикой и конкретными способами мировосприятия.

Вокруг человека с сильным буддхиальным телом возникает характерное экзистенциально-психологическое напряжение, в котором окружающие теряют свои обычные защиты и начинают искренне говорить о том, что их больше всего волнует, но обсуждают не конкретные события и проблемы (казуальное тело), а свои психологические трудности, сомнительные жизненные позиции, проблемы своего общего развития и т.д., словом, все то, что можно назвать методологией жизненного пути — внешнего и внутреннего. Встречи с таким человеком могут сильно изменить жизнь, но ломка, предше-

ствующая такому изменению, окажется значительной и, скорее всего, будет сопровождаться сильным изменением характера и мировосприятия; впрочем в орбиту человека с сильным буддхиальным телом чаще всего попадают люди уже в состоянии глубокого кризиса; поможет он им из него выбраться или усугубит, зависит от уровня владения этим телом, что невозможно без прямой помощи высокого эгрегора. Такой человек может хорошо видеть тонкую карму, и психологическая подоплека окружающих ему чаще всего видна как на ладони — вся, кроме их специфических духовных проблем.

Наоборот, человек со слабым буддхиальным телом совершенно не понимает, зачем столько суеты вокруг всей этой психологии, которая для него все равно что гадание на кофейной гуще для матерого атеиста. Его жизненные позиции для него не особенно существенны, и он не чувствует, что его жизнь в плотном плане есть материализация (воплощение) определенных сюжетов, которые имеют над ним роковую власть, но от которой все же хочется каким-то чудом ускользнуть. Ему не мешает его характер, и он не чувствует его власти над собой и своими обстоятельствами, а также необходимости что-то менять в себе и своем мировосприятии; ему плохо виден характер окружающих и будущие сюжеты их жизни, но опять-таки это не всегда является признаком низкого духовного уровня.

Атманическое тело есть оболочка высшего «я», Атамана, или Абсолюта в человеке. В атманическом теле зашифрована миссия, или главная цель человека в данной жизни, которая определяет (в рамках окружающей реальности — тонкой и плотной) основные сюжеты, записанные в буддхиальном теле. С атманическим телом связаны высшие идеалы и фундаментальные религиозные и абстрактно-философские жизненные позиции человека, его особенный способ общения с Богом (религиозность в самом интимном смысле слова) и только ему одному присущее мировоззрение, т.е. способ восприятия мира в целом.

Человек с сильным атманическим телом явственно (во всяком случае, для себя, но и часто для других) ощущает в себе искру Божью, или свою прямую связь с Богом, и именно в этой связи видит главное содержание своей жизни; на высоком уровне он старается приобщить к своему богу (точнее, каналу связи с Ним) свою паству. Для этого человека непонятно, как можно жить без бога и стремиться к чему-либо, кроме Него; однако связь с Абсолютом может осуществляться по-разному, например, через религиозно понимаемые лю-

бовь, знание, труд и т.д., и тогда эти слова человек для себя произносит как бы с большой буквы. Вообще говоря, сильное атманическое тело не обязательно означает духовное развитие; если оно неуправляемо, человек может хаотично метаться в религиозных потоках, разговаривать только о Боге или достаточно возвышенных материях, но нести при этом в мир лишь хаос, фанатизм и профанацию религиозной идеи; однако сознательное управление атманическим телом достижимо лишь частично и требует прямой помощи кармического эгрегора — только тогда человек может стать настоящим духовным учителем.

Слабость атманического тела дает равнодушие к религии, во всяком случае, в осознаваемом человеке виде: молитвы, высокие медитации и разговоры на абстрактно-религиозно-философские темы его, скорее всего, надолго не привлекут, и что, собственно, делают другие люди в церкви, ему не всегда понятно (исключая моменты попрошайничества). Однако и этого человека не нужно обвинять в бездуховности: духовность означает следование личной эволюционной программе, определенной кармическим эгрегором человека, а эта программа вполне может касаться работы преимущественно с одним-двумя телами, в то время как остальные подразумеваются сонно-дремлющими, и иногда очень высокие души с крайне ответственной программой воплощаются с искусственно приглушенными высшими телами — для них это воплощение — как бы спуск в ад, где им ставится вполне определенная задача, в их внутренней реальности, может быть, не имеющая прямого отношения к духовности, но, тем не менее, играющая важную роль в эволюции человека.

***

Проблемы, касающиеся совокупности тел человека, могут быть условно разделены на две категории: к первым относятся проблемы, связанные с функционированием одного из тел самого по себе, а ко второй — проблемы их взаимосвязи друг с другом. Соответственно, и болезни человека могут быть связаны как с неполадками в том или ином теле, так и в искажении связи между различными телами, и настоящая диагностика любой болезни должна учитывать нарушения всех тел и любых связей между ними.

Наиболее сильны информационно-энергетические связи между соседними телами, например, физическим и эфирным, или между эфирным и астральным: однако какие-то связи существуют между любой парой тел, даже между физическим и атманическим, но чем дальше тела друг от друга, тем

тоньше каналы связи между ними, и активизировать их удается лишь в исключительных случаях (духовное исцеление). Однако прямые связи через одно тело, например, между физическим и астральным, эфирным и ментальным довольно сильны и вполне поддаются сознательному управлению: этому, в частности, учат некоторые техники йоги.

Многие характерные проблемы учительства связаны с взаимодействием между высшими телами. Духовный учитель, влияя непосредственно на атманическое тело своего ученика, хотел бы его наставить на путь истинный не только в религиозном и абстрактно-философском отношении (атманическое тело), но и во всей его конкретной жизни, за которую отвечает каузальное тело. Сложность же заключается в том, что непосредственная связь между этими телами слаба, поскольку между ними располагается буддхиальное тело, которое является своеобразным и часто малопроницаемым буфером между атманическим и казуальным. Другими словами, естественный путь духовного ученичества идет через изменение атманического тела (например, восприятие и усвоение высших религиозных идеалов), за которым следует соответствующая трансформация буддхиального тела (ломка психологических стереотипов, изменение жизненных позиций и установок), которая влечет изменение архетипических для данного человека сюжетов, т.е. его тонкой кармы, и лишь после этой трансформации буддхиальное тело транслирует уже по прямым каналам вниз новую программу для казуального тела, т.е. материализуются конкретные внешние события, к которым человек психологически и экзистенциально подготовлен как более духовное существо. Попытки же прямого воздействия через атманическое тело на казуальное, когда буддхиальное еще не подготовлено (например, сильный проповедник буквально заставляет прозелита вести церковный образ жизни) чаще всего ведет к лицемерию или самообману и тяжелым тонко- и плотно-кармическим последствиям, хотя, конечно, здесь бывают и исключения, и в принципе возможен противоположный процесс, когда сильно высветляется казуальное тело, и человек попадает в плотно-кармический поток, который буквально заставляет его пересмотреть свои взгляды на жизнь и перемениться психологически (чаще всего это происходит при параллельном развитии также и атманического тела).

Однако основной болезнью своего времени, собственно говоря, даже не столько болезнью, сколько уродством, автор считает гипертрофированное развитие ментального тела у средне-социального индивида, не говоря уже о лидерах или

народоводителях. Автор не имеет в виду, что современный человек необычайно умен: скорее последний постоянно пытается употребить свой ум (т.е. активизировать ментальное тело) где надо и не надо. Ввиду гибкости ментального тела и его способности моделировать что угодно, в его рамках создается некое подобие (схематическая модель) всего человека, т.е. всех его семи тел — так, как их представляет себе цивилизация и данный индивид. Это подобие, которое можно назвать *ментальным человеком* и которое бездуховно, бестелесно и бесчувственно по сути своей (независимо от своих претензий, т.к. является частью ментального тела, пытается жить вместо самого человека, оттесняя все прочие его тела в минуты, когда они естественно активизируются, и фактически вместо человека живет его ментальный человек с его квазидухом, квазиэмоциями и квазителом, ментально моделируя все, что происходит вокруг и вне его. Более того, у ментального человека есть свои аналогии чакр и высоких и низких энергетических потоков, которые тоже как-то моделируются соответствующими ментальными потоками — тогда вместо медитации получается ментация, а вместо жизни — утомленное представление о ней.

Разумеется, подобная гипертрофия ментального тела не происходит безнаказанно — остальные тела уменьшаются, деградируют, сокращается их энергетика, отчего естественно возникают болезни. Однако не следует думать, что от гипертрофии ментального тела так легко избавиться: это общесоциальная программа, и она поддерживается самыми различными способами, начиная от прямой инвольтации индивидуальных ментальных тел и остракизма тех, кто сопротивляется, и кончая сугубо информационным использованием естественных языков, что очень удобно в смысле экономии места, но ведет к убийству живой речи — основному способу религиозного общения. Вообще каждое слово содержит в себе вибрации всех уровней, т.е. отзывается во всех телах человека, и естественный живой диалог двух людей является медитацией сразу на всех планах, заставляя звучать в унисон все пары одноименных тонких тел собеседников: общаются и эфирные тела, и астральные, и все остальные, до атманического включительно, что и создает неповторимое ощущение человеческого общения. Однако акцентуация ментального тела делает речь ориентированной на передачу комбинаторной информации, и взаимодействия остальных тел не происходит, да и не подразумевается. Образцы живой речи даются в книгах лучших поэтов и писателей этноса, и когда их произведения становятся серыми и штампованными, или

народ по каким-то причинам вообще теряет вкус к литературе и языку, его вырождение неизбежно (и происходит довольно быстро).

Причиной болезней человека служит нарушение естественного энергетического обмена его тел с внешней средой и друг с другом. На всех планах тонкого и плотного миров имеется достаточное количество паразитов, которые слетаются на излучения, сопутствующие слабости, застою и начинающемуся гниению, и присасываются к энергетически слабому и потому незащищенному месту. Наоборот, жизненная сила, гармония и богатство разнообразных связей, создающих из отдельных частей единый организм, создают защитное поле, отталкивающее паразитов или, во всяком случае, существенно сокращающее их число, так что организм без особого труда справляется с ними имеющимися у него средствами защиты.

Среди таких паразитов важное место занимает знакомая читателю тонкая семерка, члены которой представлены на всех телах человека, включая иногда даже физическое. Конечно, автор не ставит себе задачи дать подробное описание деятельности каждой из тонких фигур на каждом теле человека, и ограничивается лишь некоторыми характерными примерами.

Дракон обожает культуризм на любом теле: при этом остальные тела предаются забвению, т.е. *дракон* ставит решительные преграды энергетическому обмену облюбованного им тела с прочими телами, что, естественно, нарушает общий энергетический баланс человека. Таким образом, можно различать семь видов культуризма:

Физический культуризм — обычный (читатель, вероятно, хорошо знаком с фотографиями мускулистых суперменов обоего пола).

Эфирный культуризм — культ здоровья, куда входит правильное питание, закаливание, бег трусцой и т.д.

Астральный культуризм — пестование своей эмоциональности и гордость ею; характерно для женщин; здесь распространены установки типа «я самая несчастная на свете», «я самая отзывчивая в мире» и др.

Ментальный культуризм — создание образа самого умного и знающего человека.

Каузальный культуризм — основная ценность жизни человека и его гордость — участие в потоке разнообразных событий и умение их предсказать (должность «пророк в своем отчестве»).

Буддхиальный культуризм — человек выставляет себя владыкой кармы, великим манипулятором и психологом, знатоком людских душ и т.д.

Атманический культуризм — апофеоз духовного величия; характерно для религиозных прозелитов.

Свинья склонна, во-первых, переключать энергетику любого тела на то, что человек воспринимает как примитивные (для себя) удовольствия, а во-вторых, пытается всячески препятствовать любым напряжениям и усилиям человека, от которых нет немедленной отдачи.

Действия *свиньи* на физическом и эфирном телах хорошо известны; это, например, грех чревоугодия, а также многие удовольствия, которые можно извлечь из этих тел при массаже, сладком сне, неге в теплой постели и почесывании спины или пяток на ночь для лучшего засыпания.

Энергетику астрального тела *свинья* просто обожает и готова съесть все, что дадут, зато к энергиям ментального тела относится неодобрительно (исключая интеллектуалов, чья свинья, наоборот, питается преимущественно его энергией) и старается заставить человека переводить ментальные потоки в эмоциональные, ненавидя «сухие рассуждения».

Энергией (чужого) казуального тела питается свинья сплетников и созерцателей быстротекущей, наполненной событиями жизни, и она же чаще всего отказывается от энергии буддхиального тела (психологический анализ, обсуждение жизненных позиций). Более того, *свинья* сколько может препятствует связям между буддхиальным и каузальным телами: люди обычно терпеть не могут, когда им в ответ на просьбу помочь в конкретных жизненных трудностях (каузальное тело) рекомендуют «внутренне перестроиться, по-другому взглянуть на вещи, поработать над собой» и т.д. (апелляция, в принципе правильная, к буддхиальному телу, но без учета того, что сменить основные психологические установки и сюжеты человек один, даже и с помощью доброго совета, как правило, не может). *Свинья* отлично знает, что изменить казуальное тело радикально очень трудно и закрывает всей своей тушей каналы в буддхиальное.

Энергией (опять-таки чужого) буддхиального тела питается *свинья* недобросовестных психологов, психоаналитиков и духовных наставников, разбирающих архетипические сюжеты своих клиентов и духовных учеников и направляющих их работу по изменению мировосприятия и жизненных позиций, но присваивающих себе часть энергии, предназначенной для этой работы. Кроме того, *свинья* старается заставить че-

ловека спрофанировать энергию собственного буддхиального тела до сравнительно примитивных эмоций, хорошо ей понятных, а главное, съедобных.

Энергия атманического тела сама по себе для *свиньи* недоступна, и она старается убедить человека в том, что «религия должна быть практичной», «высокие идеалы не должны быть слишком абстрактными» и т.п., в результате чего религиозные переживания и состояния плавно переходят в каузальные эффекты и эмоциональные эффекты, после чего могут быть успешно усвоены.

Торопыжка питается энергией, выделяющийся при распаде порядка в хаос; его задача — сбить ритм каждого тела и его взаимодействий с другими, например, физическое тело он заставляет беспорядочно метаться и питаться (нарушая одновременно и ритмы эфирного), устраивает страшную эмоциональную и ментальную суету, а если хватает сил, то сбивает и плотный жизненный поток, заставляя внешние события идти в таком ритме, что человек оказывается к ним неподготовленным, теряется и ведет себя неадекватно. Сбить тонкую карму уже гораздо сложнее, но здесь *торопыжка* устраивает психологический хаос, кашу жизненных позиций и противоречивого мировосприятия, что чрезвычайно усложняет жизнь человеку. Кроме того, он стремится подключиться к каналам связи между каузальным и буддхиальным телами и устроить из плотных событий такой хаос, что исходный тонкий сюжет будет практически неразличим; вообще он любит вмешиваться в отношения между телами, путая каналы их взаимосвязи и дезорганизуя ритмы. В атманическом теле *торопыжка* может произвести некоторые воздействия, которые заставляют человека два раза в год менять конфессию или мчаться рысцой от одного модного проповедника к следующему, еще более модному и харизматичному.

Желтый вносит всевозможные искажения как в различные тела, так и в их способы взаимосвязи друг с другом. В физическом теле он может дать искажения координации, в эфирном — ложный голод, связанный с нарушением эфирной энергетики, в астральном — всевозможные эмоциональные искажения, когда человек воспринимает и выражает совсем не то, что ему адресовано и что он испытывает, в ментальном — искажения картины мира и самого себя, в каузальном — превратное понимание и интерпретацию потока внешних и отчетливых внутренних событий, в буддхиальном — психологические проблемы и ложные жизненные позиции, в атма-

ническом — религиозные заблуждения, путаницу с высокими идеалами и религиозной философией.

Кроме того, *желтый* (часто вместе со *змеем*) создает искажения в системе связей между телами, и в возникающей путанице энергетических потоков появляются сначала легкие, а потом и сильные дисбалансы, проявляющиеся в разнообразных болезнях, причины которых отыскать и устранить очень трудно, так как они не локализованы ни в одном из тел.

Черный стремится заманить все гибкие структуры тел жесткими, защищаясь от неведомой, но грозной опасности. Телам он придает ригидность и оформляет их в панцирь. Аналогично, он делает жесткими связи между телами, как бы известкуя каналы изнутри, отчего они сужаются, а иногда перекрываются вовсе.

Влияние *черного* на физическое тело часто выражается в ограничении свободы движений, которые ощущаются как резкие и угловатые; это особенно проявляется в мимике лица, часто похожего на неподвижную жесткую маску.

На эфирном теле *черный* создает ограничения энергетическим потокам, направляя их по четко определенным руслам и стараясь перекрывать все остальные. *Черный* очень неравнодушен к диете человека, часто заставляет его есть мясную и острую пищу, при злоупотреблении которой возникают некоторые болезни желудка, например, гастрит.

Влияние *черного* на астральное тело часто выражается в жестких эмоциональных установках и проявлениях, например, человек не может искренне радоваться, если у него все в порядке (в его понимании). Вообще в современной цивилизации ригидность астрального тела обычно не считается недостатком (как ригидность любых других тел, кроме ментального), хотя реально она чрезвычайно мешает человеку жить, делая его эмоционально-агрессивным и нечувствительным во многих сферах.

В ментальном теле *черный* дает догматизм мышления и жесткость, часто до примитивности, ментальной картины мира. С таким человеком трудно разговаривать, он слушает только то, с чем согласен, а его аргументация кажется бронебойной и часто непримиримой; вообще не нужно недооценивать ментальную агрессию — она не менее действенна, чем астральная (эмоциональная) и физическая.

Влияние *черного* на каузальное тело может выражаться в жесткой регламентации потока событий его внешней жизни и способа отношений к ним. Такой человек будет отчаянно сопротивляться любым попыткам как-то нарушить имеющийся

у него стереотип внешней жизни, а если это по воле обстоятельств происходит, будет сам для себя долго делать вид, что все идет по-старому — или впадет в отчаяние, сильную депрессию и какую-нибудь фобию.

В буддхиальном теле *черный* создает жесткую систему мировоззрения и твердых как алмаз жизненных позиций и установок, которые часто имеют мало отношений к конкретной жизни человека, но постоянно проявляются в его характере, который будет тоже, что называется, твердым, часто до откровенного упрямства.

В атманическом теле *черный* может дать религиозный фанатизм — приятие только своей веры и ненависть ко всем, ее не разделяющим; также возможно фанатично-жесткое отношение к своим духовным учителям и ученикам. Если такой человек осознает (или вообразит) нечто, как главную цель своей жизни, он сочтет, что человечество обязано разделиться на две категории: первая расступится и освободит ему дорогу к этой великой цели, а вторая станет верными слугами и помощниками в ее достижении (незначительная оставшаяся часть народонаселения, не охваченная первыми двумя категориями, для простоты может быть уничтожена в концлагерях или по ходу священной войны за идею).

Влияние *змея* на все тела человека многообразно; он вредит самыми изощренными способами, не гнушаясь никакими средствами (например, в момент родов он перекручивает пуповину вокруг шеи ребенка, пытаясь его удушить).

В физическом теле *змея*, в частности, очень привлекает кишечник, начиная от несвоевременного урчания в животе в ответственных социальных и интимных ситуациях и кончая систематическими запорами (которые *змей* устраивает, плотно обвиваясь вокруг кишок) или, наоборот, поносами, начинающимися также обычно в самый неподходящий момент.

Змея очень привлекает возможность путать каналы связи между телами, в частности, между эфирным и физическим, что проявляется по-разному, например, в форме искажений аппетита: человеку хочется есть то, что ему не нужно и даже вредно, или наоборот, он не принимает необходимую ему пищу, причем *змей* не упустит случая, обернувшись Авиценной, порассуждать об инстинктивной, но глубочайшей мудрости человеческого тела, которое само знает, какое питание ему необходимо; разумеется, о собственных наводках *змей* при этом скромно умолчит. Другая любимая тема *змея* в эфирном теле — это сексуальные отношения (или воздержание) для здоровья. Количество демагогии, вылитой в печат-

ном виде Большим Змеем на публику в виде разнообразных сексуальных рекомендаций и пособий (в том числе наглядных) не поддается учету. На сексуальной энергетике построена большая часть рекламы, и без женского бюста подобающей величины трудно купить даже годовой календарик. Автор, конечно, не смеет идти против идеи всеобщего и тотального сексуального раскрепощения, но должен заметить, что не все так просто: возникающую сексуальную энергию пожирает как раз тот, кто ее высвобождает, — в данном случае это Большой Змей.

В астральном теле *змей* соблазняет человека пиршеством эмоций, особенно связанных с любовью. «Человек создан для счастья, как птица для полета!» — кричит он голосом Виссариона Короленко. «Умри, но не давай поцелуя без любви!» — потрясает он всей романтикой последних пяти веков. При этом под счастьем и любовью понимаются нездоровые аффективные состояния астрального тела, выдаваемые *змеем* за высшую цель и ценность человеческой жизни.

В ментальном теле *змей* устраивает логику шиворот-навыворот, умея обосновать и доказать все, что угодно, и если человек поддается *змеиным* влияниям, он становится искренним демагогом и лицемером, с которым практически невозможно нормально разговаривать, поскольку он увлекает собеседника в ментальные пространства без правил и законов, где все возможно и все обосновано, вот только обоснования почему-то не имеют никакой силы.

В каузальном теле *змей* ловко путает внешние и внутренние события, подстраивает ненужные дела и провокационные встречи, в изобилии дает разнообразные, по большей части ложные предчувствия и предвидения, отчасти где-то правильные, по принципу «слышал звон, да не знает, где он», да и характер звона тоже воспринимается искаженно.

В буддхиальном теле *змей*, начитавшись великого Фрейда, обожает выводить все текущие проблемы человека из двух кардинальных моментов: во-первых, его мать кормила его сначала левой грудью, а потом уже правой, в то время как нужно было наоборот, и *поэтому* младенец по ночам горько плакал, а во-вторых, отец, накачивая (да еще насосом, можете себе представить) при ребенке свой велосипед, имел обыкновение закатывать (будто бы по случаю жары) свои тренировочные штаны до колен, обнажая волосатые (sic!) ноги, от чего у ребенка, сами понимаете, и возник глубочайший эдипов комплекс. Вообще в буддхиальном теле *змей* любит дешевые обобщения всеобъемлющего порядка. Основной архетипический сюжет семейной пары в редакции *змея* может

звучать, например, так (жена говорит мужу): «Я наконец-то все поняла! Ты — причина всех моих несчастий и послан мне на погибель!» (Слово «все» в первой фазе означает выход в буддхиальный план, в данном случае, правда, под руководством *змея*).

В атманическом теле *змей* занимается религиозной профанацией и различными искушениями религиозно-философского порядка. «А все-таки был Христос Богом или человеком?», «Зачем Абсолют творил проявленный мир?» и подобные вопросы задаются *змеем* так, что вести обсуждение на соответствующем (атманическом) уровне практически невозможно, и оно быстро деградирует до жонглирования ментальными конструкциями, за каковое занятие социум, впрочем, охотно платит деньги, не имея часто иной возможности (и желания) приобщиться к истинной религиозности.

Серый пытается окружить все тела человека вампирическим облаком уныния и безнадежности. В физическом теле *серый* дает, например, вялость мускулатуры и слабость движений в целом — человека хочется послать на стадион или к (линейному) массажисту. В болезнях внутренних органов, связанных с воздействием *серого*, также может проявляться характерная общая вялость, недостаточное кровоснабжение и т. п. Видимо, болезнь, именовавшаяся в прошлом веке бледной немочью, есть следствие прямой атаки *серого* на физическом плане.

На астральном теле *серый* часто проявляется в виде крайней эмоциональной невыразительности, чтобы не сказать скуки, и вампиризма. Вообще *серому* (на всех телах) априорно и точно известно будущее, а именно: происходить будет ровно то, что было раньше, только несколько хуже; нового или интересного не может случиться в принципе, а чудес *не бывает*, поскольку из детсадовского возраста человек уже вышел. В эмоциональной сфере эта позиция оказывает тяжелое воздействие на самого человека, а также на его окружение (он не просто тускл, но своей серостью тушит эмоциональный свет других), но в некоторых отношениях весьма удобна.

В ментальном теле *серый* создает характерное настроение интеллектуальной скуки и уныния: «Ну что мир может сказать мне нового? Все давно придумано и изобретено, остались лишь несущественные детали». Любимые слова *серого*: «Неубедительно», «не вдохновляет», «не проходит». Встречаясь с явным интеллектуальным превосходством, *серый* говорит: «ну это другое дело, это гений... вот пусть он и работает, а мы

пока потихоньку покурим, посмотрим, чего он там напридумает, а то, неровен час, может, и вовсе один какой-то пшик вылупится».

В каузальном теле *серый* говорит, например, так: «Ну ты прекрасно понимаешь, что *произойти-то* уж точно ничего хорошего не может, не говоря уж — измениться к лучшему в целом!» И человек, действительно, на горьком опыте, к которому апеллирует *серый*, «понимает», смещая свою точку сборки в область, где никаких светлых событий ни в прошлом не было, ни в будущем быть не может. Такое «серое» программирование будущего может быть очень эффективным, особенно при сильном каузальном теле. Отсюда же постепенно спускаются вниз разнообразные болезни, управляемые *серым*.

В буддхиальном теле *серый* проявляется, в первую очередь, в пессимистическом мировоззрении, скептических жизненных позициях и взглядах на архетипические сюжеты (тонкую карму) — свою, своих знакомых и мира в целом. Серому Королю принадлежат такие основополагающие жизненные установки, как «никому нельзя верить», «каждая инициатива наказуема», «знай свое дело и не высовывайся», а также, в паре с Большим Змеем, уничтожающе-презрительное указание «держи карман шире». *Серый* в буддхиальном теле клиента является к психологу, чтобы лишний раз убедиться в том, что оба ни на что не способны, и этот случай — тяжелый хлеб для любого профессионала-человеколюба или человековеда: приходится не столько лечить пациента, сколько защищать свое буддхиальное тело от его буддхиального *серого*, иначе можно в одночасье начисто потерять веру в себя и человечество одновременно.

В атманическом теле *серый* бурчит «религия — опиум для народа» и представляет религиозные переживания как самовнушение, причем понимает под этим самообман. «Бог, если бы он существовал, не стал бы тебя столь откровенно игнорировать и поддержал бы хоть в чем-нибудь. И вообще, как Он может быть всеблагим, когда на свете столько зла? Взять, к примеру, хоть твоих детей паразитов и их отношение к тебе, их отцу...» Сильный *серый* в атманическом теле представляет все религиозные переживания и устремления необычайно скучными и пресными, не говоря уже об их откровенной (с его точки зрения) бессмысленности: «Ведь не смогли же все святые — а сколько их было! — уберечь Россию от всех ее бед и напастей, так чего тебе-то к Богу прибегать, займись лучше чем попроще, да и без претензий, а то как-то нескромно пол-

учается: ты — и Бог, представь себе эту парочку поживее, сам видишь, курам на смех…»

***

Каждая конкретная болезнь затрагивает многие тела, и ее течение может быть разным в разных телах, акцентируя то одно тело, то другое. Подробное изучение этой темы автор оставляет специалистам, равно как и влияние на болезни тонкой семерки; и, конечно, серьезные нарушения чаще всего привлекают из тонкого мира специфические сущности агрессивно-вампирического характера, отличные от фигур тонкой семерки. Тем не менее, многие болезни отчетливо связаны с акцентуацией одной из семи тонких фигур и ее проникновением внутрь тела человека, и здесь автор, с извинениями вторгаясь в профессиональный медицинский эгрегор, хочет привести некоторые примеры:

Болезни *дракона* — язвенная болезнь, вегето-сосудистая дистония;

Болезни *свиньи* — атеросклероз, подагра, камни в почках и желчном пузыре;

Болезни *торопыжки* — тиреотоксикоз, тик, неврозы, болезнь Паркинсона;

Болезни *желтого* — аллергия, диабет, нарушение обмена веществ;

Болезни *черного* — мигрень, гипертония, инфаркт, инсульт;

Болезни *змея* — импотенция, дисфункция яичников;

Болезни *серого* — астения, остеохондроз, радикулит, артриты.

Отступление о человеческих телах должно было, по мысли автора, дать представление о том, как бдительно тонкая семерка следит за связью человека с эгрегором и какие многосторонние и разнообразные козни она при этом строит. Однако набор из семи тел это, видимо, самый сложный из инструментов, с которыми приходится иметь дело человеку, и если он его осваивает, то все остальные инструменты, от скальпеля до смычка, подчиняются ему уже гораздо легче, хотя, конечно, у каждого из них есть своя специфика, которую приходится учитывать.

Все инструменты можно разделить на три основные категории. К первой относятся орудия, т.е. инструменты, с помощью которых человек редактирует потоки из эгрегора в плотный мир; это, например, кисть художника (или маляра). Ко второй относятся различные измерительные и следящие приборы, цель которых заключается, наоборот, в том, чтобы

определенным образом сформировать и направить информационно-энергетический поток из плотного мира в эгрегор (это, например, микроскоп) и, наконец, к третьей категории относятся инструменты, выполняющие обе эти функции (например, человеческая рука или бортовой комплекс наведения ракеты на цель).

Уровень владения инструментом определяется как раз высотой эгрегора, с которым при этом происходит информационно-энергетический обмен, т.е. эгрегора, который фактически использует этот инструмент (с помощью человека) для взаимодействия с плотным миром. Однако постижение любой профессиональной техники идет с большим трудом или, во всяком случае, требует длительного времени: при любых способностях ни математике, ни игре на скрипке научиться за год нельзя. Это означает, что на всех промежуточных этапах, пока техника не освоена настолько, что человек о ней забывает, есть существенная опасность начать освоение техники ради нее самой, что фактически означает перейти на служение жесткому эгрегору из ведомства Гагтунгра. Впрочем, та же опасность угрожает и мастеру, владеющему своими инструментами в совершенстве: как только он перестает думать, какому эгрегору он своим мастерством фактически служит, у него появляется риск незаметного соскальзывания точки сборки чуть-чуть в сторону, но характер служения при этом резко меняется: элементы творчества исчезают, зато появляется более выраженная власть над материалом, хотя и в более узких и хорошо знакомых диапазонах (вообще профессионалу, когда его канал перехватывает Гагтунгр, вначале кажется, что работать стало легче и труд стал более эффективным и производительным — но пропадает чувство внутренней свободы, гибкость восприятия и мягкость выражения).

Чем выше уровень мастера, тем более совершенные инструменты ему необходимы, и, разумеется, у каждого из них есть свои тонкие тела. В то время, когда стамеска идет по деревянному бруску, отделяя от него стружку, ее эфирное лезвие разрезает эфирное тело деревянной заготовки, и если инструмент плохо заточен, в бруске обязательно появится трещина или стамеска неудачно соскользнет в сторону — это будет означать, что энергетика бруска оказала сопротивление стали. Мастер, изготовляющий скрипку и тем более хороший скрипач максимальное внимание уделяют ее астральному телу — иначе музыка не произведет эмоционального впечатления на слушателей, хотя, конечно, важно также и эфирное тело инструмента, от которого зависит сила звучания. Понятно, что для исполнения духовной музыки нужны

инструменты, обладающие аналогом атманического тела, способные усиливать вибрации, транслируемые через музыканта высшим эгрегором. Однако оккультное изучение профессионального мастерства — тема отдельного исследования, и здесь автор останавливается.

Опасности, угрожающие человеку, наблюдающему с помощью приборов, может быть, даже превосходят опасности мастера, редактирующего поток из эгрегора, так как второй все же явно видит результат своих трудов и то, как мир их использует. Однако большое количество людей занято преимущественно именно наблюдением в пользу того или иного эгрегора: этому соответствуют многие профессии просматривающего типа, и не только милиция и метеорология.

Например, большая часть воспитательной нагрузки в семье, особенно с маленькими детьми, падает на моменты наблюдения родителей за ними, и то, как именно осуществляется этот присмотр, во многом определяет не только будущее семьи, но и дальнейшую судьбу ее отпрысков. Вопрос о способе наблюдения есть не что иное как вопрос о положении точки сборки, которое и определяет (в той мере, в какой это зависит от родителей) эгрегор, наблюдающий за детьми и, соответственно, управляющий их воспитанием, безопасностью и жизнью в целом. Типичная схема наблюдения, как правило, наследуется из родительских семей отца и матери, вместе с их семейными проклятиями и дьяволами. Иногда родители прямо вызывают последнего: «Ну до чего же похож на дедушку. Наверное, сопьется, как и он»; но даже просто интенсивное пристрастное установление сходства ребенка с теми или другими членами семьи само по себе резко снижает эгрегор, наблюдающий в этот момент за ребенком, до узкосемейного, не говоря уже про выбор для него профессии в рамках семейной и т.п.

Поэтому родители, смотрящие на ребенка не как на Божье творение со свойственной лишь ему одному высокой миссией (которая есть у каждого человека), а глазами семейного эгрегора, например, как на защиту своей грядущей старости, совершают большую ошибку и в значительной мере экранируют свое чадо от опеки его кармического эгрегора и его крылатого посланника, именуемого ангелом-хранителем. Однако не меньшую ошибку совершают «научные» астрономы и астрофизики, изучающие небесные тела с чисто ментальных материалистических позиций. Они используют мощнейшие магические инструменты (телескопы на различных воспринимаемых длинах волн), через которые смотрит, увы, совершенно жесткий, чисто ментальный эгрегор совре-

менной физики, имеющий частичный выход лишь в казуальной (предсказание движения планет и звезд), но не в буддхиальный и тем более атманический планы — современная астрофизика никак не участвует в религиозно-философском познании мира.

Аналогично этому, профессии социологов, экономистов, геологов и многие другие, связанные в значительной степени со сбором информации и ее обобщением, становятся на службу жестким эгрегорам Гагтунгра, если только соответствующие наблюдения не идут с позиций достаточно высокого эгрегора, что вовсе не так просто, поскольку его могут интересовать совсем другие вещи, чем, скажем, подробности, любопытные для министерства геологии или рыбного хозяйства. Однако здесь автор не хочет быть превратно понят им; вообще всякая человеческая деятельность, реально существующая, чаще всего имеет какой-то позитивный с эволюционной точки зрения смысл, просто в нашей современной цивилизации он во многом искажен; в частности, такие строгие организации, как Министерство Обороны или Национальной Безопасности, казалось бы, полностью скомпрометировавшие себя в XX веке в глазах миролюбивой и демократической общественности, могут, тем не менее, существовать и выполнять важные функции, как, например, Министерство по защите этнического эгрегора — от чрезмерной кристаллизации и агрессивности, как внутренней, так и внешней, т.е. по отношению к соседям.

Теперь рассмотрим более сложный инструмент, с помощью которого можно как редактировать трансляции высокого эгрегора, так и фокусировать (настраивать) поток, идущий туда из плотного плана. Здесь автор имеет целью развлечь читателя с интеллектуальными запросами, которому малоинтересны проблемы астронома-любителя, слесаря-инструментальщика или резчика по дереву, — потому обращается к ментальным моделям, т.е. законченным теориям с хорошей формализацией и оформленным языком. С другой стороны, обсуждение математического моделирования инженерных процессов потребовало бы от читателя слишком высокой магической подготовки, так что выбор автора останавливается на теме применения психологических тестов с различными шкалами, что, кстати говоря, имеет много общего с гаданием на картах и интерпретацией гороскопов.

Результат психологического тестирования есть некоторый набор чисел, диаграмма, профиль и т.п., т.е. информация о тестируемом человеке попадает в достаточно жесткий эгрегор, выдающий оценки типа тех, что можно увидеть в школь-

ном аттестате: математика — 5, литература — 3, поведение (читай: социализация) — 2. Психолог, который этим ограничивается, попадает в тот же эгрегор, где существование человека определяется по факту наличия у него свидетельства о рождении (и аналогично со смертью).

Некоторых этот уровень не устраивает, и они пытаются подняться чуть повыше, размывая интерпретации шкал или пытаясь научиться сопрягать их друг с другом, для каковой цели конструкции отсутствуют, так как сочетаний много. Поэтому психолог-практик, работающий с данным тестом, «набирает опыт», пытаясь на самом деле нащупать канал в более высокий, гибкий и точный эгрегор; при этом, естественно, он чаще всего идет по пути создания собственной классификации типов людей и их основных сюжетов. Ирония судьбы заключается в том, что люди, идущие к нему, отнюдь не случайны, а посылаемы кармическим эгрегором с тем, чтобы будущий психолог вначале разобрался со своими собственными проблемами. Поэтому начинающий ученый создает не «объективную», как он надеется, классификацию психологических типов, а просто слегка закамуфлированный перечень личных недоработок. И дело здесь не только в том, что любая жесткая классификация, рассматриваемая как окончательный итог работы, всегда есть служение жесткому эгрегору, но еще и в том, что наблюдение через человека высоким эгрегором всегда существенно меняет самого человека, и он должен быть на это настроен, и именно в этом (субъективно) и заключается его работа.

Аналогично, воздействие на клиента также совершается через психолога ведущим его эгрегором, и чем более формализованным инструментарием пользуется психолог, тем отчетливее его служение Гагтунгру. Однако и расплывчатые тесты типа пятен Росшаха (очевидные происки Большого Змея) могут привести клиента в объятия Фокермы, если они составлены так, что провоцируют его на исключительно извращенно-сексуальные медитации, к радости соответственно настроенных психологов, паразитирующих на сексуальных энергиях и комплексах своих подопечных.

Однако несовершенство тестов не является роковым обстоятельством: хорошие психологи и на них иногда достигают замечательных результатов. Принципиальное значение имеет положение точки сборки психолога: смотрит ли он сквозь результаты теста на клиента, пытаясь прозреть его истинные проблемы, или же клиент ему попросту мешает, а основная его забота — отнести результаты тестирования, а заодно и проблемы клиента, если последнему удается их в каком-то

виде донести до психолога, к определенной графе заранее составленной классификации или типологии сюжетов и спроецировать свой диагноз на клиента, буквально заставляя его подчиниться. Первое положение точки сборки дает шанс на то, что чужую беду увидит высокий эгрегор, второе — полностью исключает этот шанс, но подключает клиента к ведомству жесткого эгрегора, причем иногда, если психолог талантлив, очень прочно. К сожалению, в настоящее время жесткие схемы типа анализ-диагноз-рецепт, которые формализованы до такой степени, что их можно программировать на компьютере, распространены не только в психологии, но и в медицине, и читатель прекрасно понимает, чьи в этом заслуги. Идеал Гагтунгра изображен на могильном камне между датами рождения и смерти: это прочерк, символизирующий *жесткий формализм*, т.е. полностью подчиненный ему вместе со всеми подробностями сюжет, исключающий любую личную свободу и творчество.

Теперь попробуем рассмотреть процесс работы художника над картиной в аспекте его взаимодействия с эгрегором. В принципе здесь происходит постоянный двухсторонний энергетический обмен эгрегора с человеком и через него — с плотным миром, и соответственно движется точка сборки, причем очень важно не мешать ей в ее движении, в идеале управляемом эгрегором и лишь чуть-чуть корректируемом человеком.

Написание картины начинается с того, что эгрегор выделяет определенный информационно-энергетический квант, или фрагмент, который он хочет явить плотному миру в виде картины, например пейзажа или портрета. Прежде всего эгрегор посылает художнику сообщение о том, что готовится совместная работа: художник ощущает некоторое специфическое творческое волнение, и начинается ожидание минут вдохновения, когда устанавливается устойчивая связь с эгрегором и меняется видение мира (сдвигается точка сборки), иногда довольно существенно. Со своей стороны, эгрегор готовит художнику материал: завозит в магазин нужные краски, организует необходимую погоду и в подходящий момент приглашает художника на пленэр, где тот останавливается, совершенно пораженный красотой некоторого вида. Последнее означает, что он увидел природный (плотный) прототип сюжета, который эгрегор хочет выразить на холсте. После этого от художника не требуется ничего большего, нежели максимально точно передать красками то, что он видит: эгрегор сдвигает ему точку сборки так, что за вполне материальными елками или полями ощущается высшая реальность, которая и находит выражение на холсте — и последний на

выставке производит впечатление чуда (каковым, собственно, и является) — на тех людей, кому он сдвигает точку сборки примерно в то же положение, в котором она находилась у художника, когда он писал пейзаж. Если такую картину правильно смотреть, она оживает, получает объем, в который можно войти и внутри него жить — гораздо менее скучно, чем в жизни; а иногда и по выходе из картины жизнь оказывается несколько иной.

Как же движется точка сборки художника в течение работы? Здесь нужно четко различать два ее положения: когда информационно-энергетический поток идет через художника на холст и, наоборот, в эгрегор. Рукой художника движет Бог (сиречь эгрегор) — это известно давно, но это половина описания; вторая половина это момент наблюдения художником натуры, когда на нее через художника смотрит эгрегор, и это другое положение точки сборки. Таким образом, при работе с натуры все время происходит переключение потока: эгрегор через художника смотрит на пейзаж, воспринимает его, а затем акцентирует в нем определенное место и его оттенок, который художник ищет на палитре и наносит на холст — в этот момент поток идет уже из эгрегора через художника на картину. Затем точка сборки снова сдвигается в положение восприятия, для глаза художника акцентируется следующее место и т.д. Ритм работы, т.е. движение точки сборки, определяет эгрегор, и если художнику удается его выдерживать, он попадает иногда в совершенно волшебную реальность высоких вибраций окружающего мира, обычно скрытых за грубым штакетником более низких. Собственно художественная техника, таким образом, это способность найти сочетание красок на палитре, отвечающее реальному цвету натуры, и то же относится к форме — больше ничего не требуется; однако для того, чтобы написать хорошую картину, нужно иметь заказ на нее от высокого эгрегора, что означает его доверие, которое всегда приходит лишь в результате длительного преданного служения.

***

Традиционные экзотерические представления о физическом теле человека заключаются в том, что основным воспринимающим эгрегор органом является голова (в которой возникают мысли) и в какой-то мере сердце (которое чует), а исполнительным инструментом, наоборот, руки. В действительности, однако, возможности физического тела как инструмента связи с эгрегором существенно шире; автор приведет два характерных примера.

Работа с лозой, рамкой или маятником. Обычное лозоискательство это, например, поиск подземной воды с помощью изогнутой ветки (в городских условиях можно использовать согнутую под углом 90° алюминиевую спицу), которая в нужном месте поворачивается в руке человека, указывая тем самым расположение источника. Понятно, конечно, что лоза играет роль дополнительного деления шкалы, а собственно измерительным прибором является тело человека, которое настраивается на энергетическое поле местности и регистрирует усиление «водяных» вибраций. Более удивительным кажется определение маятником, т.е. подвешенным на нитке кольцом или иголкой, величины кровяного давления или времени рождения человека. В первом случае кольцо проводится над линейкой, лежащей на руке пациента так, что ее начало располагается на запястье, и в некотором месте кольцо начинает интенсивно раскачиваться; во втором случае рисуется циферблат без стрелок, и иголка показывает сначала положение часовой, а затем минутной стрелок в момент рождения человека, поле которого предварительно перемещается на иголку; аналогично с помощью географической карты местности можно пытаться искать пропавших без вести.

Какие механизмы лежат в основе подобных методов? Прежде всего, они доступны не каждому; здесь требуется определенный уровень внутреннего равновесия (эмоционального и ментального) и первичный контакт с тем подэгрегором Мирового Разума, в котором находится нужная информация. В подобных измерениях физическое тело и маятник в совокупности представляют нечто вроде бинокля, с помощью которого человек пытается считать из Мирового Разума нужную ему информацию, которая непосредственно ему недоступна, и во многих случаях такой бинокль дает нужное разрешение, и время рождения или местоположение человека удается определить с высокой точностью.

Другой вариант использования физического тела для связи с высоким эгрегором это любой ритуал, связанный с движениями тела. Часто ритуальными действиями (омовение рук, коленопреклонение и т.п.) предваряется молитва, что открывает канал в религиозный эгрегор, но это далеко не единственно возможное использование физических ритуалов. Любое периодически повторяющееся действие (например, причесывание) можно превратить в ритуал вызова определенного эгрегора, так сказать, официальное его включение, и этот ритуал может оказаться гораздо эффективнее словесного или мысленного вызова.

***

Тонкая семерка, как может, сбивает человека с настройки на высокий эгрегор в процессе работы. Простейшие (но часто очень эффективные) ее приемы таковы.

Дракон может активизировать любую из своих голов. Поисковая голова начнет искать кого-нибудь, кто оценит по достоинству совершенство рабочих операций человека — и последний тут же отвлечется, собьется с канала связи, ошибется в движении — и гравюра испорчена. Гордая голова подумает сама про себя: «Как замечательно я работаю», — и рука токаря дрогнет. Закомплексованная голова шепнет мастеру маятника: «Где уж тебе определять такие тонкости», — и иголка замрет в нерешительности или покажет нечто несусветное.

Свинья будет мешать сосредоточению на работе просто потому, что концентрация, т.е. удержание точки сборки в положении связи с высоким эгрегором, трудна, т.е. требует значительных усилий. Кроме того, она может, например, искушать человека пренебрежительно относиться к своим инструментам, даже телам, в чем она, казалось бы, не заинтересована. Но не следует забывать, что ее инвольтирует в конечном счете Фокерма, и потому ждать от *свиньи* последовательности было бы напрасно: для нее типично, например, заставлять человека есть вкусную, но заведомо вредную для него пищу, которая буквально через час вызовет сильные боли в желудке (не говоря о курении и пр.).

Торопыжка — один из главных врагов мастера. Он не дает ему доработать, т.е. дослушать эгрегор до конца, а также, что не менее важно, дать эгрегору всю необходимую информацию, о чем последний посылает человеку специальный сигнал типа: «Спасибо, достаточно». Вместо этого *торопыжка* начинает тараторить: «Ну, хватит, хватит — все и так ясно», и не дает, например, психологу дослушать клиента, когда тот еще только начинает говорить действительно существенные для себя вещи. В результате влияния *торопыжки* талантливый писатель не раскрывает тему, предложенную ему эгрегором, хороший поэт вынужден сам подбирать рифмы (если бы он дослушал свою музу, она послала бы ему готовое четверостишие, но *торопыжка* отвлек его внимание уже на первой строчке), а астролог вынужден фантазировать. *Торопыжка* хорошо виден по тому, как человек обращается с инструментами — быстро и небрежно швыряет их в сумку или укладывает их медленно и бережно.

Желтый пытается незаметно сдвинуть точку сборки так, чтобы понизить уровень материализуемых вибраций эгрегора; в случае, когда человек транслирует информацию в эгрегор, *желтый* пытается ее, сколько можно, исказить, чтобы

ввести обоих (и человека, и эгрегор) в заблуждение. Писатель начинает писать трагедию, а сбивается в избитую мелодраму; верующий готовится к посту и покаянию, а получаются ментальные игры с собственным эго; канатоходец теряет уверенность в себе и равновесие — все это примеры удавшихся происков *желтого*.

Черный, часто, наоборот, создает человеку чрезмерную уверенность в себе, в результате чего вообще перекрывается канал связи с эгрегором; человек ощущает в себе достаточную силу, чтобы работать «самому», т.е. транслировать и материализовывать поток эгоического эгрегора — тогда получается дилетантство в худшем смысле слова. Вообще прямое ощущение силы и уверенности в себе в момент работы — отчетливые знаки того, что человек служит жесткому эгрегору. Истинный творец никогда не уверен полностью ни в себе, ни в своих инструментах, ни в уровне того, что у него получается, и силу, стоящую за ним и его творениями, ощущают другие, но не он сам, по крайней мере, в момент работы. Внутренняя свобода и сомнение в выборе конкретных деталей — вечные спутники, и *черный* пытается лишить человека и того, и другого. Даже за трамвайную ручку следует браться бережно.

Змей, как водится, фиглярствует, притворяется всеми инструментами по очереди, но особенно клистирной трубкой, которую выдает за канал связи с эгрегором и человеком, представленным своим анусом. Но шутки шутками, а сильное смущение — тоже его происки, и внезапная неспособность владеть своими руками, не говоря об инструментах, и даже судороги мышц — все это нередко следствия его активности. А уж время от времени спровоцировать машинистку на кошмарную опечатку, заставив всех редакторов ее не заметить, он считает не столько приятной обязанностью, сколько своим прямым долгом.

Серый тупит инструменты, устраивает в фотообъективах сферическую и хроматическую аберрации, накапливает ошибки округления в ЭВМ и заставляет хрустеть суставы, препятствуя выделению в них синовиальной жидкости. Душевная усталость с привкусом безнадежности часто тоже прямой результат его влияния, и она заставляет человека снизить концентрацию внимания и потерять контакт с эгрегором и инструментом. Внутренний цинизм *серого* и его неуважение к миру и человечеству позволяют пробиться в результаты деятельности творца халтуре и серости, которые торжествуют столь очевидно и беспощадно, что, кажется, победить их невозможно. К сожалению, это не все: серый заливает своими вибрациями также и поток, идущий через чело-

века из плотного мира в эгрегор, и там, в тонком мире, возникает большое количество грязи и мусора, ликвидировать которые очень трудно. Ляпнет какой-нибудь серый мудрец: «Все действительное разумно», не уточнив как следует, что, собственно, имеется в виду, подхватят это высказывание широкие философские массы, растиражируют по всему белу свету, и расплывется оно грязной кляксой по общественному подсознанию, так что не вычистишь ее потом лет двести-триста — вот истинное торжество Серого Короля.

***

Однако тонкая семерка не только пытается всячески косвенно влиять на труд человека и его инструменты — часто она непосредственно предлагает свои услуги в качестве верных слуг человека, и нередко он ими-таки пользуется, даже и не представляя, что без услуг тонкой семерки можно обойтись. Действительно, тонкая семерка, особенно дрессированная, способна на многое, но, во-первых, она требует очень много сил на свое содержание, а во-вторых, кто истинный ее хозяин и в какой мере она в самом деле послушна человеку, читатель уже хорошо понимает сам. Ниже приведены лишь некоторые характерные служебные роли тонкой семерки — список легко продолжить.

Дракон предлагает свои услуги знаменитостям: королям, президентам кампаний, манекенщикам и артистам, выходящим на сцену в момент сбора аплодисментов и цветов. Автор подчеркивает, что в данном случае речь идет не о роли, т.е. ситуации, когда *дракон* выходит вперед и становится между человеком и рукоплещущим залом, а о передаче функции, когда человек отдает ее *дракону*, что означает положение, когда *дракон* полностью его поглощает и ведет ситуацию так, как считает нужным — понятно, что это означает передачу ему практически всей инициативы и энергетического потока. Вообще поглощение тонкой фигурой, неважно, добровольное или принудительное, дает человеку очень хорошую защиту от мира, но ценой резкого сужения сознания (вплоть до шизофрении) и фактического полного подчинения жесткому эгрегору. Если президент страны позволяет своему *дракону* полностью поглотить себя, он получает прямую инвольтацию соответствующего уицраора (эгрегора государственной власти), а это очень сильное переживание, расстаться с которым добровольно исключительно трудно.

Свинья говорит человеку: «Дружок, ты просто не умеешь по-настоящему расслабиться и радоваться жизни. Отдайся мне, и ты поймешь, что значит *жить*». Опять-таки слова

свиньи в данном случае следует воспринимать не как предложение предоставлять ей главенствующую роль, выпустив вперед, но как призыв полностью подчиниться, разрешив ей себя поглотить. Если человек это сделает, он становится стопроцентным слугой *свиньи*, а в конечном счете Фокермы, и окружающие скоро это заметят: перерождение человека, ставшего на путь неомраченного эгоизма, идет быстро и очень глубоко, причем довольно скоро перестает быть им управляемым; как и в случае с *драконом*, у человека, поглощенного *свиньей*, резко сужается мировосприятие, и хотя о диагнозе «распад личности на почве лютого эгоизма» автор до сих пор не слышал, не исключен и такой ход событий.

Торопыжка предлагает свои услуги не только деловым людям, но и вообще всем, кому хотя бы для чего-то не хватает времени. «Вот, посмотри, сколько несделанных дел висят на тебе, и многие годами, причем ты отлично понимаешь, неотложные, и не сделать их всех в течение ближайшей недели было бы преступлением -- не перед другими, так перед собой. Скорей, отряжай на них своего верного слугу!» *Торопыжка* не имеет в виду бежать по делам на своих ногах: он предлагает хозяину предоставить ему свои плечи, с тем, чтобы усесться на них, и, поглотив голову человека, стать одновременно впередсмотрящим, лоцманом и рулевым. Если, чувствуя, что сам не в состоянии справиться с потоком событий, человек разрешит *торопыжке* этот маневр, он попадает в подчинение Урпарпу и становится, строго говоря, социально опасным, поскольку в состоянии энергично завалить все дела, за которые берется. Клинические диагнозы здесь могут быть разнообразны: нервное истощение, маниакально-депрессивный психоз, неврастения, нервные тики и т.д.

Желтый предлагает свои услуги по бесплатному улучшению или, во всяком случае, смягчению реальности. «Твоя беда в том, что ты то и дело пытаешься стать на позиции так называемой объективности или, хуже, чужой субъективности (все эти демагогические призывы встать на точку зрения другого человека, как будто это в принципе возможно!). Пойми, что ты как субъект, личность, уникален, у тебя особый и неповторимый внутренний мир, в котором никто кроме тебя никогда не сможет разобраться, да и не надо... доверься мне, я поведу тебя в волшебные страны, не имеющие ничего общего с тусклым подобием серого существования, которое тебе предлагает «объективный» окружающий мир». Человек, с горя или скуки, а то и просто от нечего делать, из *свиного* каприза или любопытства, разрешает *желтому* поглотить себя, и попадает в искаженную реальность с одним, впрочем,

обязательным принципом, имя которому — безответственность. Как правило, такие люди производят впечатление изолгавшихся, им как будто трудно произнести любое слово правды, хотя бы и абсолютно невинной. В тяжелых случаях возможен алкоголизм, наркомания, различные бредовые состояния — при этом человеку, естественно, кажется, что бредит окружающий его мир. А начинаться все могло по-видимости очень невинно: ложь во спасение, случайная ложь, незначительный намеренный самообман, небольшое статистическое исследование...

Черный предлагает свои услуги одинокой женщине, отчаявшейся укрепить ручку входной двери, которая почему-то все время открывается. В один прекрасный день она сдается и разрешает ему поглотить себя, подчинив свою волю его: фактически это астральный брак. На следующий день она (точнее, он) идет в магазин «Инструменты», покупает крестовую отвертку и соответствующие двери шурупы и, вернувшись домой, твердой рукой вворачивает их в надлежащие отверстия, укрепляя ручку намертво. Вечером ей приходит в голову мысль: почему, собственно, ей раньше казалось, что ей так уж в жизни кто-то нужен? Во-первых, посмотрим мы еще на всех этих кавалеров, а во-вторых, и вечером по улице идти было совсем не так страшно — шурупы с отверткой как-то успокаивали и вселяли уверенность в себе...

Правда, выйти замуж, будучи поглощенной *черным*, довольно трудно, и может выработаться сильное априорно-агрессивное отношение к миру, но это тоже многим как бы помогает в работе: швейцарам, охранникам, вышибалам, десантникам и профессиональным убийцам. Плохо, если поглощенным *черным* становится президент страны — тогда там расцветают всеобщая подозрительность, тайная полиция, и начинается террор — царство Гагтунгра материализуется в государственном строе.

Змей предлагает свои услуги проституткам, манекенщицам и девушкам на выданье, оборачиваясь в данном случае пушистой мурлыкающей кошечкой с очень длинными, хотя и втянутыми, когтями. (К сожалению, все три категории женщин в нашей цивилизации часто предпочитают услуги *черного*, что, по мнению автора, противоестественно). *Змей* часто является постоянным спутником и слугой адвокатов, писателей-сатириков, конферансье и идеологических работников — часто наряду с *желтым*. Однако поглощение *змеем* означает тотальное лишение совести, чувства долга и каких-либо устойчивых нравственных ориентиров, своего рода окончательный нигилизм и растление, которое может проявиться на лю-

бом плане и уровне, в том числе духовном и сексуальном. «А что, скажет *змей*, отложив порнографический журнал, так и надо! Падающего толкни, говорил Учитель, и раз не смогли устоять, так им по карме и положено, пусть знают, кто они на самом деле есть!» К сожалению, растление, которым руководит опытная Фокерма, происходит, в первую очередь, с самым человеком.

Серый предлагает свои услуги человеку уставшему и отчаявшемуся. «Ты даже унывать как следует не умеешь, безнадежно-приветливо скажет *серый*. — Отдайся мне, я научу тебя сладости отчаяния и беспросветности, и вот тогда-то мы и посмотрим на твоих друзей и родственников, пусть вместе с нами поймут, что жить незачем и не для чего». Действительно, тотально депрессивно-унылое и столь же безответственное существо, поглощенное *серым*, производит тяжелое впечатление — это работа под профессиональных нищих, убогих, сирот, калек, беженцев и т.д., которым надо срочно помогать, спасать, лечить... иначе они немедленно (или медленно, что еще хуже) погибнут.

Понятно, что большую часть жалости и другой энергии внешнего мира *серый* забирает себе, и лишь ничтожные крохи достаются самому человеку (это, впрочем, относится к ситуации поглощения любой тонкой фигурой) — и остается лишь удивляться тому, какое множество людей добровольно соглашается идти навстречу подобному служению. Результаты его не замедлят себя ждать: это сильные депрессии, всевозможные соматические болезни, связанные с понижением жизненного тонуса, и постепенное прощание со всеми друзьями, не выдерживающими безжалостной эксплуатации их христианских чувств Урпарпом.

***

Враги и партнеры, или Искусство быть с другим

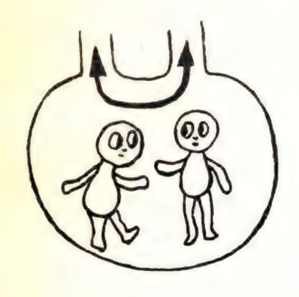
Неспешное течение сюжета, миновав множество излучин, выводит, наконец, читателя во вторую половину трактата, посвященную тем положениям точки сборки, когда игнорировать внешний мир, казалось бы, невозможно, поскольку он оказывается сильнее человеческого «я».

Вообще надо прямо сказать, что для психики это травма, и притом немалая. Все подсознание, не говоря о тонкой семерке, буквально восстает против подобной постановки вопроса: как это внешний мир может быть важнее меня (нас)? Но, тем не менее, вот он, смотрит неотступно, и никуда от него не денешься, приходится самому приспосабливаться и насильно учиться тому, чему учиться часто вовсе даже не хочется — но ничего не поделаешь, ракета, стартовавшая в момент зачатия, давно уже в полете, и поздно говорить: «Я передумал!».

***

Любое взаимодействие с другим человеком означает контакт с его ведущим (т.е. тем, которому он служит в данную минуту) и, в меньшей степени, кармическим эгрегором. В свою очередь, у самого человека за спиной стоит его собственный ведущий эгрегор, и, конечно, обе стороны, если позволить себе юридический оборот, обладают каждая полууправляемой тонкой семеркой, так что в самом обычном диалоге принимают непосредственное (активное или пассивное) участие минимум два эгрегора и четырнадцать тонких фигур, ведущих себя, как правило, довольно-таки непринужденно.

У всякого парного взаимодействия есть несколько целей, или, если читателю неприятен телеологический акцент, несколько аспектов. Главный из них это обмен информационно-энергетическими потоками между ведущими эгрегорами, но по ходу общения могут возникать и некоторые побочные эффекты, например, взаимное обучение, а иногда родятся дети.

Во время любого общения между двумя людьми возникает определенная медитация, т.е. их точки сборки перемещаются в положения, из которых както виден партнер, а пару окружает некоторое тонкое облако, в которое входят каналы ведущих эгрегоров партнеров. Через это облако идет двусторонний обмен информацией между эгрегорами. Чем лучше партнеры понимают друг друга, тем интенсивнее может идти обмен между эгрегорами, если, конечно, им есть что сказать друг другу.

Здесь у читателя может возникнуть резонный вопрос: зачем так сложно? Неужели эгрегоры не могут договориться друг с другом непосредственно, т.е. минуя человеческое общение вообще? Безусловно, могут, и по большей части именно так и поступают. Однако такое взаимодействие без материального носителя имеет свои границы, и иногда оказывается недостаточным, а кроме того, не следует забывать, что человек в силу своего высокого эволюционного положения в принципе способен пропускать через себя очень сильный и широкий поток, так что эгрегорам иногда бывает удобно пользоваться возможностями, предоставляемыми им человеческими контактами; люди при этом, правда, несколько недоумевают, почему их общение идет столь напряженно и как будто имеет дополнительный смысл. С точки зрения общающихся с помощью людей эгрегоров, правда, побочным эффектом являются, наоборот, как раз чисто человеческие взаимодействия, и люди как будто этого не понимают и понимать не хотят, словно назло и себе, и эгрегорам.

Несоответствие между номинальным (официальным, социальным) смыслом взаимодействия и астрально-ментальной нагрузкой на партнерах бывает настолько вопиющим, что от партнеров требуется много атеизма и вульгарного материализма, чтобы его проигнорировать. Истина же заключается в

том, что физические встречи между людьми (а также телефонные разговоры и особенно переписка) всегда нагружены эгрегорами, которые обязательно имеют в виду определенный информационно-энергетический обмен, а он, в свою очередь, возможен лишь при хотя бы приблизительно соответствующей медитации между людьми, а характер этой медитации тесно связан с происходящим или обсуждаемым ими плотным сюжетом, т.е., попросту говоря, с их действиями и словами.

Игнорирование воли ведущих эгрегоров, стоящих за спиной партнеров, приводит к весьма неприятным для всех последствиям. Это только очень легкомысленным и невнимательным людям может казаться, что все происходит легко и случайно: случайно встретились, почему-то обратили друг на друга внимание, откуда-то взялись легкость общения, взаимопонимание с полуслова, чувство доверия и т.д. На самом деле все эти обстоятельства, как психологические, так и внешние (включая и такие подробности, как форма одежды в момент встречи) долго и тщательно готовятся в тонком мире и материализуются с большим трудом; поэтому на любой человеческий контакт эгрегоры возлагают большие надежды и ожидания, но пока мало кто из людей воспринимает такой аспект своих контактов как основной и притом имеющий лишь косвенное отношение к своей личной судьбе.

Вообще любой контакт двух людей подразумевает определенный информационно-энергетический обмен между ними и ведущими эгрегорами, и если он происходит, то возникает (хотя бы на секунду) совершенно определенная медитация, в каждом случае своя, у людей появляется чувство некоторой общности или сотрудничества, т.е. участия в одной и той же невидимой, но очень важной программе. Однако часто услышать тихий шепот своего эгрегора не удается, особенно если у человека нет соответствующей установки, и тем более трудно воспринять чужой эгрегор. В этом месте авторский *змей*, вооружась томиком лирики XIX века, патетически восклицает:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?

Конечно, спорить с авторитетом Федора Тютчева сложно: однако в человеческом общении до таких высот (глубин) дело доходит редко или, во всяком случае, это не тема настоящего трактата. Что же касается выражения воли своего восприятия информации чужого ведущего эгрегора, то это возможно и вполне в силах человеческих. Однако кто-то решительно восстает против этого, и здесь, к сожалению, партнерам прихо-

дится бороться не только со своими личными тонкими семерками, но и вступать в контакт с Королевской Семеркой, поскольку личные контакты социум регламентирует очень жестко. Однако перед тем, как вплотную перейти к этой теме, автор хочет сделать важное замечание.

Сам по себе любой контакт с другим человеком труден и небезопасен, а для того, чтобы заинтересовать человека в нем, эгрегору нужно потратить достаточно много усилий. Как правило, при этом используются мотивировки двух типов: кнута и пряника, а без этого человек, разумеется, предпочтет спокойно сидеть в своем углу и никуда наружу не вылезать. Однако помимо мотивировок ведущего и кармического эгрегоров, часто возникает особая ситуация общения, когда в тонком мире создается почти изолированный от других эгрегоров личный *эгрегор пары* (Курт Воннегут называет его карассом на двоих, или дюпрассом), который должен реализовать программу интенсивного информационного обмена и взаимного обучения (реже — совместной деятельности). В зависимости от обстоятельств, эта ситуация может быть материализована по-разному: интенсивная дружба между людьми одного пола, любовь или любовная связь на любой энергетике, просто очень значимый для собеседников длинный разговор, в течение которого происходит что-то важное, хотя понять, что именно, удается далеко не всегда. Но в любом случае включение отчетливого парного эгрегора дает партнерам не только ощущение своей значимости друг для друга и глубокого взаимопонимания хотя бы в некоторых областях, но и чувство автономии пары, т.е. независимости ее существования от любых внешних условий, в том числе социальных. Здесь вдвоем, наедине один с другим, люди решают вопросы, касающиеся только их — и в то же время важные для всего остального мира, но он на время должен оставить их в покое. Ощущение себя как микрокосма дано многим людям, но есть также значительно более тонкое и труднодостижимое ощущение пары как микрокосма, и если оно в какой-то момент переживается, то должно рассматриваться участниками как большое достижение в развитии своих отношений, как бы они ни складывались дальше.

При включении в программу материализации парного эгрегора важно понимать следующее.

Прежде всего, его первое включение (знакомство), оформление (развитие отношений) и смерть (прекращение отношений или переход их в качественно иную фазу) могут протекать совсем по-разному, и, в-частности, плохо вписываться в социальные или индивидуальные клише. Например, совер-

шенно неоформленные или неудовлетворительные с социальной и личной точки зрения сюжеты отношений могут быть вполне адекватными с точки зрения породившего их эгрегора. Далее, внешние формы взаимодействий часто условны, т.е. если и символизируют проходящие фактически информационные обмены,то довольно абстрактно, и разгадать, каковы эти обмены на самом деле, может быть очень трудно (часто не хватает языка), да и не нужно (не входит в кармическую программу). Жизнь есть по большей части великая тайна, а личные отношения — вдвойне, и это первый урок, который должен выучить человек, надеющийся на культурное общение с себе подобными. Существенно также, что на взаимодействие между партнерами парный эгрегор дает часто вполне определенное время, в которое паре нужно уложиться, и если этого не происходит, сюжет взаимоотношений или болезненно обрывается, оставляя у партнеров чувство неудовлетворенности собой и друг другом (часто и миром в целом, даже Богом), либо социальные отношения тянутся, но лишены инвольтации, т.е. фактически не санкционированы, и привлекают внимание Гагтунгра, который нагружает их своим смыслом, подключая пару к одному из своих эгрегоров.

Необычайно важно также правильное распределение ролей, всегда подсказываемое парным эгрегором, но часто не замечаемое или сознательно игнорируемое людьми. Более того, всегда есть соблазн манипулирования партнером с помощью энергии парного эгрегора, что может испортить или вовсе уничтожить самые сильные и многообещающие парные программы. Дело в том, что в принципе в парных взаимодействиях партнеры, с точки зрения парного эгрегора, часто взаимозаменяемы, и то, что отказывается сделать один, перекладывается эгрегором на плечи другого — но продолжаться до бесконечности так не может, регулярный дисбаланс кончается смертью эгрегора и срывом программы взаимодействия. Особенна распространена спекуляция в программах взаимного изучения и приспособления; говорить (вслух или про себя): «Полюби меня черненьким, беленьким-то меня всякая полюбит» или «Тебе надо — ты и приспосабливайся, а я уж буду жить как мне нравится» — прямое преступление против парного эгрегора, и последствия, часто в виде гибели последнего, не заставляют себя ждать.

Вообще парный эгрегор (часто хочется сказать «эгрегорчик»), как правило, очень нежное создание, с тихим голосом, но порой огромными возможностями. Правильная парная работа — понятие, практически не существующее в цивилизации и почти не описанное в духовных текстах, как западных,

так и восточных. В семейной жизни супруги чаще всего представляют друг для друга мощные черноучительские фигуры, хотя кармически может предполагаться совсем иное. Причины такого неудовлетворительного положения заключаются, кроме всего прочего, в недооценке социумом в целом значения парной и групповой работы (в частности, ее богоугодности) и в крайне убогих его представлениях о возможном характере и целях парной работы, а также распределении ролей в парах. Жесткая типология сюжетов и крайне ограниченный спектр ролей не дают реализоваться программам, заложенным в парный эгрегор, поскольку они обычно имеют довольно тонкий характер и сугубо личную, ни на кого не похожую физиономию, которая, однако, чаще всего не умеет за себя постоять и гибнет, профанируясь под нажимом штампов общественного подсознания, как фиалка под колесами асфальтового катка.

В заключение этого отступления о парных эгрегорах автор, пользуясь временным отсутствием Гагтунгра и его слуг, хочет сказать несколько слов о любви между мужчиной и женщиной. То, что написано ниже, следует воспринимать не как руководство к практическому действию, но скорее как притчу или сказочный сюжет, который, однако, позволяет многие личные ситуации интерпретировать более адекватно.

У каждого человека есть душа противоположного пола, которая его любит, но чаще всего ни в ком не воплощена. Стремясь выразить свою любовь к женщине, ее (мужская) Любящая Душа находит в пространстве подходящего мужчину и вселяет в него любовь к этой женщине, имея в виду, что он выразит эту любовь, причем формы выражения, как и наиболее подходящие знаки внимания, интимные ласки включительно, Любящая Душа женщины подсказывает влюбленному мужчине совершенно точно: у женщины возникает впечатление, что ее возлюбленный знал ее всегда; но для этого мужчине нужно слушать не женские капризы и даже не свою личную интуицию, но своеобразное нежное постороннее существо, прилетающее к нему вместе со своей любовью к этой женщине и точным знанием того, что ей желанно и нужно. Однако для адекватного контакта женщина тоже должна стараться прозреть за мужчиной ту Любящую Душу, которая стремится передать ей через воплощенного мужчину что-то тонкое, но очень для нее важное, такое, чего в ней самой нет и быть не может.

Поэтому любовь, которую испытывает человек к разным представителям другого пола, всегда разная: ее возбуждают в

нем разные Души, а чувства, которые он получает от других, всегда в чем-то одинаковы — это любовь одной и той же Любящей Души — но получающая различные воплощения, чтобы не сказать, редакции, через разных его возлюбленных. Но для того, чтобы это ощутить, нужно быть внимательным вдвойне и разрешить себе и восприятие, и оформление самых неожиданных и непривычных душевных и материальных импульсов, возникающих в направлении любимого существа, которое, следует сказать, редко знает, чего хочет, и еще реже осознает, что ему нужно.

***

Однако автор возвращается к своим любимым героям, которые собрались все вместе и с нескрываемым интересом глядят в пространство: не появится ли где аппетитная фигура другого человека, окруженная, естественно, аналогичной семеркой, с которой можно будет наладить те или иные отношения. В идеале две тонкие семерки хотели бы полностью растащить энергию парного эгрегора, подчинив его Гагтунгру, а предварительно, естественно, перестроив. Как же это делается?

Прежде всего, тонкая семерка свято убеждена, что уж что-что, а общение — это ее епархия. «Ты сам не умеешь, не можешь, а на самом деле и не особенно-то и любишь общаться, говорит она хором, оставь это дело нам!» О том, насколько тонкая семерка мешает человеку в контактах с партнерами, она предпочитает умолчать.

Самый первый момент, когда кончается монолог и начинается диалог, т.е. собственно общение, заключается в переходе точки сборки в область, где внимание человека преимущественно направлено во внешний мир (в частности, на партнера) и лишь косвенно — на себя. Вообще говоря, это не так легко, и многим людям это умение не дается вообще или удается лишь кратковременно; однако умение внимательно, почти забыв о себе, воспринимать другого — главное в искусстве общения, и ему нужно учиться всю жизнь. Тонкая семерка держится на этот счет противоположного мнения.

«Вот еще, смотреть на него, — недовольно бурчит гордая голова *дракона*. — Да кто он такой, собственно говоря? Принц Уэльский или вице-король Индии? Пусть лучше сам на меня полюбуется (здесь *дракон* приосанивается), какой *я* замечательный». Закомплексованная голова способна смотреть — завистливо и заискивающе — но не другого человека, а на его

крупного и красивого *дракона*, в надежде к тому подольститься и получить инвольтацию.

«Да что там стараться, смотреть на кого-то, глазки устанут или, неровен час, еще шею себе свернешь, — уговаривает человека *свинья.* — Давай сделаем вид, что ничего не происходит, а ежели на роду написано с кем встретиться, так от судьбы-то не уйдешь, явится сам как миленький». Иногда *свинья* апеллирует к горькому опыту человека или человечества в целом: «Ну что тебе, больше всех надо? Вспомни, когда в прошлый раз полез общаться, что из этого вышло? Будешь ты делать выводы из своей жизни или так и умрешь круглым дураком? Неужели до сих пор непонятно, что другие только и ждут случая, чтобы тобой попользоваться, коровушка ты комолая дойная».

«Главное — не упустить случая, — торопит человека *торопыжка.* — Видишь, стоит роскошный мужик, сейчас к нему, выяснишь, как зовут и кому родственник, а потом сразу вон к той блондинке с бусами, шаркни ножкой, скоренько улыбнись и пора уже с хозяйкой поздороваться, а там оглянуться не успеешь, новая карусель завертится», — понятно, что в подобном ритме точка сборки стоит так, что человек (и эгрегор) регистрирует социальную среду в целом, но не отдельных ее составляющих индивидов, которые сливаются в пестрый ровный или неровный фон.

Желтый поворачивает реальность так, что увидеть в ней постороннюю личность просто не удается — так, ощущается нечто человекоподобное, но что именно, рассмотреть все же не удается, образ расплывается и оформляться не хочет. У *желтого* своя жизненная позиция: «Людей стоит воспринимать лишь в той мере, в какой они сами способны постичь твой внутренний мир и вписаться в него, а остальных можно смело игнорировать». Вообще *желтый* большой мастер по некорректным методам адаптации внешней реальности к внутренней. Например, мать просит своего великовозрастного сына с поэтическими наклонностями помыть на кухне пол. Отпрыск после краткого раздумья отвечает ей следующей мантрой:

Чем жизнь твоя нехороша?
Была бы чистая душа.
Ты сына береги покой
Для важной миссии другой.

Посрамленная силой стиха, мать принимается за уборку квартиры сама, так и не сумев пробиться в сознание сына, доступ в которое успешно перекрыл *желтый.*

Черный может закрывать видение другого человека чувством ужаса, связанным с чем угодно, например, с его размерами, физической силой, социальным положением, чудовищными усами или просто принадлежностью к противоположному полу. «Ты что, не видишь, это же мужчина!» — шепчет *черный* молоденькой девушке, — и от него в любую минуту можно ждать *чего угодно*». О какой, собственно, опасности идет речь, *черный* не уточняет, но это и не требуется: потенциальный партнер заменяется угрожающим облаком, которое может не рассеяться и после двадцати лет брака, особенно если у женщины окажутся сильны инфантильные установки против отца, внушенные матерью.

Змей часто не дает человеку возможности увидеть другого именно как человека. «Ты посмотри, как он ест, — шепчет *змей* на ухо хозяину, это же форменный заяц, грызущий морковку». В интеллигентной среде *змей* заранее спрофанирует все тексты и взгляды другого, не давая ему права на личную культуру в принципе. Естественное видение *змея* превращает партнера в плоского паяца, чьи глупые шуточки давно всем известны, и обсуждать или ждать чего-то стоящего просто несерьезно.

Серый лишает человека энергии и энтузиазма вообще смотреть на другого. «Все они одинаковы и одного хотят, — шепчет он человеку, — и ты отлично это знаешь; так стоит ли тратить силы и в сотый раз слушать все ту же пластинку?» *Серый* — один из самых опасных врагов парного эгрегора, поскольку он косвенно, но настойчиво заставляет человека ждать отчетливых и грубых эффектов именно там, где нужна настройка на тонкости и полутона. Люди действительно во многом похожи друг на друга, но общение — один из главных путей помочь им найти свою индивидуальность, т.е. отличие от других, что является первым шагом на пути, ведущем к интеграции и кармическому эгрегору.

Если тонкой семерке не удается растворить партнера в окружающей среде, и он все же является перед лицом человека так, что проигнорировать его не удается, тонкая семерка радикально меняет свое поведение и пытается приспособить партнера для своих нужд. При этом партнер выделяется из внешней среды (чего не происходило в приведенных выше примерах), но не вычленяется из социальной среды, т.е. рассматривается человеком не как особая уникальная индивидуальность, но как стандартный социальный объект, из которого можно извлечь определенную выгоду.

«Кажется, появился кто-то, кому можно себя показать» — радостно восклицает *дракон*, превращая контакт в ситуацию бессовестного выпендрежа и ожидая молчаливого, а лучше выраженного вербально восхищения своими достоинствами со стороны социальной среды. Если этого не происходит, всегда можно пренебрежительно бросить: «Вот бляди!», после чего гордо удалиться.

Свинья блюдет свой интерес. «Чем, собственно, можно поживиться в данном случае?» — думает она и обычно что-то себе находит — или контакт отвергается как бесперспективный. Основная установка *свиньи* — считывание информации и поедание энергии в легко усвояемых видах, и здесь роль другого человека не может быть переоценена: горизонтальные энергетические потоки, идущие от одного человека к другому, воспринимаются часто гораздо легче, чем вертикальные, т.е. идущие к человеку непосредственно из эгрегора. В интеллектуальной среде *свинья* непременно помянет Антуана де Сент-Экзюпери с его роскошью человеческого общения, хотя до общения как такового может быть еще далеко; девушка из предместья кокетливо поведет плечами и скажет кавалеру напрямик: «Хрю! А как вы будете меня развлекать?», оккультист половчее, не говоря дурного слова, присосется к чужой энергетике на манер вампира.

Торопыжка быстро побежит от одной интересующей его темы к другой, не обращая никакого внимания на то, насколько они интересны партнеру, или пристроится к партнеру географически: «Ты куда? Ну, и я с тобой» (пассивный вариант) или «Я куда надо. Айда со мной» (активный вариант), опять-таки невзирая на вероятное сопротивление насильственному контакту. Кроме того, *торопыжка*, запросто оборвет монолог партнера, не дав человеку дослушать его до конца, если сочтет, что все это не слишком интересно для него самого и пора переходить к следующему сюжету.

Желтый исказит образ партнера (а при случае и его слова) до неузнаваемости в направлении, удобном для человека, и создаст массу недоразумений, целью которых будет, в частности, уход от концентрации на партнере как таковом, но некоторое косвенное с ним взаимодействие, по ходу которого, однако, удается извлечь какую-нибудь выгоду. Типичный прием *желтого* — посулить партнеру интимное взаимодействие любого рода, чем инициировать его активность, а затем, поглотив всю полученную от него энергию, рассеянно сказать в пространство: «А что это вы так возбудились? Я, собственно, ничего не имел в виду, и мне лично ничего не нужно».

Черный выставляет, например, лозунг: «Мужчинам нельзя верить», который разочарованная в сильном поле женщина носит на гордо торчащих в социальное пространство грудях. Понятно, что этот вызов не остается незамеченным и вводит потенциальных партнеров в очень узкую схему поведения, полностью подтверждающую исходный тезис *черного*. Однако никакой дифференцировки партнеров при этом не происходит, и пробиться через заслон *черного* до уровня личного восприятия себя партнеру практически невозможно.

Змей принципиально насмешничает и профанирует любого потенциального партнера до уровня безликой толпы, чьи представители равно скучны, банальны и не могут являть собой никакого интереса в принципе, разве что в качестве предмета издевательств. Любой прием *змея* — поставить кандидата на персональное внимание хозяина, что называется, на место: «срезать», «унасекомить» и т.п. Легче всего это делается подчеркнутым рассогласованием положения точки сборки партнера и своей: так, на остроумную шутку *змей* может небрежно бросить: «Да вы, я погляжу, остряк», в ответ на комплимент одежде наигранно-возмущенно заявить: «А что, я сама разве хуже?» и т.п. (в психологии это называется некомплементарным ответом).

Серый стоит на известных позициях: ничего в мире хорошего произойти не может и любое новое лицо ничего, кроме скуки и разочарования, не принесет. Здесь на груди у человека красуется пароль царевны Несмеяны: «Никто не может меня развеселить», а на спине ее же отзыв: «И никто вас об этом и не просил». Войти в персональный контакт с таким человеком очень трудно, хотя он при случае охотно (и виртуозно) может сыграть с группой в известную психологическую игру «Почему бы вам не — да, но», где *серым* ставится проблема, которую общество пытается, но принципиально не может решить.

Итак, для того, чтобы воспринять другого человека как партнера, нужно пройти несколько этапов, которым соответствуют положения точки сборки, последовательно материализующие фигуру партнера и направляющие на нее все более пристальное внимание ведущего эгрегора человека. Ввиду чрезвычайной важности этой темы автор повторяет содержание нескольких предшествующих страниц.

Естественное положение точки сборки соответствует нахождению человека в окружающей среде, изобилующей разнообразной флорой и фауной, никакая часть которой не привлекает, однако, его специфического внимания; другими

словами, человек разыгрывает сюжет «*Я* в окружающем мире» с выраженным акцентом на «Я». В этой ситуации он в основном сосредоточен на себе, а любой фрагмент окружающего мира если и привлекает случайное рассеянное внимание, то очень ненадолго. Поэтому первый этап выделения партнера это выделение его из окружающей среды, для чего точка сборки человека должна совершить существенный сдвиг.

Когда этот сдвиг происходит, человек попадает в специфическую социальную среду — мир, который отличается от природной окружающей среды наличием разнообразных людей и необходимостью учитывать их в своем поведении; иначе говоря, человек ощущает включение общесоциального эгрегора. Здесь будущий партнер воспринимается уже не как ненавязчивый кустик или зайчик (как это бывает на первом этапе), но как абстрактный социальный индивид, человек вообще, снабженный в лучшем случае некоторыми специальными характеристиками: пол, возраст, род занятий и т.д. Однако и здесь индивидуальной специфики еще не ощущается, как будто партнер проходит в длинном карнавальном шествии, где на лицах людей надеты маски: Булочник, Пожарный, Юная девушка, Ребенок, Знакомый, Любовница Знакомого и т.д., и никак особенно в этой толпе не обозначен.

Наконец, следующий сдвиг точки сборки в сторону восприятия партнера переводит его (для человека) в категорию *индивидуальности*, и только здесь начинаются собственно парные взаимодействия, в том числе медитации, поскольку только здесь ведущий эгрегор человека впервые видит его партнера, вычленяя его не только из окружающей (природной), но и из социальной среды. Проще говоря, партнер, наконец-то попадает в сферу пристального внимания человека — и что тут начинается!

Не нужно, однако, думать, что этот третий этап видения другого человека (персональное видение) всегда достигается; некоторым людям удается прожить всю жизнь, так и не пустив никого к себе ближе уровня социальной среды; при этом родные и близкие часто идут как природная среда и иногда обижаются на это: «Вот, ты меня за человека не держишь.»

Так что посмотреть на другого как на человека и увидеть в нем неповторимую индивидуальность (не говоря уже микрокосм) не так легко: нужно сначала выделить его из природной, а затем из социальной среды, чему тонкая семерка активно противостоит. Однако, если человеку все же удается преодолеть ее сопротивление, что он видит перед собой? От-

вет вряд ли удивит читателя; перед человеком сконденсируется одна из тонких фигур партнера.

***

Конечно, социум не оставляет своих граждан без поддержки соответствующими ритуалами в такой ответственной ситуации, как личное общение. При этом ритуалы взаимодействий направлены как раз на упорядочение взаимодействия тонких фигур, которые, с социальной точки зрения, и являются субъектами взаимодействия. Рассмотрим в качестве примера ритуал знакомства.

В идеале представление совершает третье лицо (чуть ниже станет понятно, почему оно желательно). — Познакомьтесь, пожалуйста: Эдуард, студент театрального училища (Эдуард поднимает взор, вперед выступает его *дракон* и смотрит нагло). А это Иван Федорович, капитан 3 ранга (Иван Федорович расправляет плечи, его *дракон* выходит вперед на два шага и раскланивается, уставившись на *дракона* юноши всеми тремя головами). Иван Федорович делает шаг вперед и протягивает руку. В этот момент его *дракон* исчезает, а сзади показывается фигура *черного*, чье лицо настороженно, но не агрессивно: он изучает *черного*, стоящего за спиной студента. Студент улыбается, пожимает протянутую капитаном руку, говоря: «Очень приятно». В этот момент происходит следующее: *дракон* студента пропадает, а его *черный* и *черный* капитана, выходя вперед, договариваются о ненападении, что выражается в теплоте рукопожатия (фактически оно совершается парой *черных*). Теперь можно спокойно искать общую тему разговора.

Если знакомятся мужчина и женщина, возможны различные варианты, в том числе и ритуал, идентичный описанному выше, но это выглядит грубовато и не очень сближает. Гораздо эффективнее в некоторых отношениях знакомство, при котором о *черных* речи вообще не заходит: у мужчины вперед выходит *дракон*; а у женщины — *змей* (в этом случае женщине удобно протянуть руку не для рукопожатия, но для поцелуя). Сцена, которая при этом происходит между мужским *драконом* и женским *змеем*, столь живописна, что авторское перо не берется ее описать, особенно если партнеры друг другу нравятся.

Теперь делается понятной отчасти роль человека, ведущего *ритуал* представления: он с самого начала ограничивает активность черных представляемых, гарантируя им относительную безопасность друг для друга. Идеальной, с точки зрения социума, целью знакомства является появление на аван-

сцене и взаимное снюхивание *свиней* новых знакомцев. Вообще надо сказать, что так называемое умение вести себя в обществе это на 90% умение не ущемить чужую *свинью*; при этом условии можно, конечно, подкормить и свою.

Возможно, многие не понимают энергетический ритуал прощания, который на редкость прост: *свинья* выступает вперед и говорит: «Большое спасибо, было очень вкусно, и я совершенно сыта. Через некоторое время, однако, буду рада снова с вами повидаться». После этого *свинья* исчезает и появляется спокойный *черный*, который жмет руку *черному* хозяина с обещанием ненападения в ближайшем будущем. Последовательность появления тонких фигур при прощании должна быть именно такой: сначала *свинья*, потом *черный*; при очень близком знакомстве *черный* может появляться лишь в последнее мгновенье, чтобы оборвать медитацию и энергетическую связь (иначе расстаться не удается).

***

Конечно, описать все типы взаимодействий тонких семерок при личном общении людей не в силах автора, и он, как обычно, ограничивается несколькими характерными примерами. Читатель должен при этом помнить, что все эти примеры носят в каком-то смысле отрицательный характер, так как в любом случае тонкие фигуры поедают энергию (и информацию), предназначенную людям, а в конечном счете, их ведущим эгрегорам. Бывают, конечно, варианты поведения, когда люди сознательно используют свои тонкие фигуры для целей управления партнером, но чаще всего они при этом не осознают, чьими силами при этом на самом деле пользуются и каков будет характер расплаты.

Дракон обожает отношения типа духовного учительства. При этом он не обязательно активизируется у учителя, надуваясь сверх всякой меры (что, впрочем, тоже довольно типично); зачастую он активен именно у ученика, в то время как у учителя на первый план выступает *желтый*, *черный* или *змей*. Надо сказать, что совместные медитации тонких фигур происходят внешне гораздо свободнее, чем у людей: фигуры в этот момент произвольно переплетаются друг с другом, частично проникают одна в другую или даже иногда объединяются в синтетическую фигуру, обычно устрашающего вида и размера — последнее соответствует сильным низким энергетическим потокам, т.е. медитации под откровенным управлением Гагтунгра, когда через людей обмениваются силой, знаниями и опытом жесткие эгрегоры.

Практическое обучение иногда идет под сражение *черных*, причем *черный* учителя должен победить; чаще, однако, у ученика активизируется *желтый* или *змей*. Гораздо хуже, если практический учитель пользуется услугами *желтого*, т.е. морочит ученикам голову вместо того, чтобы давать им честные знания; тогда ученики поневоле активизируют своих *желтых*, обманывая и предавая своего учителя где только смогут, (например) не считая этого за грех.

Дружба.

Дружба чаще всего идет как совместная медитация одноименных фигур, поэтому можно различать 7 ее видов. Дружба *драконов* имеет целью общее самоутверждение, чаще всего за чужой счет (например, позиция «до чего же мы с тобой их всех умнее»). Дружба *свиней* — медитация с целью совместно и дружно потребить все съедобные энергии внешнего и внутреннего мира — очень, к сожалению, распространенный вид товарищества. Дружба *торопыжек* — совместная беготня и взаимный «подзавод», т.е. увеличение внутреннего ритма. Дружба *желтых* — согласованное взаимное введение в заблуждение, или путешествия вдвоем по искаженным мирам Фокермы — собутыльники. Дружба *черных* — совместная медитация на злой воле, силе или, наоборот, трусости. Дружба *змеев* — тоже очень распространенный вид медитаций типа согласованного профанирования реальности, или постоянных насмешек друг над другом. И, наконец, дружба *серых* — «Давайте скучать вместе», очень распространена среди людей пожилого возраста, которым решительно не хочется ничем заниматься, разве что осудить молодежь за дикость, а правительство за беспомощность.

Бывают, конечно, и другие виды дружбы, основанные на медитациях *дракон — змей*, *черный — желтый* и т.д.; читатель, вероятно, легко обнаружит их в своем ближайшем окружении.

Манипуляции.

Очень специфический вид парных отношений это манипуляция (корыстное управление) одного из партнеров другим, бессознательное или сознательное. Примитивная манипуляция (угрозами или побоями) осуществляется парой *черный — черный* или *черный — свинья*, или иногда *черный — дракон* (первой указана тонкая фигура манипулятора, второй — его жертвы). Более тонкие манипуляторы комбинируют своих *желтого*, *змея*, *торопыжку* и *дракона*, апеллируя

при этом к *желтому*, *дракону*, *свинье* или *торопыжке* жертвы в самых различных комбинациях. Жертва, однако, может, в свою очередь, поставить вместо ожидаемой *свиньи*, например, *змея*, и тогда ситуация может выйти из-под контроля манипулятора.

Сексуальные отношения.

Подавляющее большинство авторов учебников по технике секса убеждено, что сексуальный акт проводится в интересах *свиней* участников, каковым и предлагаются оптимальные программы удовольствий, насколько это удается авторам, утонченных. Конечно, опытный развратник смотрит на физкультурные изыски причудливо переплетенных тел снисходительно: он-то отлично знает, что правит сексуальный бал вовсе не *свинья*, а *змей*, но говорить об этом в обществе как-то не принято, исключая специфические анекдоты, которые сочиняет, конечно уж, не туповатое животное с пятачком.

Однако сексуальные медитации в жизни людей необычайно важны, и расходовать энергию, которой стремятся обменяться ведущие людей эгрегоры, на радости *свиней*, *драконов*, *черных* или *змеев* — это, пожалуй, один из самых глупых и святотатственных способов поведения, за которое приходится расплачиваться очень дорого, причем не только характерными болезнями (неврозы и импотенция у мужчин, женские болезни у женщин), но и резким ухудшением взаимопонимания и согласования внешних действий — ведущие эгрегоры не смогли согласовать друг с другом своих плотных программ, поскольку все их сообщения были пожраны тонкими фигурами.

Сексуальная фрустрация всей современной цивилизации, причина которой — неудовлетворительные медитации при половых контактах, приводит к тому, что общество начинает искать пути их усиления (вместо повышения уровня вибраций), и вопрос поднимается на высоту, т.е. им начинает заниматься Королевская Семерка. Ее выводы и рекомендации половые партнеры получают не только через прессу и телевидение, но и непосредственно, в форме текстов личных тонких фигур. Эти тексты у разных людей настолько похожи, что автор в виде исключения вкладывает их в уста Королевской Семерки, и если в душе читателя они не найдут никакого отзвука, то он находится на очень высоком уровне развития — или чего-то в себе еще не осознал.

«Со всеми женщинами не переспишь — говорит Королевский Дракон, — но к этому неукоснительно следует стре-

миться». «Если ты не нравишься хоть одному мужчине, ты и не женщина вовсе», — предупреждает он нежный пол.

«Главное удовольствие — это сексуальное переживание, — наставляет Большая Свинья, — и было бы глупо упустить случай и не испытать все грани и оттенки, когда радости в нашей жизни столь редки и кратковременны».

«Все дело в разнообразии, — настаивает Король Торопыга, — качество здесь в количестве: поз и партнеров!.

«Лучшая из медитаций — сексуальная, — мечтает Желтый Король, — а если вдобавок еще принять как и что следует, совсем улетишь».

«Женщина (мужчина) должна (должен) быть твоей (твоим), — отчеканивает Черный Король. — Ее (его) надо брать прямо за причинное место, и всякое сопротивление здесь БЕСПОЛЕЗНО!»

«Основа секса — искушение, и чем тоньше, чем дольше, чем глубже — тем сексапильнее, — обольстительно изгибаясь всем телом, мурлычет Большой Змей, — и не надо называть все грубыми прямыми словами, давайте придумаем свой специальный язычок: клубничка, лакомство, пастила, скажем, у мужчин, и зефирчик у девушки...»

«Воздержание — основа секса, — растолкует вам Серый Король, — ну а если когда что случается, то ни-ни, чтобы медленно и печально, как на похоронах любимой тетушки».

И в результате интимнейшая медитация, еще в самом начале которой обе тонкие семерки должны резко уменьшиться в размерах и быть в ее продолжении тише воды и ниже травы, превращается в аренду астрального цирка, где меряются силой *драконы* и *черные*, или вместе пьянствуют *желтые* верхом на *свиньях*, или (последняя фаза — секс для здоровья) вяло целуются *серые*; однако, опасаясь обвинений в порнографии, автор прекращает обсуждение этой заманчивой темы.

***

Враги.

Обсуждая тему человеческих взаимодействий, нельзя забывать и о фигуре соперника или личного врага. Иногда именно враг оказывается первым лицом, на которое человек обращает свой пристальный взор, дотоле сосредоточенный исключительно на самом себе. Сидишь себе тихонько в песочнице, делаешь куличи и башни, а тут вдруг является Некто, отнимает у тебя лопатку и ею же бьет тебя по голове — как тут не заинтересоваться вплотную личностью агрессора?

Первое появление врага или соперника чаще всего есть способ переключения внимания человека на что-то, резко отличное от него самого, что сопровождается существенным скачком точки сборки, притом всегда в достаточно напряженную для человека область, где он теряет контроль над ситуацией. Неприятность во многом заключается в том, что человек сильно *зависит* от своего врага (соперника) — или прямо, или косвенно, но, тем не менее, достаточно существенно для самого себя. Эта ситуация неприятной взаимозависимости чаще всего обусловлена тем, что человеку с его соперником есть что делить: любимую женщину, место под солнцем, славу и т.п. С точки зрения внутренней жизни, появление соперника означает активизацию определенной низшей программы подсознания, которая громко заявляет свои права; параллельно с этим в тонком мире актуализируется некоторая сущность, которая начинает воевать с человеком.

Эта война может выглядеть по-разному. Иногда во внешнем мире появляется соперник, чей *дракон* постоянно самоутверждается за счет унижения личного *дракона* человека; иногда это обидчик, чей *черный* подавляет, скажем, *черного, дракона* и *свинью* нашего героя; это может быть даже просто чужая *свинья*, которая нагло объедает личную *свинью* человека, и это оказывается очень трудно пережить; бывают и более сложные ситуации, в которых активен *желтый* или *змей* или сразу несколько тонких фигур. Однако на внешнем плане проблема взаимоотношений с врагом или соперником может быть решена только после того, как человек разберется с поведением собственной тонкой семерки и поймет, почему она так болезненно реагирует на поведение врага; вообще врага лучше всего рассматривать как свое кривое зеркало, в котором наиболее выпукло отражены актуальные собственные недостатки и недоработки.

Однако не следует недооценивать своих врагов. Кармический эгрегор всегда ставит перед человеком задачи, которые тот может решить лишь собрав все свои силы и умения, да и то не сразу, а изрядно поработав. В частности, научившись справляться со своей тонкой семеркой, человек избавляется от грубых врагов и примитивных соперников, но вовсе не решает эту проблему принципиально. Однако даже и на уровне борьбы, например, с драконическими врагами (т.е. с партнерами, самоутверждающимися за счет человека) часто наблюдается известная повторяемость сюжетов, которая заставляет подозревать наличие некоторой более тонкой, нежели личная семерка, сущности, которая постоянно строит против человека определенные козни, буквально подсовывая

ему партнеров-врагов с крупным *драконом*, немедленно вступающим в бой с личным *драконом* самого человека. При этом вполне может оказаться, что человек уже на втором таком случае, что называется, «все понял», и сократил своего личного *дракона*, но сюжет, тем не менее, и не думает заканчиваться. В чем тут дело?

Каждого человека в течение его жизни сопровождают три тонких сущности (существенно более тонкие, чем тонкая семерка), являющиеся посланниками трех Главных Эгрегоров. Эти сущности соответствуют гораздо до более глубоким программам подсознания, нежели тонко-семерочные тщеславие, эгоизм и т.д., и человек чаще всего их почти не замечает, или видит их проявления косвенно. Сущность, соответствующая Второму эгрегору Восприятия, уже появилась в этой главе — это Любящая Душа. Первый Эгрегор воли посылает человеку тонкую сущность, которая ниже именуется Личным Демоном: во внутреннем мире ей соответствует фигура Внутреннего Врага. Третий Эгрегор действия посылает человеку Ангела-информатора, помогающего ему в осуществлении прямой информационной связи с кармическим эгрегором. Человек, решивший в основном внутренние проблемы с собственной тонкой семеркой, выходит на уровень прямого взаимодействия с Личным демоном, Любящей Душой и ангелом-информатором как с партнерами; однако и обычный человек постоянно взаимодействует с ними косвенно и время от времени вступает с ними в прямой контакт, хотя может этого не осознавать. Эти моменты очень важны: не только как подготовка к будущему взаимодействию, но и как возможность увидеть центральные моменты собственной тонкой кармы (атманическое тело).

Эгрегор воли посылает человеку Личного демона для внешней акцентировки его самой актуальной на данный момент внутренней проблемы; внутри ту же функцию исполняет Внутренний враг. Логику Личного демона человеку очень трудно понять рационально, т.е. адекватно смоделировать в ментальном теле, поскольку демон работает с теми программами подсознания, которые практически недоступны сознанию человека и чаще всего вызывают у него сильный протест по поводу личной судьбы: «Зачем так долго одно и то же, зачем так мучительно и почему так бессмысленно,» — говорит человек, обращаясь к Богу или Владыкам Кармы (в зависимости от своей веры); однако Он или Они молчат или говорят нечто невразумительное, типа «Так надо» или «Вырастешь, Саша, узнаешь». И у человека, в зависимости от

более или менее гармоничных обстоятельств его судьбы, создается отчетливое впечатление, что Владыки Кармы — страшные перестраховщики или жуткие зануды, или (в худших случаях) — методичные садисты. Эти суждения, однако же, совершенно несправедливы.

Дело в том, что иногда миссия, которую должен исполнить человек в своей жизни, не требует от него кардинальной перестройки психики и освоения им качественно новых областей расположения точки сборки, и тогда он, вполне вероятно, проживет жизнь, так ни разу и не ощутив ледяного дыхания крыльев своего Личного демона и даже не заподозрив о существовании Внутреннего врага — и общественное подсознание считает нормальным и, более того, образцовым, именно такие судьбы, относя все остальные, хотя последние и составляют большинство, к болезненным или патологическим.

Однако, как правило, человек все же сталкивается с необходимостью в чем-то радикально переменить свое мнение о себе и свой способ видения себя и мира, и здесь малыми средствами часто обойтись не удается, хотя очень хочется. И тогда в действие приходит Внутренний враг, который призывает Личного демона, и обстоятельства внешней и внутренней жизни начинают буквально тащить волоком точку сборки человека в качественно новое для него положение, несмотря на отчаянное его сопротивление — вот здесь как раз и возникает представление о занудстве или перестраховке Владык Кармы: реально это вовсе не так, просто здесь от человека требуется существенно больше, чем он думает и чем ему хочется (*желтый*, часто вместе с *серым*, кричат: «Да ты на это в принципе не способен, хоть наизнанку вывернись»). Таким образом, Внутренний враг или, культурнее говоря, оппонент, по идее является безусловно положительной в жизни человека фигурой, если, конечно, не начинать с ним всерьез воевать — вот тогда может действительно стать плохо. Аналогично, Личный демон может проявляться очень неприятным для человека способом; например, ставить палки в колеса кареты его социального продвижения, или постоянно подсовывать партнеров по одной и той же совершенно неудовлетворительной программе отношений (скажем, типа «поматросил и бросил»), но сражаться с ним за свое счастье, особенно общесоциально понятое, лучше не надо: во-первых, это бессмысленно и выйдет только хуже, а во-вторых, карма имеет в виду вовсе не это, а *сильный* сдвиг точки сборки, и пока человек этого не сделает, демон от него не отстанет: в самом крайнем случае упорного сопротивления начинаются тяжелые невозвратимые потери,

включая болезни и смерть близких и самого человека: посланника Эгрегора воли перехитрить не удается.

И, наконец, третья сущность, посылаемая в помощь человеку Эгрегором действия, это Ангел-информатор. Его задача — помогать человеку ориентироваться в потоке ежедневных внешних и внутренних событий, с тем, чтобы он лучше ощущал волю своего кармического эгрегора, в том числе умел в нужную минуту на него настроиться и воспринять его посылку или, наоборот, передать ему интересующую его информацию. Ангел-информатор действует и во внутреннем и во внешнем мире человека.

Во внутреннем мире он проявляется в виде тихого, ненавязчивого и очень немногословного голоса, комментирующего события; его очень легко перебить, и он никогда не возражает и не настаивает на своем, но человек неизменно убеждается в его справедливости, хотя этот голос чаще всего ничего не отвечает на вопрос «почему?», т.е. не убеждает в правильности своих указаний и никак их не развивает. Его задача — донести существенную информацию до человека, но не убедить его в ее истинности.

Во внешнем мире Ангел-информатор посылает человеку людей, книги и другие источники важной для него информации, и расставляет акценты на событиях таким образом, чтобы человеку становился понятным их тонкий смысл и роль в его жизни. Развитый человек умеет читать знаки Ангела-информатора в самых обычных событиях внешней жизни, что позволяет ему вести себя гораздо точнее и совершать меньше бессмысленных усилий. На высоком уровне человек видит знаки и других Ангелов-информаторов, т.е. знаки в жизни других людей, и поэтому многое может сказать об их тонких ситуациях.

***

Описанные три тонкие сущности (тонкая тройка), опекающие человека и ведущие его по эволюционному пути (хочет он того или нет, осознает он это или нет) встречают, однако, ожесточенное сопротивление со стороны Гагтунгра, который буквально натравливает на них тонкую семерку. И хотя это не так просто, поскольку тонкая семерка существует на более низких вибрациях, чем тонкая тройка, тем не менее, семерке поначалу многое удается сделать для того, чтобы исказить влияние тройки. Некоторые характерные приемы (конечно, не все) этой войны описаны ниже; однако читатель всегда должен иметь в виду высокое происхождение тонкой тройки; ее можно рассматривать как три ипостаси одной и той же

сущности. Может быть, здесь уместно представление об Ангеле-хранителе, но не в слишком традиционном его понимании.

Основной метод борьбы Гагтунгра с тонкой тройкой заключается в создании образа врага, который на нее навешивается; или, другими словами, тонкая тройка обвиняется в грехах тонкой семерки, в то время как последняя паразитирует на ее информационно-энергетических потоках. Эти приемы работают, однако, только до тех пор, пока человек плохо различает уровни вибрации информационно-энергетических потоков.

Основная борьба ведется в пределах Главных Эгрегоров, т.е. с Личным демоном сражаются *дракон* и *черный*, к Любящей Душе отправляются *свинья*, *желтый* и *змей*, а с Ангелом-информатором борются *торопыжка* и *серый*, хотя возможны, конечно, и перекрестные взаимодействия.

При появлении Личного демона, которое проявляется во внешнем или внутреннем импульсе существенно изменить положение точки сборки, мгновенно оживает *дракон* и держит, например, следующую речь: «Человек — это звучит гордо. А ты и вовсе есть микрокосм, Вселенная в миниатюре, а также бессмертный Дух, всегда существовавший и нетленный, Все учителя, как высокие, так и мирские, внутри тебя, так что учиться тебе нечему и незачем, тем более не следует никак реагировать на глупые подначки внешнего хаоса или очевидных внутренних врагов». В менее образованном варианте *дракон* говорит попросту: «Я сам про себя лучше всех знаю, и катитесь вы все знаете куда!» Главный смысл этих речей — удержание точки сборки в исходном состоянии, и чем актуальнее для человека ее существенный сдвиг, тем активнее *дракон*: «Поздно меня переделывать! Уж умру такой, какой есть!» — завершает он свою обвинительную речь по поводу преступных деяний Личного демона.

Черный проецирует на Личного демона вину за все неприятности, случающиеся с человеком. Кроме того, он выставляет себя единственным защитником против возрастающей агрессивности мира. «Вокруг тебя сгущается вражья сила, — грозит он хозяину, — вооружайся, пока не поздно!» Действительно, сильный сдвиг точки сборки переводит человека в новую для него реальность, в которой старые механизмы защиты перестают работать, но это, вообще говоря, не означает, что он окажется там беззащитным, и тем более не значит, что нужно срочно вооружаться до зубов привычным оружием. Фактически *черный* хочет обратить это оружие на защиту против «агрессора», который вынуждает человека

сдвинуть точку сборки. Результатом деятельности *черного* часто является отношение человека к своему Личному демону как к тонкому и коварному злейшему врагу, что находит свое выражение и в негативном отношении к фигуре Внутреннего Оппонента, который чрезвычайно полезен человеку, являясь своеобразным отделом контроля качества и избавляя от многих грядущих неприятных неожиданностей — на низком уровне Оппонент вообще воспринимается как враг, а Личный демон чуть ли не как сатанинская фигура (откуда и название).

С любящей душой воюют трое — *свинья*, *желтый* и *змей*.

Как только человек ощущает в контакте с другим необычайное чувство, обозначаемое любым оттенком слова «любовь» или близкое к этому, его *свинья* широко разевает свою пасть, радостно восклицая: «Наконец-то и на моей улице праздник! Теперь-то хоть немного отъемся за все годы вынужденной голодовки!» *Свинья* и не думает отгонять Любящую душу, наоборот, она ее всячески приветствует, но при этом незаметно переводит точку сборки человека в область, соответствующую восприятию более вкусных для нее энергий. Это не обязательно сексуальные энергии, хотя, конечно, они привлекают *свинью* чрезвычайно; но даже чисто романтическая влюбленность, выполненная в точном соответствии с трафаретами художественной литературы, начисто блокирует восприятие человеком эманаций Любящей души. А если выясняется, что партнер тоже настроен на потребление, то дружная пара *свиней* не только опускает уровень медитации, но и быстро пачкает тонкую атмосферу общения: влюбленные начинают, непонятно для самих себя почему, ругаться по мелочам, раздражать друг друга и т.д. Трудность заключается еще и в том, что для того, чтобы воспринять эманации Любящей души, нужна соответствующая настройка обоих, и активность хотя бы одной из тонких фигур хотя бы одного из партеров становится здесь непреодолимым препятствием.

Желтый может вести себя по-разному в зависимости от уровня интимности общения. Пока контакт не возник, он может сеять в душе человека сомнение: «А можно ли доверять этому человеку? Нельзя открывать душу кому попало», или прямо искажать восприятие партнерами друг друга, устраивать ложные положения, обманы, взаимонепонимание и т.д. Если же, несмотря на его сопротивление, у партнеров все же начинается высокая медитация, *желтый* стремится по мере сил ее понизить и отправить пару в миры Фокермы, а слова и чувства Любящей души исказить так, как будто они идут

оттуда же. В то же время для восприятия Любящей души нужен высокий уровень доверия и согласования точек сборки партнеров, и как только он теряется, она перестает быть слышимой. А когда контакт нарушается, *желтый* говорит человеку: «Ну вот, опять не то — пойдем искать дальше» — хотя надо самому учиться слушать то, что тебе говорит высокий эгрегор, а не искать себе мегафон, около которого лучше слышно (поскольку Он усилителями не пользуется).

Змей начнет с того, что расскажет приличествующий случаю анекдот про Ромео и Джульетту или, вооружившись гитарой, споет народную частушку, начинающуюся словами «Милый с армии вернулся». Если это не помогает и его игнорируют, он может показать юноше его любимую в слегка пародированном виде, скажем, подчеркнув ее веснушки — а какое же может быть высокое чувство к пятнистому по весне носу? Его обладателя — любого пола — все-таки нельзя воспринимать всерьез. *Змей* всегда стремится внести в отношения долю юмора или иронии, уничтожающую ту медитацию, которая фактически идет, и чем она выше, тем меньшие средства для этого требуются. Не вовремя проскользнувшая насмешливая улыбка может сбить контакт, который налаживался с большими усилиями, и не повторится уже никогда, к великой радости *змея*.

С Ангелом-информатором борются *торопыжка* и *серый*.

Торопыжка требует, во-первых, конкретности, а во-вторых, немедленного применения информации, полученной от Ангела-информатора. Кроме того, *торопыжка* все время заставляет человека форсировать свою интуицию, вместо того, чтобы терпеливо дожидаться тех указаний Ангела-информатора, которые приходят от него сами, как во внешнем, так и во внутреннем мире. Многие знаки Ангела-информатора носят сначала общий характер, и впоследствии, по мере необходимости, им уточняются, а *торопыжка* форсирует этот процесс, нарушая связь. Кроме того, для установления этой связи обычно используется особый язык, который наполовину предлагает Ангел-информатор, а наполовину уточняет сам человек, и здесь от последнего требуются длительные усилия, поначалу почти не приносящие плодов, и этого *торопыжка* пережить, сами понимаете, не может. В то же время форсирование своего ясновидения, интуиции и т.п. ведет к тому, что связь с Ангелом-информатором теряется, а соответствующий канал перехватывает Урпарп, что поначалу может восприниматься человеком даже как его (канала) усиление, так как слышимость улучшается, но характер получаемой информа-

ции, уровень ее надежности и влияние на человека довольно быстро обнаруживают ее происхождение.

Серый неукоснительно подвергает сомнению всю информацию, получаемую человеком интуитивно; внешние знаки он чаще всего относит к суевериям, но иногда интерпретирует сам, естественно, как предвестники неминуемо грядущих неприятностей — каких именно, он не склонен уточнять. Какая разница? Болезни, несчастные случаи, стихийные бедствия, организованная или неорганизованная преступность — в любом случае добра не жди. Понятно, что возможность какого-либо конкретного прогнозирования человеком своего (или чужого) будущего, а тем более конструктивного влияния на него *серый* отрицает начисто. На более высоком уровне связи с Ангелом-информатором, когда он посылает человеку отчетливый информационный поток, *серый* будет высказываться в таком, например, роде: «Вот еще всякая ерунда ему в голову лезет, так он ее сразу на бумагу. Людей бы постыдился, если Бога не боишься! Половина того, что ты пишешь — общеизвестные прописные истины, остальное — грубое заблуждение, хорошо еще, если искреннее».

***